

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

научный журнал

www.nbpublish.com

nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-01-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Попова Светлана Михайловна - Doctor of Political Science, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Ведущий научный сотрудник, 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6 к.1, sv-2002-1@yandex.ru

ISSN: 2454-0684

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-01-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Popova Svetlana Mikhailovna - Doctor of Political Science, Institut demograficheskikh issledovaniy FNISTS RAN, Vedushchii nauchnyi sotrudnik, 119333, Rossiya, g. Moskva, ul. Fotievoi, 6 k.1, sv-2002-1@yandex.ru

ISSN: 2454-0684

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и финансово-правовых дисциплин ФКОУ ВО «Воронежский институт ФСИН России». 394006, Воронеж, ул. 20-летия Октября 95. e-mail:

peshkova1@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (Университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. г. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Шилкина Наталья Егоровна – доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный университет, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, natali.shilkina@rambler.ru

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, профессор, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Мальцева Анна Васильевна – доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, annamaltseva@rambler.ru

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет, Кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. 1-Я линия, 26, оф. 509

Шугуров Марк Владимирович – доктор философских наук, профессор Саратовская государственная юридическая академия, кафедра международного права, 410056, Россия,

г. Саратов, ул. Вольская, 1, оф. 621

Бадинтер, Робер — доктор права, профессор Сорбонны, члена Сената Франции (Верхней Палаты Парламента). SENAT, 15, rue de Vaugirard. 75291. PARIS, Cedex 06. France.

Гейт, Жан — доктор права, доцент Университета Экс-Марсель-III. Universite Paul Cezanne, Aix-Marseille III. 3, Avenue Robert Schuman, 13090 Aix-en-Provence, France.

Ковлер Анатолий Иванович -доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушkinsкая ул., 34, Москва, 117218

Рулан, Норбер — доктор права, профессор Университета Экс-Марсель-III. Universite Paul Cezanne, Aix-Marseille III. 3, Avenue Robert Schuman, 13090 Aix-en-Provence, France.

Саидов Акмаль Холматович — доктор юридических наук, профессор, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека Председатель комитета Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 100035. Республика Узбекистан, г. Ташкент, проспект Бунёдкор 1, info@parliament.gov.uz

Епифанцев Сергей Николаевич - доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, член президиума РАЕН. 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

Локосов Вячеслав Вениаминович – доктор социологических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32;

Зайцев Александр Владимирович - доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, Костромской государственной университет, кафедра философии, культурологии и социальных коммуникаций Россия, Кострома, улица Дзержинского, 17/11, остромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Артемов Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права и бухгалтерского учета Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. 123995. Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

Лопашенко Наталья Александровна - доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции; профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной академии права; эксперт Правового управления Государственной Думы Российской Федерации. 410056. Россия, г. Саратов, Саратовская государственная академия права, ул. Вольская, 1, корпус № 5, комната 716

Ефименко Дмитрий Борисович – доктор технических наук, доцент по кафедре транспортной телематики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)», декан факультета логистики и общетранспортных проблем, заведующий кафедрой «Правовое и таможенное регулирование на транспорте» МАДИ, 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 207л. ed2002@mail.ru

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Минникес Ирина Викторовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой

теории и истории государства и права Иркутского института (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции». 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4. iaminnikes@yandex.ru

Акопов Григорий Леонидович - доктор политических наук, Московский государственный технический университет гражданской авиации Ростовский филиал, Заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин, Южно-Российский институт РАНХиГС, профессор кафедры политологии и этнополитики, 344009, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Шолохова, 262в, оф. 1, ag078@icloud.com

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Бесчасная Альбина Ахметовна - доктор социологических наук, Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Профессор, 190121, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43 aabes@inbox.ru

Бидова Бэла Бертровна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bel_a_007@bk.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, 16, кв. 32, nadezhda-blejikh@mail.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й Кадетский переулок, 12, alexey771977@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009, Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологодина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, главный научный сотрудник, институт мировых цивилизаций, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС),

профессор, 117292, Россия, г. Москва, ул. Нахимовский проспект дом 48 кв.96,
48, demetradze1959@mail.ru

Зотов Виталий Владимирович - доктор социологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», профессор департамента философии Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, 305004, Россия, Курская область, г. Курск, ул. Льва Толстого, 14 Г, кв. 16, om_zotova@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Коновалов Александр Борисович - доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Кемеровский государственный университет", Профессор кафедры философии и общественных наук, 650000, Россия, Кемеровская область - Кузбасс область, г. Кемерово, ул. Н. Островского, 27, кв. 12, konab@list.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Лукичев Павел Николаевич - доктор социологических наук, Южный федеральный университет, профессор, 345421, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, пр-кт Баклановский, 138, кв. 138, lukichev@inbox.ru

Панченко Владислав Юрьевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, 119296, Россия, г. Москва, ул. Вавилова, 52 к 1, кв. 20, panchenkovlad@mail.ru

Попова Светлана Михайловна - Doctor of Political Science, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Ведущий научный сотрудник, 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6 к.1, popova-svetlana@idrras.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmms@rambler.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Скобелина Наталья Анатольевна - доктор социологических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400121, Россия, Волгоградский регион область, г. Волгоград, наб. Волжской Флотилии, 1, кв. 180, volnatmax@mail.ru

Сопов Александр Валентинович - доктор исторических наук, ФГБОУ ВО Майкопский государственный технологический университет, 385011, Россия, республика Адыгея, г. Майкоп, ул. 12 Марта, 134, корп.2, кв. 46, avsopov@yandex.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Шульгина Ольга - доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Council of editors

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Professor of the Department of Social, Humanitarian, Financial and Legal Disciplines at the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 95 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006. e-mail: peshkova1@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Shilkina Natalia Egorovna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy, St. Petersburg State University, 1/3 Smolny Street, St. Petersburg, 191060, natali.shilkina@rambler.ru

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Science, History and Social Technologies, Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Maltseva Anna Vasilyevna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology, St. Petersburg State University, 191060, St. Petersburg, Smolny str., 1/3, annamaltseva@rambler.ru

Nikolai Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, Northwestern Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Oleg Anatolyevich Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Ilya Anatolyevich Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg region, St. Petersburg, 1st line str., 26, office 509

Shugurov Mark Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor Saratov State Law Academy, Department of International Law, 410056, Russia, Saratov, Volskaya str., 1, office 621

Badinter, Robert — Doctor of Law, Professor at the Sorbonne, member of the Senate of France (Upper House of Parliament). SENAT, 15, rue de Vaugirard. 75291. PARIS, Cedex 06. France.

Gate, Jean — Doctor of Law, Associate Professor at the University of Aix-Marseille III. Universite Paul Cezanne, Aix-Marseille III. 3, Avenue Robert Schuman, 13090 Aix-en-Provence,

France.

Anatoly Ivanovich Kovler - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Roulan, Norbert — Doctor of Law, Professor at the University of Aix-Marseille-III. Universite Paul Cezanne, Aix-Marseille III. 3, Avenue Robert Schuman, 13090 Aix-en-Provence, France.

Akmal Kholmatovich Saidov — Doctor of Law, Professor, Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Chairman of the Committee of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan. 100035. Republic of Uzbekistan, Tashkent, Bunyodkor Avenue 1, info@parliament.gov.uz

Epifantsev Sergey Nikolaevich - Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences. 344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42.

Vyacheslav V. Lokosov – Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences. Nakhimovsky Prospekt, 32, Moscow, 117218, Russia;

Zaitsev Alexander Vladimirovich - Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications 17/11 Dzerzhinsky Street, Kostroma, Ostrom region, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Artemov Nikolay Mikhailovich is a Doctor of Law, Professor of the Department of Financial Law and Accounting at the O.E. Kutafin Moscow State Law Academy. 123995. 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russia.

Lopashenko Natalia Alexandrovna - Doctor of Law, Professor, Director of the Saratov Center for the Study of Organized Crime and Corruption; Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law of the Saratov State Academy of Law; expert of the Legal Department of the State Duma of the Russian Federation. 410056. Saratov State Academy of Law, 1 Volskaya str., building No. 5, room 716, Saratov, Russia

Efimenko Dmitry Borisovich – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor at the Department of Transport Telematics, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Dean of the Faculty of Logistics and General Transport Problems, Head of the Department "Legal and Customs Regulation in Transport" MADI, 125319. Moscow, Leningradsky ave., 64, office 207I. ed2002@mail.ru

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, block 133

Minnikes Irina Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice. 664011, Irkutsk, Nekrasova str. , 4. iaminnikes@yandex.ru

Grigory L. Akopov - Doctor of Political Sciences, Moscow State Technical University of Civil Aviation Rostov Branch, Head of the Department of Socio-Economic Disciplines, RANEPa South Russian Institute, Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, 344009, Rostov Region, Rostov-on-Don, 262b Sholokhova str., office 1, ag078@icloud.com

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Beschasnaya Albina Akhmetovna - Doctor of Sociology, Northwestern Institute of Management - Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor, 190121, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43 aabes@inbox.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Nadezhda Oskarovna Bleikh - Doctor of Historical Sciences, K.L.Khetagurov North Ossetian State University, Professor of the Department of Psychology, Faculty of Psychology and Pedagogy, 362043, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Vladikavkazskaya str., 16, sq. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, 2nd Kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Gryaznova Elena Vladimirovna - Doctor of Philosophy, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Professor, 603009, Russia, Nizhny Novgorod, Vologda str., 1 B, office 49, egik37@yandex.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia 96, 48 sq., demetradze1959@mail.ru

Vitaly Vladimirovich Zotov - Doctor of Sociological Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)", Professor of the Department of Philosophy of the Educational and Scientific Center for Humanities and Social Sciences, 305004, Russia, Kursk region, Kursk, Lva Tolstogo str., 14 G, sq. 16, om_zotova@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociological Sciences, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, "All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Chief Researcher of the Department of Scientific Information, Training of Scientific Personnel and ensuring the activities of Scientific councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Moscow, Moscow, Povarskaya str., 25, building 1, pkobets37@rambler.ru

Konovalev Igor Anatolyevich - Doctor of Historical Sciences, Omsk State Agricultural University named after F. M. Dostoevsky, Dean of the Faculty of Law, 644050, Russia, Omsk region, Omsk, lane. Kombinatsky, 4, sq. 48, konov77@mail.ru

Konovalev Alexander Borisovich - Doctor of Historical Sciences, Kemerovo State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 650000, Russia, Kemerovo Region - Kuzbass region, Kemerovo, N. Ostrovsky str., 27, sq. 12, konab@list.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul. Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Lukichev Pavel Nikolaevich - Doctor of Sociology, Southern Federal University, Professor, 345421, Russia, Rostov region, Novocherkassk, Baklanovsky Ave., 138, sq. 138, lukichev@inbox.ru

Panchenko Vladislav Yurievich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Linguistic University", Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, 119296, Russia, Moscow, Vavilova str., 52 k 1, sq. 20, panchenkovlad@mail.ru

Popova Svetlana Mikhailovna - Doctor of Political Science, Institute of Demographic Research of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, 6 k.1, Fotieva str., Moscow, 119333, Russia, popova-svetlana@idrras.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher in the sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State-Owned Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control headquarters exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye Sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Natalia Anatolyevna Skobelina - Doctor of Sociology, Volgograd State University, Professor, 400121, Russia, Volgograd region, Volgograd, nab. Volga Flotilla, 1, sq. 180, volnatmax@mail.ru

Sopov Alexander Valentinovich - Doctor of Historical Sciences, Maykop State Technological University, 385011, Russia, Republic of Adygea, Maykop, 124 Marta str., building 2, block 46,

avsopov@yandex.ru

Tropin Nikolay Alexandrovich - Doctor of Historical Sciences, I.A. Bunin Yelets State University, Senior Researcher, 49 Ordzhonikidze str., Yelets, 399771, Lipetsk Region, Russia, tropin2003@list.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., room 3024, Moscow, 125299, Russia, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Olga Shulgina - Doctor of Historical Sciences, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University" (GAOU IN MGPU), Head of the Department of Geography and Tourism, 119192, Russia, Moscow, Moscow, Michurinsky Prospekt, 56, sq. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

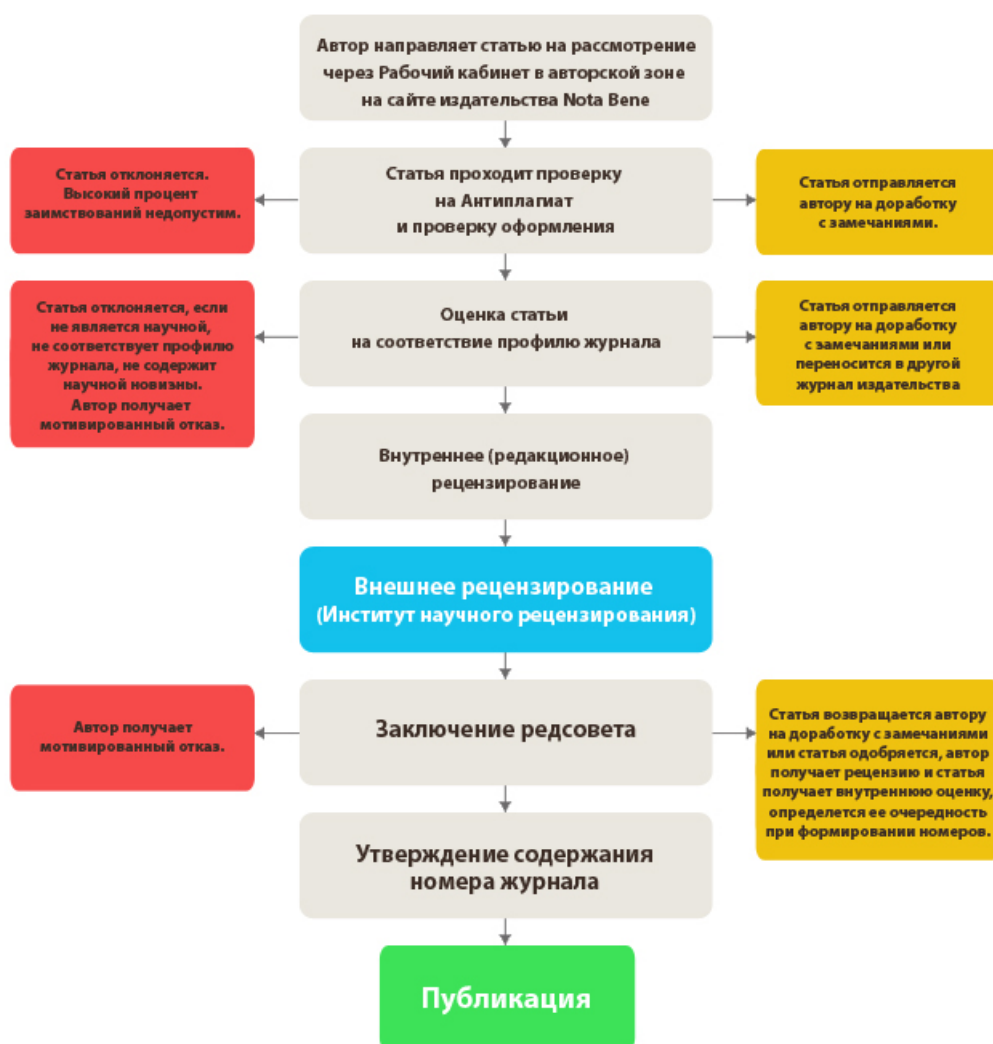
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Стенько А.И., Стенько И.А. Новый курс «История религий России»: не только общеобразовательная дисциплина, но и элемент культурной и образовательно-научной дипломатии (анализируя первые итоги преподавания на английском языке курса "History of Religions in Russia" для иностранных студентов)	1
Подольский В.А. Развитие социального государства в Японии и оценка его эффективности	10
Хабибуллина З.Р. Хадж в системе государственно-исламских отношений в России: история и современность	30
Усов А.Ю., Нестерова Н.А. О роли прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних	40
Руколеев В.А., Задорина М.А. Проблемы реализации права на пенсионное обеспечение отдельных категорий граждан в условиях международно-политической нестабильности	55
Камалетдинов Д.А. Репрезентация историко-культурного наследия в академическом музее как фактор сохранения и укрепления межкультурного диалога на региональном уровне (по материалам Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН)	67
Николаев И.В. Темпоральность официального дискурса российской государственной власти (2012–2022): грамматическое vs семантическое измерение	77
Рыбаков А.В. Неинституциональная политика и социальные движения как ее акторы	94
Дашибалова И.Н. Синхрония проведения советских государственных праздников и современных «городских ритуалов» (на примере г. Улан-Удэ)	109
Константинов М.С., Поцелуев С.П., Пупыкин Р.А. Концепт «Русский мир» в идеологических установках южнороссийской студенческой молодёжи (по материалам социологических исследований 2015–2021 гг.)	126
Англоязычные метаданные	148

Contents

Stenko A.I., Stenko I.A. New University Course "History of Religions in Russia": Not Only a General Educational Discipline, But Also an Element of Cultural, Educational and Scientific Diplomacy" (Analyzing First Results of Teaching the Course in English to Foreign Students)	1
Podolskiy V.A. The development of the Japanese welfare state and assessment of it's performance	10
Khabibullina Z.R. Hajj in the System of state-Islamic Relations in Russia: History and Modernity	30
Usov A.Y., Nesterova N.A. On the role of the prosecutor in protecting the labor rights of minors	40
Rukoleev V.A., Zadorina M.A. Problems of realization of the right to pension provision for certain categories of citizens in conditions of international political instability	55
Kamaletdinov D.A. Representation of historical and cultural heritage in the Academic Museum as a factor in preserving and strengthening intercultural dialogue at the regional level (based on the materials of the Museum of Archeology and Ethnography of the IES UFRC RAS)	67
Nikolaev I.V. The Temporality of the Official Discourse of the Russian government (2012-2022): grammatical vs semantic dimension	77
Rybakov A.V. Non-institutional politics and social movements as its actors	94
Dashibalova I.N. The synchrony of Soviet public holidays and modern "urban rituals" (using the example of Ulan-Ude)	109
Konstantinov M.S., Potseluev S.P., Pupikin R.A. The concept of the "Russian world" in the ideological attitudes of southern Russian student youth (based on sociological research materials from 2015–2021)	126
Metadata in english	148

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Стенько А.И., Стенько И.А. Новый курс «История религий России»: не только общеобразовательная дисциплина, но и элемент культурной и образовательно-научной дипломатии (анализируя первые итоги преподавания на английском языке курса "History of Religions in Russia" для иностранных студентов) // Политика и Общество. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.71957 EDN: MOXYMM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71957

Новый курс «История религий России»: не только общеобразовательная дисциплина, но и элемент культурной и образовательно-научной дипломатии (анализируя первые итоги преподавания на английском языке курса "History of Religions in Russia" для иностранных студентов)

Стенько Александр Иванович

ORCID: 0000-0002-0951-7597

ассистент; кафедра истории философии; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ stenko-ai@rudn.ru

Стенько Ирина Александровна

ORCID: 0009-0005-7296-5359

ассистент; кафедра иностранных языков Высшей школы управления; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

111550, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ irinastenko-social@mail.ru

[Статья из рубрики "ДИАЛОГ КУЛЬТУР"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2024.4.71957

EDN:

MOXYMM

Дата направления статьи в редакцию:

09-10-2024

Дата публикации:

16-10-2024

Аннотация: Данная статья посвящена осмыслению первого опыта преподавания на английском языке относительно новой для российской высшей школы учебной дисциплины «История религий России» (ИРР). Предметом исследования в предлагаемой работе выступает учебно-методологический комплекс по курсу ИРР (в первую очередь, его англоязычной версии – “History of Religions in Russia”), проходящий в настоящее время апробацию в Российском университете дружбы народов (РУДН) имени Патриса Лумумбы на первых курсах бакалавриата в учебных группах, обучающихся по англоязычным образовательным программам как гуманитарного, так и технического профилей. Цель исследования заключается в обобщении и систематизации методических, методологических, организационных, материально-технических и прочих особенностей внедрения указанного предмета в учебную программу вуза. В исследовании использованы общенаучные и специальные методы: обобщение и классификация, дедукция и индукция, анализ административно-нормативных и методических документов. Новизна работы заключается в реализации ранее не проводившегося анализа эмпирических результатов преподавания общеобразовательного курса, запущенного для иностранных студентов лишь осенью 2024 года. Практическая значимость статьи сводится к предоставлению другим российским вузам, планирующим в перспективе начать преподавание на английском языке дисциплины “History of Religions in Russia”, возможности использования соответствующих материалов и наработок РУДН, ставшего в этой области своего рода первопроходцем среди учреждений высшего образования в России. Кроме прочего, полученные выводы могут быть использованы в целях повышения качества образовательных услуг, обеспечения доступного и непрерывного образования в РФ, в первую очередь, в рамках ведущихся на иностранных языках программ, нацеленных на аудиторию иноязычных слушателей.

Ключевые слова:

история религий России, религиозное просвещение, межрелигиозный диалог, разработка нового курса, преподавание иностранным студентам, научная дипломатия, образовательная дипломатия, адаптация понятийного аппарата, русский менталитет, межконфессиональный диалог

Введение

Как и во многих вузах Российской Федерации во исполнение соответствующих распоряжений профильных госорганов РФ на базе РУДН им. Патриса Лумумбы с сентября 2024 года дан старт преподаванию курса «История религий России» (ИРР). В то же время РУДН в определенной мере стал первопроходцем в части внедрения ИРР в канву обязательной общеобразовательной программы российского высшего образования, поскольку в этом вузе новая дисциплина преподается в том числе для иностранных студентов, обучающихся по англоязычным учебным программам вуза.

Разработка и внедрение любого нового курса (и «История религий России» с её англоязычным вариантом “History of Religions in Russia” не стали в этом контексте исключением) неизбежно сопровождается целым рядом сложностей: методическими, методологическими, организационными, материально-техническими и проч. По итогам

первых месяцев ведения данной программы авторы в предлагаемой работе планируют поделиться полученным к настоящему моменту опытом в подготовке и проведении лекций и семинаров для иностранных групп с особым акцентом на негуманитарные образовательные направления. Фокус приоритетного внимания в исследовании направлен на изучение методических и методологических вопросов, связанных с преподаванием предмета "History of Religions in Russia". Особое внимание уделяется проблемам корректности передачи ключевых терминов, поиска англоязычных аналогов понятийного аппарата дисциплины для того, чтобы точно довести до иностранных слушателей значение и смысл курса, его мировоззренческие ориентиры. Отдельный акцент сделан на ревизии первоначальных задач и целей дисциплины с прицелом на их возможную адаптацию под аудиторию из числа не владеющих русским языком студентов-иностранцев.

История вопроса разработки и внедрения курса

Необходимость внедрения в программу высшего образования Российской Федерации некоей религиозно-просветительской дисциплины назрела уже давно ввиду исторического, уникального в своем роде этноконфессионального разнообразия населения нашей страны и серьезно актуализировалась на фоне текущих демографических тенденций в РФ, миграционных процессов на постсоветском пространстве и в условиях резкого повышения политической значимости укрепления духовно-нравственных ценностей в государстве. Таким образом был сформирован общественно-политический запрос на курс, призванный дать студентам адекватные и актуальные знания о религиозных традициях народов РФ в контексте формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей [\[1\]](#).

Первыми практическими шагами на этом направлении можно считать Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и поручения главы государства от 11.12.2024 года по итогам встречи с историками и представителями традиционных религий России. На этой нормативной базе Министерство науки и высшего образования РФ России совместно с Межведомственной комиссией по историческому просвещению, Ассоциацией «Российское историческое общество» и при участии заинтересованных федеральных органов исполнительной власти было поручено рассмотреть вопрос о разработке и внедрении в образовательные программы высшего образования учебного курса (модуля) «История религий России».

В беспрецедентно короткие сроки – без малого в течение года – Минобрнауки РФ разработало и утвердило типовую программу нового учебного курса для вузов «История религий России» [\[2\]](#). Программа была подготовлена историками, религиоведами и философами МГУ имени М.В.Ломоносова и Российского государственного социального университета. Уже в 2023-2024 учебном году в 28 университетах России была запущена апробация новой дисциплины. Эксперимент был признан успешным, поэтому в следующем учебном сезоне 2024-2025 года, в соответствии с решением Минобрнауки, новый курс предполагался к запуску в большинстве российских вузов, прежде всего – на социо-гуманитарных направлениях подготовки, а на «непрофильных» специальностях предусматривалась его интеграция в виде отдельного образовательного модуля [\[1\]](#).

РУДН им.Патриса Лумумбы не стал исключением в этом контексте и в соответствии с рекомендациями профильных госорганов с 1 сентября 2024 года начал ведение курса ИРР на большинстве программ подготовки бакалавров. В соответствии с утвержденной

Минобрнауки типовой программой курса «Истории религий России» научно-педагогическим составом кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН была проведена работа по выработке собственного адаптированного под специфику вуза подхода к внедрению ИРР на основе рекомендованного содержательного метода. Неизменными, в частности, остался объем лекционных и семинарских занятий (по 36 часов, соответственно), а также мировоззренческие ориентиры дисциплины, заключающихся в формировании у студентов осознания принадлежности к российскому обществу, развитии их гражданской ответственности, понимания особенностей исторического пути государства, самобытности его политического устройства [3].

Специфика аудитории иностранных слушателей курса

Не вдаваясь в частности и отдельные нюансы разработки адаптированной программы дисциплины на базе унифицированных тематических планов по трем основным блокам вводимой дисциплины (историко-религиоведческий раздел, аспекты формирования государственности, в рамках которой создавалась поликонфессиональная карта страны, а также религиозные традиции и правовые аспекты современности) [2], остановимся на общих осложняющих аспектах, в полной мере выявить которые удалось уже после запуска курса на английском языке.

Одна из главных указанных особенностей, с которой столкнулись специалисты РУДН – факт наличия в университете 72 программ подготовки бакалавров, проводимых на иностранных языках для студентов, абсолютно не владеющих русским. Примечательно также, что, ввиду конъюнктуры актуального спроса на рынке международных образовательных услуг, большая часть указанных программ представляла собой направления негуманитарных специальностей (среди наиболее востребованных иностранными студентами в 2023 году – «Лечебное дело», «Нефтегазовое дело», «Менеджмент») [4].

С учетом подобной специфики практика показала наличие трех ключевых требующих особого внимания моментов. Во-первых, студенты первого курса бакалавриата негуманитарных специальностей, как правило, не обладают высокой степенью базовой подготовки по профилю философии, религиоведения и т.д. Это, кроме прочего, затрудняет донесение до них базовых для курса понятий и определений, например, связанных с раскрытием историко-философской эволюции концепта религии.

Во-вторых, студенты-иностранцы, обучающиеся в настоящее время в России, даже при условии уверенного владения английским, зачастую не являются носителями языка. Обладая разным уровнем языковой подготовки, они нередко сталкиваются со сложностями в восприятии стержневой для дисциплины терминологии – от, например, специализированных богословских понятий **sacrament** (таинство), **covenant** (завет) до более общеобиходных лексических единиц, таких как **parish** (приход), **belfry** (колокольня) [5].

Также при организации преподавания курса оказалось важным учитывать такой дисциплинарно-психологический аспект, как частое наличие в учебных группах студентов-выходцев из стран, находящихся в состоянии конфликтов, обусловленных в том числе религиозными причинами (Израиль - Ливан, Иран или Азербайджан - Армения). Данное обстоятельство, как минимум, требует от преподавателя дополнительных коммуникативных и педагогических умений, чтобы вопреки сложности политической обстановки в мире обсуждать религиозные вопросы с аудиторией

студентов, лишь недавно приехавших из других социокультурных реалий.

Особенности методологической и методической базы

Наиболее проблематичная и на данный момент по большому счету не решенная ситуация складывается вокруг выявленного дефицита соответствующих целям и задач ИРР англоязычных методических материалов. Подавляющая часть из имеющихся сейчас источников на английском языке (от справочников, учебников, пособий до видео- и аудиоматериалов) размещены на западных цифровых платформах и созданы в недружественных России странах.

Это обстоятельство обуславливает то, что большинство имеющихся на иностранном языке методических материалов являются направленными и ценностно окрашенными, зачастую искажая историю и актуальное положение в религиозной сфере РФ. Продвигаемые в данных источниках (особенно, в изданных в течение последних нескольких лет) тезисы не только искажают общую картину истории религий в России, но и часто носят откровенно лживый русофобский характер и противоречат целям и задачам самого курса.

Особенно тревожен в этом контексте факт невозможности для преподавателей и студентов на постоянной основе пользоваться в образовательных целях результатами исследований наиболее авторитетных, но предвзятых в настоящее время теологических институтов и религиоведческих мозговых центров таких, как, например, широко известное американское аналитическое бюро Pew Research Center.

Специфика перевода терминологического и понятийного аппарата

Указанные выше обстоятельства вкупе с фактом дефицита в настоящее время качественно переведенных на английский язык современных работ отечественных теологов и религиоведов создают серьезные сложности при систематизации на английском языке терминологического и понятийного аппарата курса "History of Religions in Russia". Так, выработанные на русском языке и заложенные в дисциплину термины и понятия требуют аккуратного поиска точного аналога на английском языке. Важно учитывать, что сделанные методом кальки переводы часто не соответствуют, а периодически и кардинально ошибочно передают изначально заложенный в русском варианте смысл. Лишь один пример – если в англоязычном сегменте академических научных публикаций попытаться найти общепринятый английский аналог термина **«общероссийская гражданская идентичность»**, то наиболее частый предлагаемый результат будет выглядеть как **"All-Russian Civic Identity"** [6]. Однако, подобный перевод представляется неточным, поскольку прилагательное **"Russian"** в данном случае иностранным реципиентом будет восприниматься как **«русский»** (национальность), а не как **«российский»** (государственная принадлежность) [7].

Кроме того, общепринятые в западной научной школе англоязычные термины не всегда соответствуют российской религиоведческой терминологии. Это связано, в том числе, с частым несовпадением социокультурных и социально-политических контекстов. Как следствие, например, более часто встречающийся в российском научном религиоведении термин **«(родо)племенные»** [8] религии в англоязычной академической среде на современном этапе имеет аналог **"indigenous religions"** [9]. Однако давать студентам данный термин в рамках ведения курса "History of Religions in Russia" представляется нецелесообразным, поскольку он в первую очередь охватывает «туземные», «коренные» культурно-религиозные и этноконфессиональные группы в

регионах Северной и Южной Америк, Африки, Австралии и не соответствует российским историческим и культурным реалиям, так как в большей степени сформировался под влиянием колониального исторического наследия стран Западной Европы.

Выявленные новые цели и задачи курса «История религий России»

В соответствии с уставными нормативными документами курса «История религий России», в том числе принятыми в РУДН на базе типовой программы рабочими планами, первоначальными целями и задачами дисциплины являются предоставление знаний, умений и навыков для понимания исторических основ становления и развития религиозных традиций в России, просвещение в сфере межконфессиональной ситуации и государственно-религиозных отношений в РФ, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей [\[3\]](#). То есть все они носят достаточно очевидный «внутрироссийский общественно-политический» функционал, направленный на «внутреннего адресата» в лице российской молодежи.

Однако в случае преподавания ИРР для иностранных слушателей на английском языке у дисциплины появляются, как минимум, одна новая задача и одна новая цель. Курс "History of Religions in Russia" в нашем случае очевидным образом направлен на знакомство иностранных студентов с культурой и менталитетом российского общества. При этом среди приоритетов дисциплины на первое место выдвигается цель формирования образа РФ как страны, исторически открытой к межконфессиональному и межкультурному диалогу.

Любопытно, что указанная ситуация с трансформацией целеполагания курса ИРР уже имела место в схожих обстоятельствах, когда несколько лет тому назад в российских вузах начиналось ведение на английском языке курса «Основы российской государственности». Как показывает практика, обе новые дисциплины имеют не только просветительскую функцию, но и становятся инструментом культурной и научно-образовательной дипломатии [\[10, 11\]](#).

Ключевые результаты исследования

Исходя из анализа изложенных выше первых эмпирических результатов преподавания на английском языке курса «История религий России» для иностранных студентов, можно прийти к однозначному выводу о важности продолжения работы по совершенствованию учебно-методического комплекса ИРР в целях его адаптации для иноязычных слушателей.

В этом ряду следует особое внимание уделить адаптации материалов курса с учетом языкового уровня и гуманитарного или же технического профиля студентов. В то же время при соответствующем «упрощении» терминологического аппарата критически важно сохранить мировоззренческие ориентиры дисциплины. В этой связи также целесообразно продолжить последовательный поиск англоязычных аналогов для ключевых понятий курса.

Особенно значимой, но в то же время достаточно затратной и сложной представляется задача подбора, а также разработки корректного, непредвзятого учебно-методического иллюстративного и прочего вспомогательного материала для англоязычной версии дисциплины.

Также необходима ревизия и поиск дополнительных формулировок при определении

целей и задач ИРР в случае ведения данной программы для иностранных студентов, а не учащихся-граждан РФ.

Заключение

Подводя итоги, необходимо обратить внимание на то, что как с российскими, так и с иностранными студентами курс «История религий России» несет в себе крайне важную просветительно-воспитательную функцию. Тщательная проработка английского варианта дисциплины способна создать базу для расширения в перспективе географического охвата содержательной части данного курса с преимущественно внутрироссийского межконфессионального аспекта на исследование проблематики межрелигиозных отношений в других странах, особенно из числа государств ближнего зарубежья, микро- и макро регионах мира. Это было бы, в частности, полезно в рамках текущих устремлений российских вузов на стимулирование экспорта отечественного образования за рубеж.

Накопленный в РУДН им.Патриса Лумумбы и обобщенный в данной статье опыт практической обкатки курса "History of Religions in Russia" на английском языке может быть использован другими российскими образовательными учреждениями в целях повышения качества образовательных услуг, обеспечения доступного и непрерывного образования в России, в частности в рамках ведущихся на иностранных языках программ, нацеленных на аудиторию иноязычных слушателей.

Библиография

1. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, пресс-релиз от 07.03.2024 [электронный ресурс] // minobrnauki.gov.ru 2024. – Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/80086/> (дата обращения: 12.10.2024).
2. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, пресс-релиз от 16.10.2023 [электронный ресурс] // minobrnauki.gov.ru 2023. – Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/74331/> (дата обращения: 12.10.2024).
3. Рабочая программа дисциплины «История религий России» Аграрно-технологического института РУДН им. П. Лумумбы [электронный ресурс] // rudn.ru 2024. – Режим доступа: https://www.rudn.ru/sveden/files/rw/Progr_35.03.10_SLAbd00r-l000-4.00_Istoriya_religii_Rossii_2024.pdf/ (дата обращения: 12.10.2024).
4. Информационная брошюра РУДН им. П. Лумумбы [электронный ресурс] // rudn.ru 2024. – Режим доступа: <https://www.rudn.ru/storage/media/page/dba3d06a-3fd1-4efa-a2b9-7b7c91fbb1cb/p1r36POVzwIgOdWUJByqnZnOz4nPdBbDgX87bOFX.pdf/> (дата обращения: 12.10.2024).
5. Азаров, А. А. Большой англо-русский словарь религиозной лексики. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 807с.
6. Результаты поиска понятия "all-Russian civic identity" в поисковой системе «Гугл» [электронный ресурс] // google.ru 2024. – Режим доступа: <https://www.google.ru/search?q=All-Russian+Civic+Identity> (дата обращения: 12.10.2024).
7. Покровская, Е. В. Англо-русский словарь. Политика – власть – общество. – М. : АСТ, 2010. – 736с.
8. Кононенко, Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече, АСТ, 2003. – 511с.
9. Cox, James L. From Primitive to Indigenous: The Academic Study of Indigenous Religions. Aldershot: Ashgate, 2007.

10. Мчедлова, М.М. Тезисы выступления на научно-методическом семинаре «Towards the Tutorial on Basics of Russian Statehood», РУДН им.П.Лумумбы. – 26.01.2024

11. Аветисян, А. А. Роль языка в реализации культурной дипломатии и межкультурной коммуникации // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – №. 8. – С. 46-48.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемой работы выступают выявленные в процессе преподавания на базе Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы нового курса «История религий России» (в англоязычном варианте "History of Religions in Russia") проблемы, а также некоторые их решения, найденные в практике преподавания в указанном вузе. То есть, работа, строго говоря, не является исследовательской, поэтому предъявлять к ней требования, обычные для научных статей не очень корректно. Тем не менее, крайне высокая актуальность темы преподавания курса «История религий России», а также полезность полученного опыта для преподавателей из других вузов побудили рецензента рекомендовать рецензируемую статью к публикации. Несмотря на то, что сами авторы этой статьи не указали научной методологии, сфокусировавшись на изложении результатов преподавания дисциплины, тем не менее, некоторые элементы научной методологии в статье можно обнаружить: прежде всего, методологический инструментарий нормативно-институционального анализа (при раскрытии институциональной базы преподаваемой дисциплины), сопоставительного анализа (при описании проблем перевода содержания курса на другие языки), а также дискурс-анализа (при исследовании дискурсивных проблем преподаваемой в иноязычной среде дисциплины). Несмотря на информативный характер рецензируемой статьи, в ней есть и некоторая научная новизна: прежде всего, речь идёт о новом опыте преподавания дисциплины «История религий России», обнаруженных в процессе преподавания проблемах, а также специфике перевода содержания дисциплины. Наконец, научный интерес представляют выявленные в процессе преподавания новые цели и задачи указанной дисциплины. На этом основании можно признать стиль статьи научным, хотя и не во всём аналитическим. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, крайне «переутяжелённое» название статьи; или странное с точки зрения стиля выражение «обладать высокой степенью базовой подготовки»; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «...Авторы... планируют поделиться полученным к настоящему моменту опытом в подготовке и проведении лекций...», «На этой нормативной базе МинистерствО науки и высшего образования РФ... было поручено рассмотреть вопрос...», «...Мировозренческие ориентиры дисциплины, заключающИХся в формировании у студентов осознания...»; или дублирование названий нашей страны «Министерство науки и высшего образования РФ России»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. В структурном плане рецензируемая статья также производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённой работы. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится проблема и аргументируется её актуальность; - «История вопроса разработки и внедрения курса», где анализируются исторические и институциональные предпосылки разработки учебного курса; - «Специфика аудитории иностранных слушателей курса», где раскрываются проблемы работы с иноязычной

аудиторией; - «Особенности методологической и методической базы», где описываются выявленные проблемы методики преподавания курса; - «Специфика перевода терминологического и понятийного аппарата», где анализируются трудности перевода при преподавании учебного курса; - «Выявленные новые цели и задачи курса "История религий России"», где формулируются авторские предложения по изменению целей и задач курса; - «Ключевые результаты исследования» и «Заключение», где резюмируются результаты проведённой работы, делаются выводы, а также формулируются авторские рекомендации по оптимизации преподавания учебного курса «История религий России» в вузах РФ. Библиография насчитывает 11 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу информативного характера статьи. В числе достоинств статьи можно упомянуть достаточно актуальную тему, а также хорошую систематизацию обнаруженных проблем преподавания учебной дисциплины «История религий России».

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы не исследовательского типа, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные авторами результаты будут интересны для всех преподавателей вузов, имеющих отношение к разработке и преподаванию учебного курса «История религий России». Представленный материал в целом соответствует тематике журнала «Политика и Общество». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Подольский В.А. Развитие социального государства в Японии и оценка его эффективности // Политика и Общество. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.72493 EDN: SXYAAN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72493

Развитие социального государства в Японии и оценка его эффективности

Подольский Вадим Андреевич

кандидат политических наук

доцент факультета политологии; Государственный академический университет гуманитарных наук

119049, Россия, г. Москва, Мароковский пер., 26

✉ deomniscibili@yandex.ru

[Статья из рубрики "НАСЛЕДИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2024.4.72493

EDN:

SXYAAN

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2024

Дата публикации:

07-12-2024

Аннотация: Статья посвящена изучению истории становления и оценке современного состояния социального государства в Японии для оценки его сильных и слабых сторон, возможностей и угроз, с которыми оно сталкивается, и изучения успехов и неудач японских решений в сфере социальной политики. Рассматривается ход политического торга по поводу изменения правил функционирования социального государства на разных этапах, от создания системы в конце XIX-первой половине XX века до её адаптации и оптимизации в связи со старением населения и замедлением экономики в конце XX-начале XXI века. Рассматривается возникновение и изменение программ пенсионного и медицинского страхования, мер социальной поддержки, демографических программ и долгосрочного ухода. Оценивается система образования в Японии. Изучается административная архитектура в сфере социальной политики. Сравнивается

результативность социальных программ в Японии и в других государствах. Оцениваются культурные предпосылки особенностей социальной политики в Японии для объяснения ограничений возможного повторения японских решений в других государствах. Результативность социальных программ изучается на основании количественных показателей, отражающих их функционирование, таких, как уровень здоровья населения и расходы на здравоохранение, доходы пожилых граждан, достижения учащихся по сравнению с другими государствами. Социальное государство в Японии формировалось с опорой на пример Германии. По своему развитию социальная политика в Японии не уступает европейской. Система здравоохранения в Японии – одна из лучших в мире. Страховые механизмы работают эффективно, доля прямых платежей невелика и ниже, чем в среднем среди развитых стран. Система образования также показывает высокие результаты. Пенсионная система отстаёт от европейской по ожидаемому уровню замещения доходов, а также сталкивается с проблемами, связанными со старением населения, но существует как минимальная государственная пенсия, так и развитая система корпоративного пенсионного обеспечения. Создана система долгосрочного ухода. Социальное государство в Японии эффективно поддерживает граждан, но сталкивается с серьёзным давлением экономических и демографических факторов, следствием чего становится ужесточение правил для сохранения устойчивости системы.

Ключевые слова:

Япония, социальная политика, социальное государство, социальное страхование, социальная поддержка, пенсии, здравоохранение, семейные пособия, образование, демография

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2023-0004 «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты»)

Acknowledgements: The article is prepared at the State Academic University for the Humanities as part of fulfillment of the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (theme № FZNF-2023-0004 "Digitalisation and the development of the modern information society: cognitive, economic, political and legal aspects")

Введение

Актуальность изучения истории, организации и эффективности японской системы социальной политики связана с тем, что в Японии в настоящее время в наиболее остром виде проявляются те проблемы, с которыми сталкивается большинство развитых государств: старение населения на фоне замедления экономики. Меры, принимаемые в Японии в последние десятилетия, могут служить источником ценных сведений для оценки целесообразности и перспективности программ по оптимизации социальных расходов, политического значения реформ, защиты от рисков.

В Японии во второй половине XX века было создано самое развитое в Азии социальное государство, которое в последние десятилетия сталкивается с серьёзными сложностями из-за демографических и экономических изменений. Японская экономика после периода

бурного роста во второй половине XX века в XXI веке стагнирует. Если в 1995 году по номинальному ВВП японская экономика составляла 70% от американской [\[19, p. 168\]](#), то в 2024 – менее 20% [\[37, p. 74-75\]](#). Растёт доля пожилого населения, Япония опережает по этому показателю все страны мира – почти 30% граждан Японии старше 65 лет [\[53, p. 16\]](#). Рождаемость снижается, естественный прирост в последнее десятилетие сменился естественной убылью, численность населения страны сокращается. Доля расходов Японии на пенсии, пособия и здравоохранение в ВВП выросла за последние 50 лет в 5 раз и ныне составляет почти 25% [\[24, p. 134\]](#).

Социальная политика в Японии изучалась отечественными и зарубежными специалистами. Существуют обзоры основных характеристик социального государства в Японии [\[8\]](#). Большое внимание уделяется влиянию старения населения на экономическую ситуацию в целом [\[3\]](#) и на систему социального обеспечения [\[7\]](#). Рассматриваются программы социальной поддержки для пожилого населения [\[11\]](#). Сравниваются демографические проблемы в России и Японии [\[1\]](#). Изучаются демографические программы [\[28\]](#), их достижения и неудачи [\[6\]](#). Сравнивается социальная политика в Японии и других странах Восточной Азии [\[44\]](#), а также в странах Европы [\[47\]](#). Внимание исследователей привлекал опыт Японии по быстрому повышению уровня благосостояния вследствие эффективной социальной политики [\[29\]](#). Изучается проблема бедности и неравенства в Японии [\[5\]](#), социальной мобильности [\[10\]](#) и сложившейся в стране социальной стратификации [\[9\]](#). Оцениваются меры Японии по достижению устойчивости бюджета с помощью изменения налоговой политики и правил в сфере социальной политики [\[13\]](#). Оценивается влияние культурных факторов на особенности японской социальной политики [\[2\]](#).

В типологии Эспинг-Андерсена японская система социальной политики расположена между двумя типами, либеральным и консервативным. Причисление Японии к либеральному режиму возможно из-за значительной роли частных инициатив в социальной сфере. Эспинг-Андерсен отмечает щедрые корпоративные программы социальной защиты и программы для государственных служащих, что позволяет отнести японскую систему к консервативному типу. Эспинг-Андерсен упоминает культурные факторы – восходящую к конфуцианским идеалам сыновнюю почтительность заботу о детях – как причину относительно меньшего масштаба социального государства в Японии по сравнению с западными странами [\[17, p. 180-182\]](#).

В истории становления социального государства в Японии может быть выделено три значимых периода. Первый – в первой половине XX века, когда Япония внедряла перенятые в Германии страховые механизмы. Второй – создание всеобщих схем социального страхования в 1950-е и 1960-е. Третий – оптимизация и адаптация созданной системы в связи с экономическими вызовами и демографическими изменениями в конце XX-начале XXI века. Работа структурирована хронологически, с описанием ключевых реформ в каждый рассматриваемый период.

Методология.

Политическое значение социальных реформ оценивается на основании анализа взаимодействия органов власти и политических партий и общественных движений. Эффективность социального государства оценивается посредством соотнесения

потребляемых системой ресурсов и доступности благ для граждан. Оцениваются количественные показатели функционирования социального государства в Японии – уровень замещения дохода пенсиями, доля бедных граждан среди пожилого населения, ожидаемая продолжительность жизни, «бремя болезней», доля прямых, то есть не покрываемых страховкой, платежей граждан за медицинские услуги. Используются данные Организации экономического сотрудничества и развития, данные Института показателей и оценки здоровья, Международной организации труда и других международных организаций и японских государственных структур.

Формирование страховых механизмов.

В доиндустриальную эпоху в Японии были известны механизмы общинной взаимопомощи, благотворительность от религиозных учреждений, благотворительные инициативы центральной власти в виде финансирования медицинских учреждений и защиты от голода [\[45, p. 10\]](#). Возникновение первых систематических правил в сфере социального обеспечения Японии началось в XIX веке, в эпоху реставрации Мейдзи. Японские чиновники посещали Европу для изучения опыта модернизации. Наибольшее влияние на Японию оказал пример быстрого развития промышленности в Германии. Чиновники из Японии встречались с Отто фон Бисмарком и посещали лекции автора термина «социальное государство» Лоренца фон Штейна, у которого первый премьер-министр Японии Ито перенял идею «социальной монархии» как морального оправдания власти. Германскую модель японские чиновники предпочли французской, американской или британской, поскольку видели в Германии верность народа монарху, порядок и стабильность. Ито учредил Императорский, ныне Токийский, университет в 1886 году и «Общество государственной науки» для подготовки компетентных чиновников согласно учению фон Штейна о бюрократии [\[49, p. 24-28\]](#). В 1890 году в Японии было введено всеобщее школьное образование, его продолжительность составляло 3 года, задачами образования было и содействие модернизации, и подготовка верных подданных императора. Императорский рескрипт об образовании, который был распространён по школам, призывал к сыновней почтительности и верности отечеству, согласно конфуцианским принципам. В 1907 году образование было расширено до 6 лет, в начале XX века почти полностью исчезла неграмотность среди взрослых [\[48, p. 19-20\]](#).

В 1874 году в Японии из-за массовых волнений и выступлений против реформ Мейдзи был введен закон о помощи нуждающимся. Помощь была незначительной и была организована в рамках старой, феодальной административной системы [\[30, p. 286\]](#). Средства выделялись местными властями, если местные власти не справлялись, то средства выделяла префектура, если не справлялась префектура – то центральное правительство. Число получателей было крайне небольшим [\[29, p. 102\]](#). Помощь предоставлялась натурой и в виде субсидий на продукты питания, также организовывались общественные работы и переквалификация [\[29, p. 22\]](#). В 1875 году были введены пенсии для военных, в 1884 – для чиновников [\[45, p. 11\]](#). В 1890-е годы в стране стала обсуждаться проблема бедности в городах, и развитие мер социальной политики стало средством не допустить распространения социалистических движений, которые могли бы повредить устойчивости государства [\[30, p. 286\]](#).

В 1911 году был принят фабричный закон, по которому работодатели должны были нести ответственность за производственные травмы сотрудников на предприятиях, на которых работало более 15 человек. В ходе конкуренции между промышленными предприятиями некоторые работодатели стали создавать программы поддержки сотрудников, чтобы не

допускать перехода работников в другие компании. Развитие промышленного производства в Японии в начале XX века, как и ранее в Европе, негативно сказывалось на здоровье рабочих – ожидаемая продолжительность жизни в стране снизилась примерно на 5%, с 44 до 42 лет. В 1922 году, в качестве реакции на возникновение профсоюзов, был принят закон о медицинском страховании, по которому страховые кассы создавались предприятиями, охваченными фабричным законом 1911 года, или местными органами власти. Взносы в страховые кассы делали работники и работодатели, а также 10% субсидий поступало от правительства страны [\[30, p. 287-288\]](#). Покрытие страховыми программами было небольшим, и к 1930-му году было охвачено только 5% рабочих.

В 1929 году был введен закон о помощи бедным. Система строго различала трудоспособных и нетрудоспособных. Средств общинной взаимопомощи и местных властей для поддержки нуждающихся по правилам 1874 года не хватало, и доля финансирования от центральных властей была увеличена с 10% до 50% [\[29, p. 102\]](#). На уровне местного самоуправления возникла должность «районных уполномоченных», которые отвечали за сбор информации о бедных для того, чтобы выступать в качестве посредников между бедными и социальными службами, как частными, так и государственными. Они помогали бедным искать работу, получать медицинские услуги, отправлять детей в школу. Районные уполномоченные настаивали на расширении программ социальной поддержки. После введения нового закона о помощи в 1932 году число получателей помощи выросло почти в 8 раз, с 18 до 150 тысяч, что, впрочем, по-прежнему составляло крайне небольшую долю населения, менее 0,3%. Помощь по-прежнему не предоставлялась трудоспособным и была предназначена только для тех, кому не могли помочь семья или общинная взаимопомощь. Районные уполномоченные выполняли политическую и социальную функцию – их надзор за бедными был направлен на то, чтобы не допустить радикализации наименее обеспеченных слоев общества. Уполномоченные выполняли также и воспитательные задачи – они призывали бедных не обращаться за помощью, а опираться на собственные силы [\[30, p. 288-289\]](#). В 1937 году, под давлением общественных организаций, был введен закон о помощи вдовам и сиротам [\[29, p. 215\]](#).

Государство в Японии рано начало создавать медицинские учреждения. В начале XX века на пожертвование от семьи императора были созданы госпитали, в которых бедным медицинские услуги предоставлялись бесплатно. Императорский фонд существует поныне и обеспечивает функционирование нескольких сотен медицинских учреждений [\[30, p. 286\]](#). Но большинство медицинских учреждений в Японии по сей день частные. Из-за кризиса 1920-х годов покупательная способность жителей сельской местности снизилась, и многие врачи переехали в города. Из-за уменьшения доступности медицинской помощи ухудшился уровень здоровья населения, в связи с чем военные стали испытывать сложности с рекрутированием солдат. Из-за давления военных в 1937 году был принят закон о Национальном страховании, за реализацию которого отвечало Министерство здравоохранения и благосостояния, сформированное из подразделений Министерства внутренних дел. По этому закону была создана сеть медицинского страхования на базе органов местного самоуправления. После расширения покрытия закона в 1942 году почти для всего населения была обеспечена доступность медицинских услуг [\[30, p. 289\]](#). Некоторые местные власти, в том числе в Токио, не создавали схемы медицинского страхования, а участие в этих схемах было добровольным, поэтому покрытие было неполным [\[20, p. 191\]](#), но росло достаточно быстро

и уже к концу 1940-х превысило 70% населения [\[54\]](#).

В 1936 году была введена выплата выходных пособий, призванных выполнять функции защиты от безработицы [\[29, p. 22\]](#). Закон 1941 года создавал пенсии для сотрудников предприятий. При введении пенсии взносы составляли 11%, но затем были снижены до 3 % [\[45, p. 11\]](#). Смыслом введения страхования было предотвращение перехода сотрудников с одного места работы на другое. Выплаты полагались по старости, при инвалидности и на похороны [\[23, p. 39-40\]](#).

Для улучшения системы подготовки кадров в 1943 году были введены государственные льготные займы для обучения в высших учебных заведениях для учащихся с низким доходом, но высокой академической успеваемостью [\[50, p. 8\]](#). В 1947 продолжительность обязательного школьного образования была увеличена до 9 лет [\[48, p. 23\]](#).

Из-за давления Японской социалистической партии в новую конституцию, вступившую в силу в 1947 году, было включено упоминание о благосостоянии населения [\[30, p. 290\]](#). Согласно статье 25 конституции, все имели право на поддержание прожиточного минимума, а государство должно было содействовать расширению общего благосостояния, социальной защиты и общественного здоровья [\[4\]](#). Традиционная этика семейной помощи была зафиксирована в статье 730 в гражданском кодексе в 1948 году, которая обязывала родственников заботиться друг о друге [\[21\]](#). В 1947 году в Японии была введена страховка от безработицы, в 1949 году – помощь безработным в виде организации общественных работ [\[29, p. 32\]](#).

В 1940-е районные уполномоченные были переименованы в «уполномоченных по благосостоянию». В 1946 году был принят закон об обеспечении прожиточного минимума, обновлявший правила закона 1929 года. Уполномоченные по благосостоянию принимали решения, предоставлять ли просителям помощь и в каком объеме. Они обычно предлагали выделение помощи в объеме ниже максимально возможного, считая, что щедрые выплаты подорвут стремление опираться на собственные силы. В 1950-е право на принятие решения о предоставлении помощи было передано чиновникам [\[30, p. 299\]](#). Помощь предоставляется по запросу после проверки на нуждаемость. Объем помощи вычисляется посредством вычитания стоимости прожиточного минимума из дохода домохозяйства. Прожиточный минимум измеряется на основании 7 категорий расходов – трат на проживание, жильё, образование, медицинские услуги, расходов на детей, расходов, связанные с занятостью и расходов на похороны. Уровень помощи зависит от возраста, региона проживания просителя, числа членов домохозяйства, необходимых расходов на лечение [\[45, p. 42\]](#).

Расширение программ социального страхования.

В середине XX века социальная политика в Японии стала переходить от вспомоществования к профилактике бедности и от выборочных программ ко всеобщим, но уровень социального обеспечения в Японии сохранил зависимость от занятости. Для больших корпораций характерна занятость сотрудников на протяжении всей жизни, доплаты за выслугу лет и корпоративные профсоюзы [\[24, p. 141\]](#). В 1940-е обсуждалось создание централизованной системы здравоохранения, но врачи, а также многие политики, выступили против. В 1950-е годы в Японии сложилось четыре системы медицинского страхования. Крупные компании выступали в качестве страховщиков для своих постоянных сотрудников, наследуя те принципы страховых касс, которые

сложились в 1920-е. Работники малых и средних предприятий были охвачены государственной страховкой, которой на национальном уровне управляло Министерство здравоохранения. Сотрудники государственных учреждений участвовали в ассоциациях взаимопомощи. Остальное население, включая самозанятых и безработных, были покрыты созданной в 1958 году системой Национального медицинского страхования, за которую отвечали местные власти. Япония в 1960-е годы вошла в число первых стран, достигших всеобщего покрытия медицинским страхованием [\[30, p. 290-291\]](#). Порядок сбора взносов и доля платежей граждан за услуги существенно различались, но постепенно система стала работать по единым правилам, хотя некоторые различия между системами и даже между отдельными акторами внутри систем сохраняются до сих пор. С введением всеобщего страхового покрытия стали расти государственные расходы, а доля платежей граждан в расходах на медицинские услуги снизилась с почти 50% в 1950-е до примерно 15% в 1970-е [\[56, p. 2\]](#).

Темпы роста быстро развивающейся японской экономики составляли 9-10 % в год 1950-е и в 1960-е [\[51, p. 4\]](#). Менее всего от бурного экономического роста в стране выигрывали пожилые граждане, среди этой категории было больше всего бедных и лиц с плохим состоянием здоровья. Несмотря на расширение социальных программ, в 1960-е популярность правящей Либерально-Демократической партии Японии стала падать, и во многих муниципалитетах ко власти приходила оппозиция, обещая улучшение системы здравоохранения. По инициативе местных властей в нескольких муниципалитетах медицинские услуги пожилым гражданам стали предоставляться бесплатно. В Токио подобная схема была реализована под давлением Социалистической партии [\[30, p. 292-293\]](#).

В 1954 году были реформированы пенсии для работников предприятий, был полностью обновлён старый закон 1941 года [\[16\]](#). Уровень ожидаемого замещения доходов возрос с 40% до 60%, но и ставка взносов выросла с 3% до 8% с 1950-х до 1970-х [\[46, p. 1-2\]](#). Пенсионное страхование для сотрудников предприятий стало охватывать всех работников на предприятиях с более, чем пятью сотрудниками [\[30, p. 293\]](#).

В 1959 году был принят закон о Национальной пенсии, вступивший в силу в 1961 году. Участие в национальной пенсии стало обязательным. Национальное пенсионное страхование стало предоставлять базовую пенсию для всех жителей страны, которые делали взносы как минимум 25 лет [\[46, p. 2\]](#), ныне – 10 лет. Для получения полных выплат следовало делать взносы 40 лет [\[25, p. 55\]](#). Взносы в национальную пенсию ежегодно устанавливаются государством в виде фиксированной суммы и ныне составляют около 17 000 йен в месяц (4% от средней зарплаты в стране) [\[45, p. 13\]](#). Взносы на минимальную пенсию могут быть снижены частично или полностью для граждан с низкими доходами. Национальная пенсия относительно невелика и составляет примерно 1/6 от средней зарплаты [\[25, p. 56\]](#), но при этом до 2004 года треть средств [\[46, p. 8\]](#) для выплат национальной пенсии поступало из бюджета, а с 2004 года – половина [\[45, p. 16\]](#).

Адаптация и оптимизация мер социальной политики.

Рост экономики в Японии в 1970-е замедлился и составлял в среднем около 4% в год в 1970-е и в 1980-е [\[51, p. 4\]](#). В 1995 экономика Японии достигла пика и с тех пор периоды роста сменяются спадом [\[19, p. 168\]](#). Из-за снижения темпов роста экономики в Японии в

1970-е во время топливного кризиса возник вопрос об оптимизации системы социальной политики. Министерство здравоохранения и благосостояния, а также некоторые члены Либерально-демократической партии выступали за расширение социального государства, но министерство финансов и премьер-министр были против. При премьер-министре Охире, занимавшим должность с 1978 по 1980 год, была создана «фабрика мысли» для разработки японской модели социального государства, согласно которой ключевую роль в социальной поддержке играла бы семья. Государственные источники стали говорить об «английской болезни», связывая низкие показатели британской экономики во второй половине XX века с английской моделью государства всеобщего благосостояния, опекающего граждан от колыбели до могилы, которое требовало больших бюджетных расходов, в то время как ресурсы можно было бы направить на укрепление производственных возможностей [\[30, p. 293\]](#).

В 1983 году было отменено бесплатное медицинское обслуживание для пожилых граждан. По новому закону о здравоохранении для пожилых, создавались страховые фонды для пенсионеров до 70 лет и старше 70 лет. Субсидии в эти фонды поступали из трёх основных схем медицинского страхования. Благодаря этому доля государства в субсидировании издержек на медицинские услуги для пожилых сократилась с 50% до 20%. Система здравоохранения была стабилизирована, но реформы стали предупреждением, что стоимость здравоохранения будет неизбежно расти по мере старения населения. Для финансирования расходов на социальную политику в 1989 году был введен налог с продаж в размере 3%, в 1997 году повышенный до 5% [\[30, p. 293-294\]](#), в 2014 году – до 8% [\[13, p. VI\]](#). Быстрый рост расходов на систему здравоохранения был связан со старением населения, которое начало проявлять себя в 90-е, но в Японии сохранялись многие льготы для того, чтобы доступность медицинских услуг для граждан не снижалась.

Прямые платежи за медицинские услуги не вносят те пациенты, которые получают социальные пособия для граждан с низким доходом. Существует верхние пределы расходов на медицинские услуги, выше которых расходы будет покрывать страховка, а не пациент. Пределы зависят от возраста, дохода и состояния здоровья пациента [\[38, p. 45\]](#). Поэтому при номинальном уровне стандартной оплаты медицинских услуг в объёме 30% от стоимости услуг фактические платежи почти всегда оказываются ниже. Взносы на медицинскую страховку делятся между работником и работодателем и составляют в среднем 10% от зарплаты [\[39, p. 428-429\]](#). Для снижения расходов в 1990-е была введена система регулирования цен на медицинские услуги советами по социальной защите в составе Министерства здравоохранения и благосостояния, благодаря чему темпы роста расходов на здравоохранения снизились, по разным оценкам, примерно на 1/6 [\[38, p. 51\]](#).

Для граждан старше 75 лет с 2008 года действует отдельная схема финансирования медицинских услуг [\[13, p. 137\]](#). Наименее обеспеченные граждане не платят взносы [\[7, c. 113\]](#). Взносы на Национальную медицинскую страховку снижаются в зависимости от дохода на 20%, 50% и 70% [\[13, p. 122\]](#). Также существует снижение уровня расходов на прямую оплаты медицинских услуг – граждане старше 70 и 75 оплачивают 20% и 10% от стоимости медицинских услуг соответственно, но те пожилые граждане, которые располагают высокими доходами, платят стандартные 30% [\[7, c. 113\]](#).

В 2000 году была введена система страхования для финансирования долгосрочного ухода для граждан старше 65 лет или для граждан 40-64 лет с инвалидностью.

Страховые взносы платят все граждане старше 40 лет. В 2008 году была создана отдельная программа для граждан старше 75 лет, которая на 50% финансируется государством, на 10% взносами пожилых граждан, которые вычитаются из их пенсий, и на 40% трансфертами из других страховых программ. Пожилые граждане с низким доходом оплачивают 10% от стоимости услуг долгосрочного ухода, прочие пожилые граждане – 30% [\[30, p. 295-296\]](#).

В 1994 году было принято решение о постепенном повышении пенсионного возраста с 60 до 65 лет до 2030 года [\[40, p. 93\]](#). Также продолжали расти взносы. В 1985 ставка взносов в пенсионные фонды для сотрудников предприятий составляла около 12%, в 1995 – 14% [\[40, p. 74\]](#). Ныне взносы в пенсионную систему для сотрудников предприятий составляют 9% для работников и 9% для работодателей [\[39, p. 428-429\]](#). В 2000-е годы вопрос пенсий приобрёл политическое значение и стал одной из основных тем для дебатов на выборах 2003 года [\[30, p. 296\]](#). В 2004 году был введён механизм макроэкономической индексации пенсионных выплат, который опирался на учёт продолжительности жизни и изменение числа лиц, платящих взносы [\[35, p. 41\]](#). В 2007 году Демократическая партия сообщила, что в общей сложности 50 миллионов записей о состоянии пенсионных счетов не были интегрированы в общую систему из-за накопившихся ошибок работодателей, работников и учреждений. Из-за проблем с пенсиями Либерально-демократическая партия показала низкие результаты, и премьер Абе ушёл в отставку. Демократическая партия шла на выборы 2009 года с программой повышения минимальной гарантированной пенсии, интеграции некорректных данных о пенсионных счетах, а также объединения систем медицинского страхования. Эти проекты были весьма популярны, но были слабо спланированы и не были внедрены [\[30, p. 296-297\]](#). В 2015 для снижения административных расходов были объединены пенсии сотрудников предприятий, работников, получающих зарплату из бюджета, и учителей [\[25, p. 52\]](#).

В 2016 году Либерально-демократическая партия вновь обратилась к теме пенсий, и, несмотря на протесты оппозиционных партий, особенно Коммунистической партии, были изменены принципы подсчёта пенсионных выплат [\[30, p. 297-298\]](#). Механизм макроэкономической индексации 2004 года ранее не применялся в годы отрицательной инфляции. Поэтому было введено правило, по которому пенсии снижались в случае снижения цен и зарплат [\[35, p. 41\]](#).

Около 1/5 населения пользуется частными пенсионными программами, их популярность растёт, а в 2018 году был принят закон, по которому малые и средние предприятия могут доплачивать средства на индивидуальные пенсионные счета своих сотрудников [\[25, p. 78\]](#).

Помощь для малоимущих, не связанную со страховыми взносами, получает около 1,5% населения страны, эта доля снижалась до 1995 года, но с тех пор растёт. Получатели, в основном – это пожилые граждане, а также семьи с инвалидами. Помощь предоставляется ограниченное время, но запросы могут посылаются повторно. Более, чем половине получателей, помощь оказывается 5 лет и более [\[45, p. 43-45\]](#).

Социальная политика не была приоритетом программы премьеры Абэ по развитию экономики Японии 2010-х годов, получившей название «Абэномика». Программа включала в себя «три стрелы» – смягчение монетарной политики, введение гибкой налоговой политики, реструктуризация экономики с фокусом на конкуренцию. Но в своей

речи от 28 января 2019 года на заседании 198-й сессии парламента, в которой Абе обосновывал продолжение проекта, он говорил о нацеленности «Абэномики» на укрепление «социальной защиты для всех поколений» [\[42\]](#). Согласно программе, увеличение налога с продаж с 8 до 10% в 2019 году было направлено не на снижение долга Японии, а на повышение качества социальных услуг для пожилых граждан и для детей [\[30, p. 285\]](#).

С 1940-х по 1980-е уровень рождаемости в Японии постепенно снижался от 2,5 до 1,5 миллиона в год вследствие государственных программ по планированию семьи и сокращению рождаемости. В 1980-е уровень рождаемости упал ниже уровня воспроизводства [\[28\]](#). Число рождений в Японии в настоящее время сократилось до уровней более низких, чем когда-либо в XX-XXI веках, менее 800 000 детей в год [\[31, p. 74\]](#).

Попытки развернуть тенденцию по снижению рождаемости японские власти предпринимали уже в 1990-е. В 1994 году был запущен 5-летний проект по обеспечению ухода за детьми под названием «Основные направления мер поддержки будущего воспитания детей». Для реализации плана государство увеличивало число детских садов. В 1999 году была введена «Базовая политика по развитию контрмер против снижения рождаемости», в рамках которой сохранялась поддержка детских садов, а также уделялось внимание мерам в сфере здравоохранения, занятости и образования. В XXI веке также принимались подобные программы, и вместимость детских садов выросла на 25%, с 2 миллионов мест в 2000 году до 2,5 в настоящее время [\[28\]](#). В 2019 году государство сделало детские сады для детей от 3-х до 5-ти лет бесплатными [\[31, p. 79\]](#). Доля детей, посещающих детские сады, выросла почти в два раза [\[28\]](#) и на сегодня почти все дети старше 3-х лет посещают детские сады [\[32, p. 177\]](#).

Для компаний, которые поддерживали своих сотрудников, воспитывающих детей, вводились налоговые льготы. С 1992 года работодатели обязаны предоставлять своим сотрудникам отпуск по уходу за детьми продолжительностью до года, в некоторых случаях, когда дети не попадают в детские сады, отпуск может быть продлён до двух лет. Также для тех сотрудников, чьи дети не достигли 3-х лет, предоставляется сокращённый рабочий день [\[28\]](#). В Японии существуют ежемесячные выплаты в размере 15 000 йен (4% от средней зарплаты) для детей младше 3-х лет и 10 000 йен (около 2,5% от средней зарплаты) для детей от 3-х до 15-ти лет [\[31, p. 79\]](#). Если для взрослых страховка в среднем покрывает 70% от стоимости полученных медицинских услуг, то для детей – 80% до 6-ти лет [\[20, p. 197\]](#).

По итогам исследований, включающих социологические опросы, среди основных предпосылок снижения рождаемости были выявлены такие причины, как высокие расходы на воспитание детей, поздний возраст вступления в брак из-за изменений на рынке труда и увеличения числа работающих женщин, невозможность сочетать уход за детьми с работой. Несмотря на множество программ поддержки рождаемости, спад рождаемости в Японии не прекратился, как и в других странах, в частности, в Корее [\[28\]](#).

Для Японии, как и для других стран Восточной Азии, характерны высокие ожидания от образования как средства социальной мобильности, что восходит к традициям конфуцианской учёности и продвижения по службе с помощью экзаменов. Рост массового спроса на образование начался в 1950-е, в 1962 году было создано

общественное движение в поддержку расширения доступности образования в старших классах [\[48, p. 27\]](#). В 2010 при правлении Демократической партии обучение в старших классах школы стало бесплатным для государственных школ, а обучение в частных школах стали софинансировать префектуры [\[50, p. 4\]](#). Система образования в Японии – одна из лучших в мире, что демонстрируют высокие результаты учащихся из Японии в международном рейтинге оценки учащихся Организации экономического сотрудничества и развития (PISA) [\[41\]](#). Во второй половине XX века быстро росло и количество высших образовательных учреждений, и доля граждан с высшим образованием, увеличившаяся с 10% в 1960-е до 40% к 1980-м [\[48, p. 27\]](#). С 1980-х в стране действует единый экзамен для поступления в высшие образовательные учреждения, но многие университеты проводят дополнительные испытания [\[48, p. 36\]](#). Высшее образование в Японии платное, на сегодня его стоимость составляет в среднем около 500 000 йен в год, или около одной месячной зарплаты, но доступны льготные займы [\[32, p. 332\]](#).

В Японии сильно развито волонтерство, что позволяет снижать расходы на социальные программы. В стране десятки тысяч волонтерских организаций и сотни тысяч волонтеров. Служба уполномоченных по благосостоянию встроена в систему государственной бюрократии, но её сотрудники – волонтеры. Уполномоченные по благосостоянию и другие волонтеры, работающие с государственными программами, утверждаются Министерством здравоохранения и благосостояния и местными властями. Они помогают пожилым, бедным, инвалидам, семьям с одним родителем [\[30, p. 299-300\]](#).

Преимущества и недостатки социального государства в Японии, сравнение с другими государствами.

SWOT-анализ, то есть сопоставление сильных и слабых сторон, возможностей и угроз для японского социального государства, показывает следующие результаты.

К сильным сторонам японского социального государства могут быть отнесены общий высокий уровень развития здравоохранения, долгосрочного ухода, пенсионного обеспечения и полнота покрытия населения системами социального страхования.

Слабые стороны японского социального государства – организационная раздробленность и сосуществование фактически разных страховых схем в рамках номинально единой системы, из-за чего возрастают административные издержки, возникают необходимость государственного софинансирования программ или сбои в системах, влекущие негативные политические последствия, как в случае с пенсионным скандалом 2007 года.

Возможности для развития японского социального государства – продолжение идущей в последние десятилетия интеграции систем социального страхования, содействие частным инициативам, расширение поддержки распространённого в Японии волонтерства и традиций семейной и местной взаимопомощи, которые в настоящее время выступают в качестве существенных факторов, укрепляющих устойчивость социального государства.

Главные угрозы, с которыми сталкивается социальное государство – это старение населения, снижение рождаемости, а также существенный объём накопленного государством долга, снижающий возможности по наращиванию расходов в социальной сфере.

Уровень развития и эффективность функционирования социального государства в Японии может быть продемонстрирована в сравнении с другими странами. Политика

обеспечения благосостояния граждан государством, согласно одной из ранних типологий Виленски и Лебо, может быть институционализированной или осуществляться по остаточному принципу [\[52, p. 138\]](#). Институционализированная социальная политика предполагает развитую систему обеспечения, которая содействует гражданам в большинстве жизненных ситуаций – помогает в воспитании детей, защищает при безработице, при болезни и утрате трудоспособности, в старости, помогает с расходами на похороны. Социальная политика, осуществляемая по остаточному принципу, означает, что государство может предоставлять минимальную поддержку наиболее нуждающимся и ожидается, что граждане будут опираться на собственные силы, в том числе участвовать в схемах взаимопомощи, или получать помощь от членов семьи. Институционализированное социальное государство в настоящее время, помимо Японии, существует в странах Европейского союза, в государствах, входивших в СССР, в Британии и её бывших колониях, то есть в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии, в Корее, в Китае и в нескольких других небольших развитых государствах, как Израиль и Сингапур. В этих государствах на совокупность социальных задач расходуется 20-30% ВВП либо за счёт перераспределения с помощью налогов, либо за счёт установленных государством механизмов страхования. В остальных странах Азии, а также странах Латинской Америки и Африки, преобладает остаточный подход к социальной политике, отчасти из-за дефицита ресурсов, отчасти из-за неразвитости институтов и преобладания старых схем взаимопомощи, отчасти из-за невысокой доли пожилого населения. Уровень социальных расходов в этих государствах составляет менее 20% ВВП, чаще – менее 10% ВВП, и социальные программы обычно не предполагают всеобщего покрытия. В число таких программ входит содействие государства частным пенсионным счетам, как в Мексике [\[27, p. 125\]](#), и корпоративным пенсионным фондам, как в Бразилии [\[14, p. 156\]](#). Также существуют схемы помощи наиболее нуждающимся, в денежном виде, как в Индонезии [\[15, p. 367\]](#), или в натуральном виде, как в Индии [\[43, p. 60\]](#). Характерный для Северной Африки и ближнего востока тип социальной поддержки – субсидирование стоимости товаров и услуг. В арабских странах в 1950-1970-е годы сложился своеобразный «общественный договор», по которому власти приобретали лояльность населения с помощью щедрых социальных программ, финансируемых за счёт выручки от продажи ресурсов. Схема была создана в Египте и Сирии, но из-за исчерпания месторождений углеводородов и роста населения самые щедрые схемы смогли сохранить только те государства региона, которые были наиболее обеспечены ресурсами, и в которых численность населения была относительно небольшой – ОАЭ, Катар и Саудовская Аравия. В этих странах по-прежнему сохранились и расширяются программы перераспределения, благодаря которым гражданам – но не мигрантам, составляющим существенную долю населения в Саудовской Аравии и большинство в ОАЭ и Катаре – доступны здравоохранение, субсидируемые рабочие места, пенсионное обеспечение и программы помощи для лиц с низким доходом [\[26, p. 35-37\]](#). В последние годы возникают и всеобъемлющие схемы, например, в Турции в 2006 году была консолидирована система пенсионного обеспечения [\[55, p. 55\]](#), в 2012 году – медицинского страхования [\[55, p. 65\]](#). Япония совмещает многие преимущества, характерные для стран с остаточной системой социальной поддержки, а именно развитую взаимопомощь и интеграцию частных и государственных схем, с преимуществами государств с институционализированной социальной политикой, а именно функциональную пенсионную систему и систему медицинского страхования. Японский «общественный договор» в контексте социального обеспечения отчасти напоминает патерналистскую этику арабских государств, обещавших гражданам блага в обмен на лояльность, но существенно отличается. Во-первых, в Японии отсутствует природная

рента из-за дефицита полезных ископаемых, и, следовательно, невозможно перераспределение экспортной выручки. Во-вторых, в качестве адресата лояльности в Японии с самого начала выстраивания социальной политики были корпорации, а не только власти. В-третьих, в Японии достаточно рано сложились страховые системы, предполагающие не вертикальное, а горизонтальное перераспределение. С соседними по региону государствами – Республикой Корея и Китаем – Японию роднит конфуцианская этика, вследствие чего многие авторы говорили о «конфуцианской» модели социального государства [\[22\]](#), быстрая модернизации с увеличением благосостояния населения вследствие роста экономики и высоким уровнем занятости, и большая роль корпоративных страховых схем. Японское социальное государство на данный момент опережает Корею и Китай и по уровню расходов, и по качеству и охвату программ, но другие государства быстро приближаются к Японии, особенно Корея. Для большинства стран Европы и России характерно большее, чем в Японии количество социальных программ для разных категорий граждан и программ субсидирования стоимости услуг для населения или адресных выплат. Социальные расходы в этих странах сопоставимы с японскими или превышают их, как во Франции, Германии и скандинавских странах [\[35\]](#), в том числе из-за более щедрых семейных пособий. Американская модель социального государства по классификации Эспинг-Андерсена представляет собой образец либерального государства [\[17, p. 179\]](#) и, в основном, существенно отличается от японской. Общие для Японии и США аспекты – минимальная система помощи наиболее нуждающимся и принцип «наименьшей приемлемости», согласно которому любая работа выгоднее, чем получение пособий, а также большая роль частного сектора в социальной сфере и стимулирование занятости населения. Отличия – в административной модели, в США региональные власти и субъекты, отвечающие за функционирование системы здравоохранения и пенсионного обеспечения, имеют больше автономии, следствием чего становится большее разнообразие правил, а также в роли налоговых льгот как ключевого механизма социальной политики в США [\[12, p. 95\]](#) и малозначимого элемента социального государства в Японии.

Несмотря на вызовы, связанные со старением населения, система здравоохранения в Японии показывает высокую эффективность и существенно опережает США. В отличие от США, все граждане Японии имеют медицинскую страховку, качество здоровья населения в Японии выше, чем в США, а японское здравоохранение потребляет меньше ресурсов, чем американское, хотя уровень расходов быстро увеличивается. Если в 1990-е расходы на здравоохранение в Японии составляли около 6% ВВП против 7,5% в среднем среди развитых стран и 13% в США [\[33, p. 71\]](#), то в настоящее время они составляют 11,5% ВВП против 9% в среднем среди ОЭСР и 16,5% в США [\[34, p. 155\]](#). Почти половина расходов системы здравоохранения осуществляется из страховых взносов граждан, более трети – из государственных субсидий, и 1/6 – из прямых платежей граждан [\[20, p. 191\]](#), что ниже среднего среди стран ОЭСР значения в 1/5 [\[34, p. 155\]](#). Ожидаемая продолжительность жизни в Японии составляла на 2024 год 84 года [\[53, p. 16\]](#), по этому показателю страна опережала все крупные государства. «Бремя болезней», то есть число лет, утраченных из-за болезни, на 100 000 человек, в Японии также самое низкое среди больших государств и составляет 16 тысяч против 20 в среднем по Европе, 26 в США и 37 в России [\[18\]](#).

Сравнение эффективности пенсионных систем по такому критерию как уровень бедности граждан старше 65 лет по сравнению со средним уровнем бедности всего населения

показывает, что пенсионная система в Японии несколько уступает европейским, но сопоставима с американской. В Японии около 20% граждан старше 65 лет располагают доходом ниже 50% от медианного по стране, в то время как средний уровень бедности для всего населения составляет 15% [\[36, p. 199\]](#). Это означает, что пенсии не позволяют возмещать доходы, которые граждане получали во время трудовой деятельности. Коэффициент замещения, то есть отношения пенсий к зарплатам, в Японии составляет около 30-40% против средних для развитых стран 50% [\[36, p. 151\]](#). Доля пенсий в ВВП Японии сопоставима со средними для развитых стран показателями и составляет 12% [\[36, p. 213\]](#).

Заключение

Особенностью Японии с первых лет введения систематической социальной политики было сочетание заметной роли государственного перераспределения и опоры на страховые взносы. Уже самые ранние меры предполагали совместное участие органов муниципальной, региональной и центральной власти, а также частных игроков. Единые принципы направляли активность множества участников. Также, начиная с ранних мер социальной поддержки, часть программ получала субсидии государства, впоследствии использовалось перераспределение между более устойчивыми программами и программами, в которых спрос на услуги и выплаты превышал поступления взносов, как в случае с программами долгосрочного ухода для самых пожилых граждан. Подобное распределение расходов позволяло сохранять и расширять покрытие программ при снижении бремени на отдельных участников систем.

Существенную роль в становлении социального государства в Японии сыграло давление групп интересов, политических партий и административно-бюрократических группировок. На формирование японской системы социальной политики большое влияние оказали культурные традиции страны, благодаря которым существенная часть нагрузки, связанной с помощью нуждающимся, ложится на их родственников и волонтеров.

В последние десятилетия в стране было проведено множество реформ, призванных адаптировать сложившуюся систему к новым демографическим и экономическим условиям. С одной стороны, государство пыталось снизить нагрузку на бюджет, связанную с финансированием некоторых программ. Повышались страховые взносы для финансирования пенсионного обеспечения и системы здравоохранения. Была введена и расширена система страхования для финансирования долгосрочного ухода. Был увеличен пенсионный возраст с 60 до 65 лет. С другой стороны, по некоторым направлениям, в первую очередь, связанным с решением проблемы спада рождаемости, расходы целенаправленно увеличивались. Создавались программы поддержки семей с детьми, государство вкладывало существенные ресурсы в увеличение доступности дошкольного образования, а также сделало бесплатным обучение в старших классах школы.

Несмотря на серьёзные вызовы, с которыми оно сталкивается, и серьёзный рост рисков для устойчивости бюджетов из-за увеличения расходов, социальное государство в Японии – одно из наиболее эффективных в мире по совокупности показателей. Система потребляет столько же ресурсов, как и социальные государства в странах Европы, или меньше, а результативность японских программ – охват населения программами и доступность благ для населения – сопоставима с европейскими. По качеству организации и эффективности здравоохранения Япония – мировой лидер, что проявляется как в самой высокой в мире высокой продолжительности жизни, самом

низком «бременем болезней», и более низкой, чем в других развитых странах, долей прямых платежей граждан за медицинские услуги. Пенсионная система в Японии несколько отстаёт от европейских, что отражается в более высоком уровне бедности среди пожилого населения, чем в среднем по стране. Демографические программы не привели к увеличению рождаемости, но эта проблема характерна не только для Японии. Японский опыт по оптимизации расходов с сохранением социальных программ представляет большую ценность для других государств, хотя ряд успехов Японии в сфере социальной политики связан с местной культурой и особенностями, сложившимися в годы быстрой экономической модернизации в XX веке.

Библиография

1. Игараси Н. Стареещее общество России и Японии // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. №1 2024. С. 42-45.
2. Карелова Л.Б. Принципы буддийской и конфуцианской этики в формировании концепции корпоративной социальной ответственности в современной Японии // Ежегодник Японии. 2013. №42. С. 89-100.
3. Кобец П.Н., Ильин И.В. Проблемы влияния демографического кризиса в Японии на экономическую безопасность страны // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3. С. 130-137.
4. Конституция Японии: перевод на русский язык. Токио: Научно-исследовательский институт Евразии при Обществе «Япония - страны Евразии», 1995. 48 с.
5. Лебедева И.П. О бедности и неравенстве в Японии // Ежегодник Японии. 2021. Т. 50. С. 32-60.
6. Лебедева И.П. Падение рождаемости в Японии // Вестник Института востоковедения РАН. 2024. № 2. С. 73-85.
7. Лебедева И.П. Социально-экономическое измерение старения населения Японии // Японские исследования. 2023. № 4. С. 94-116.
8. Лебедева И.П. Система социального обеспечения Японии: достижения и проблемы // Японские исследования. 2016. №4 С. 23-35.
9. Лебедева И.П. Япония: особенности социальной стратификации // Японские исследования. 2022. № 1. С. 115-136.
10. Лебедева И.П. Япония: социальная мобильность и социальные барьеры // Ежегодник Японии. 2022. Т. 51. С. 61-96.
11. Наумова И.Ю., Пантелеева М.В. Социальная политика в сфере социокультурной вовлеченности пожилых граждан Японии // Известия Восточного института. 2022. № 2. С. 32-38.
12. Abrahamson P. The American welfare state system. With special reference to asset- and means-tested social assistance programs // The Routledge International Handbook to Welfare State Systems / Ed. by C. Aspalter. Abingdon: Routledge, 2017. P. 87-105.
13. Adachi Y. The Economics of Tax and Social Security in Japan. Singapore: Springer, 2018. 264 p.
14. Aspalter C. The Brazilian welfare state system. With special reference to the outcomes and performance of the welfare state system // The Routledge International Handbook to Welfare State Systems / Ed. by C. Aspalter. Abingdon: Routledge, 2017. P. 155-177.
15. Dostal J.M., Naskoshi G.E. The Indonesian welfare state system. With special reference to social security extension in the development context // The Routledge International Handbook to Welfare State Systems / Ed. by C. Aspalter. Abingdon: Routledge, 2017. P. 365-383.
16. Employees' Pension Insurance Act No. 115 of May 19, 1954 // Сайт перевода японских законов Министерства Юстиции Японии. URL:

<https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3554/en> (дата обращения 4.12.2024)

17. Esping-Andersen G. Hybrid or unique? The Japanese welfare state between Europe and America // *Journal of European social policy*. 1997. Vol. 7. No. 3. P. 179-189.
18. GBD 2021 Risk Factors Collaborators. Global burden and strength of evidence for 88 risk factors in 204 countries and 811 subnational locations, 1990-2021: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2021 // *The Lancet*. 2024. Vol. 403. May 18. P. 2162-2203.
19. Harada Y. Beyond de-globalization in Japan // *Capitalism and the World Economy: The Light and Shadow of Globalization*. / Ed. by T. Hirai. Abingdon: Routledge, 2013. P. 165-184.
20. Ikegami N., Goursat M.P., Chestnov R., Leopold N., Lohse C., Morrison C. Japan // *Extending social health protection: Accelerating progress towards Universal Health Coverage in Asia and the Pacific*. Bangkok: International Labour Organization, 2021. P. 190-203.
21. Japanese Civil Code. Part IV Relatives. Chapter I General Provisions. Article 730 // Сайт перевода японских законов Министерства Юстиции Японии. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/2058/en> (дата обращения 4.12.2024)
22. Jones C. The pacific challenge: Confucian welfare states // *New Perspectives on the Welfare State in Europe*. Ed. by C. Jones. London: Routledge, 1993. P. 198-217.
23. Kasza G.J. One world of welfare. Japan in comparative perspective. Ithaca: Cornell university press, 2006. 209 p.
24. Kitayama T. The Welfare State in Japan // *Public administration in Japan*. Ed. by K. Agata, H. Inatsugu, H. Shiroyama. Cham: Palgrave Macmillan. 2024. P. 133-148.
25. Lee H. Retirement Income Security in Japan: An Overview of the Public and Private Pension System // *International Comparison of Pension Systems. An Investigation from Consumers' Viewpoint* / Ed. by H. Lee, G. Nicolini, M. Cho. Singapore: Springer, 2022. 523 p.
26. Loewe M. Social protection schemes in the Middle East and North Africa: not fair, not efficient, not effective // *Social Policy in the Middle East and North Africa* / Ed. by Jawad R., Jones N., Messkoub M. Cheltenham: Edward Elgar, 2019. P. 35-60.
27. Martinez G. The Mexican welfare state system. With special reference to conditional cash transfer systems // *The Routledge International Handbook to Welfare State Systems* / Ed. by C. Aspalter. Abingdon: Routledge, 2017. P. 122-137.
28. Matsuda S. Characteristics and Problems of the Countermeasures Against Low Fertility in Japan: Reasons that Fertility Is not Increasing // *Low Fertility in Japan, South Korea, and Singapore: Population Policies and Their Effectiveness* / Ed. by S. Matsuda. Singapore: Springer, 2020. P. 1-14.
29. Milly D.J. Poverty, Equality, and Growth. The Politics of Economic Need in Postwar Japan. Cambridge: Harvard university press, 1999. 413 p.
30. Neary I. The State and politics in Japan. Cambridge: Polity Press, 2019. 320 p.
31. OECD Economic Surveys: Japan 2024. Paris: OECD Publishing, 2024. 126 p.
32. OECD Education at a Glance 2024. Paris: OECD Publishing, 2024. 498 p.
33. OECD Health at a Glance 2005. Paris: OECD Publishing, 2005. 175 p.
34. OECD Health at a Glance 2023. Paris: OECD Publishing, 2023. 234 p.
35. OECD Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators. Paris: OECD Publishing, 2019. 224 p.
36. OECD Pensions at a Glance 2023. Paris: OECD Publishing, 2023. 236 p.
37. OECD Revenue Statistics. Health taxes in OECD countries 1965-2023. Paris: OECD publishing, 2024. 353 p.
38. OECD Reviews of Health Care Quality. Japan 2015: Raising Standards. Paris: OECD

Publishing, 2015. 211 p.

39. OECD Taxing wages 2024. Paris: OECD Publishing, 2024. 679 p.

40. Osawa M. Social Security in Contemporary Japan. New York: Taylor and Francis, 2013. 240 p.

41. PISA 2018 Results. In 6 Vols. Vol. 1: What Students Know and Can Do. Paris: OECD Publishing, 2019. 354 p.

42. Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 198th Session of the Diet January 28, 2019 // Сайт премьер-министра Японии. URL:

https://japan.kantei.go.jp/98_abe/statement/201801/_00003.html (дата обращения 4.12.2024)

43. Rahman A., Pingali P. The Future of India's Social Safety Nets. Focus, Form, and Scope. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. 463 p.

44. Retirement in Japan and South Korea The past, the present and the future of mandatory retirement / Ed. by M.Higo and T.R. Klassen. Abingdon: Routledge, 2015. 208 p.

45. Social Security in Japan. Tokyo: National Institute of Population and Social Security Research, 2014. 71 p.

46. Takayama N. Pension Reform in Japan // KDI international conference on Population Aging in Korea, Seoul, 17-18 March 2005. 33 p.

47. Takegawa S. Between Western Europe and East Asia: development of social policy in Japan // Handbook on East Asian social policy. Ed. by M. Izuhara. Cheltenham: Edgar Elgar, 2013. P. 41-64.

48. The History of Japan's Educational Development. Tokyo: Institute for International Cooperation, 2004. 307 p.

49. Thompson M.R. Authoritarian Modernism in East Asia. New York: Palgrave Macmillan, 2019. 130 p.

50. Uzuki Y. Public Financial Assistance for Formal Education in Japan. Tokyo: National Institute for Educational Policy Research, 2014. 14 p.

51. Valli V. Growth and crisis in the Japanese economy // Working paper. 2012. No. 07. Torino: Torino University, 2012. 28 p.

52. Wilensky H.L., Lebeaux C.N. Industrial Society and Social Welfare. New York: The Free Press, 1965. 397 p.

53. World Population Data Sheet. Washington: Population Research Bureau, 2024. 24 p.

54. Yamagishi T. Health Insurance Politics of Japan in the 1940s and the 1950s: The Japan Medical Association and Policy Development // Journal of International and Advanced Japanese Studies. 2017. Vol.9. P. 193-204.

55. Yoruk E. The Politics of the Welfare State in Turkey. How Social Movements and Elite Competition Created a Welfare State. Ann Arbor: University of Michigan press, 2022. 238 p.

56. Yuda M. A Survey on Policy Experiences in the Japanese Public Healthcare Systems: Effects of Patient Cost Sharing on Healthcare Utilization and Health // Public Policy Review. 2023. Vol.19. No.4. Tokyo: Ministry of Finance, Policy Research Institute. 33 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Исследование концепта, механизмов и инструментов социального государства является одним из центральных топосов современных политических наук. Классическим "образцом" социал-демократии (как передового примера реализации концепта социального государства) выступают при этом Северные (Скандинавские) страны,

однако в мировой практике встречаются примеры сильной социальной составляющей в государствах других регионов. Данная статья посвящена изучению социального государства в Японии - передового технологического сообщества, которое являлось предметом исследований таких именитых ученых современности как Ф. Фукуяма («Доверие»).

Статья имеет четкую, последовательную и логически взаимосвязанную структуру, однако заголовки подразделов желательно выделить полужирным и обозначить их по центру. Во введении подробно обоснована актуальность исследования и вводится периодизация становления системы социальной политики в Японии, которая имеет значимый вклад для понимания структурных основ социального государства. Так, автором анализируются германская и неолиберальная модели экономической политики в социальной сфере. Обстоятельно анализируются как базовые, так и расширенные модели социального страхования граждан Японии, национальная система здравоохранения. Вместе с тем, в основной части хотелось бы видеть больше сравнительного анализа, сопоставления с передовыми мировыми практиками в США, Европе, Латинской Америке, странах БРИКС и АТР. Это внесло бы больший научный вклад автора в статью, и она перестала бы носить описательный характер. Недостаток общих теоретических положений во вводной части статьи не позволяет сделать вывод об авторской позиции автора, так же, как и целостно сопоставить преимущества, выгоды и сильные стороны социальной политики Японии с ее недостатками (здесь был бы удачно применим метод SWOT-анализа). Было бы любопытно сопоставить механизмы социального государства Японии с такими странами как ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия – данный анализ внес бы весомый вклад в изучение отличий и процессов развития социальной сферы в незападных странах. Заглавие статьи подобрано не очень удачно, поскольку в нем не сформулирован ключевой исследовательский вопрос и не вполне ясно, как измеряется сама эффективность от эффекта социального государства, что является в данном случае эталоном. Список литературы представлен 35 позициями, среди которых не только научные монографии и периодические издания, но и нормативно-правовая база социальной политики в Японии, а также аналитические сборники и отчеты ОЭСР. Вместе с тем было бы полезно ввести источники, которые демонстрируют ключевые нарративы относительно развития системы социального государства, такие как политико-правовые документы и национальные стратегии. Конечно, статья написана на достаточно качественном научном уровне, однако в представленном виде ее теоретико-практическая значимость недостаточна для публикации в журнале «Международные отношения». Автору следует доработать публикацию, опираясь в том числе на передовые работы и исследования российских авторов по социальной политике Японии.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает процесс формирования социального государства в Японии. Несмотря на жесточайший кризис, перенесённый социальными государствами в 70–80-х гг. XX в., из-за которого целый ряд авторов сделал выводы об «упадке государства», проблематика welfare state сохраняет свою высочайшую актуальность, которая лишней раз была подтверждена в начале 2020-х годов в период пандемии. Методология исследования, к сожалению, представлена в рецензируемой статье недостаточно подробно и глубоко. Так, автор указывает, что «политическое значение социальных реформ оценивается на основании анализа [какого

именно анализа? – рец.] взаимодействия органов власти и политических партий и общественных движений». Однако собственно о методе, использованном в упомянутом анализе, автор ничего не говорит. Хотя из контекста понятно, что в данном конкретном случае применялись исторический и институциональный методы. То же можно сказать и о других средствах, упомянутых автором: «оценивать посредством соотнесения потребляемых системой ресурсов и доступности благ для граждан» – это не метод, это описание объектов, которые подверглись методологической обработки, но собственно ИНСТРУМЕНТОВ, которыми эта обработка осуществлялась (в данном случае, похоже, речь шла о применении системной методологии, возможно, в её структурно-функциональной версии); «оценка количественных показателей функционирования социального государства в Японии» также не может считаться методом («оценка» вообще не очень научная процедура, поскольку сильно отдаёт субъективизмом), в данном случае речь скорее идёт об анализе вторичных статистических данных. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной достоверности и новизны. Прежде всего, следует отметить выявленные автором факторы становления и развития социальной политики в Японии: влияние лобби, политических партий, культурных традиций и т. д. Определённый интерес представляет также вывод автора о значительной роли страховых механизмов, действующих совместно с усилиями государства в развитии системы социальной политики. Наконец, внимания заслуживает общая оценка эффективности японского социального государства. В структурном плане рецензируемая статья также производит вполне положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, аргументируется её актуальность и проводится краткий анализ основных подходов к её решению; - «Методология», где (не очень удачно) проводится теоретико-методологическая рефлексия исследования); - «Формирование страховых механизмов», где анализируются основные институты формирования системы социальной политики в Японии на раннем этапе её развития, во многом определившие специфику этой системы; - «Расширение программ социального страхования» и «Адаптация и оптимизация мер социальной политики», где раскрываются особенности заключительных этапов формирования указанной системы; - «Преимущества и недостатки социального государства в Японии, сравнение с другими государствами», где анализируются достоинства и недостатки указанной системы; - «Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречаются некоторые стилистические шероховатости (например, в научных работах принято давать краткую характеристику цитируемого автора, за исключением совсем уж «больших имён» классиков вроде К. Маркса, М. Вебера и др.; поэтому когда автор рецензируемой статьи явочным порядком вводит имена исследователей, на работы которых он опирался («В типологии Эспинг-Андерсена...», «...согласно учению фон Штейна о бюрократии...» и др.), без дополнительных разъяснений, кем именно являются эти исследователи («датский социолог Гёста Эспинг-Андерсен», «немецкий правовед и советник японского правительства Лоренц фон Штейн» и др.), это, разумеется, не может рассматриваться в качестве стилистической ошибки, но хорошим тоном было бы дать читателю некоторую справку). Встречается в тексте и некоторое (надо признать, исчезающе малое) количество грамматических погрешностей (например, пропущенная запятая при перечислении однородных членов предложения: «на основании анализа взаимодействия органов власти и политических партий и общественных движений»; и др.). Но в целом текст написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с

корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 56 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при рассмотрении и критическом анализе основных подходов к решению поставленной научной проблемы. К отдельно оговариваемым достоинствам статьи можно отнести достаточно обширный эмпирический материал, привлечённый для анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области государственного управления, социальной политики, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Политика и Общество». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Хабибуллина З.Р. Хадж в системе государственно-исламских отношений в России: история и современность // Политика и Общество. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.72610 EDN: VWBLFX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72610

Хадж в системе государственно-исламских отношений в России: история и современность

Хабибуллина Зилия Рашитовна

ORCID: 0000-0001-9519-0529

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник; Отдел Религиоведения; Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

450072, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 6

✉ zilyahabibi@mail.ru

[Статья из рубрики "НАСЛЕДИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2024.4.72610

EDN:

VWBLFX

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2024

Дата публикации:

16-12-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу хаджа как важного элемента государственно-исламских отношений в России. Рассматриваются исторические аспекты хаджа, его влияние на формирование исламской идентичности и взаимодействие с государственными институтами. В работе также исследуются современные тенденции и вызовы, с которыми сталкиваются мусульмане России в подготовке и во время хаджа, включая вопросы организации паломничества, финансовых аспектов, а также правовых и социальных барьеров. Основное внимание уделяется взаимосвязи между религиозными практиками и государственной политикой, а также роли хаджа в укреплении социальной сплоченности среди мусульманских общин. Анализируются

примеры успешного взаимодействия между исламскими организациями и государственными структурами, а также случаи конфликтов и недопонимания, которые могут возникать в процессе реализации хаджа. В статье применяется комплексный подход, сочетающий исторический, политологический и антропологический анализ, что позволяет глубже понять роль хаджа в контексте государственно-исламских отношений в России. Исследование основывается на исторических документах, статистических данных, а также на интервью с представителями исламских организаций. Научная новизна работы заключается в систематизации знаний о хадже как важном элементе сферы государственно-исламских отношений в России. Выявлены уникальные аспекты подготовки к хаджу и его реализации, которые ранее не были достаточно исследованы в контексте российской действительности. В статье подчеркивается, что хадж не только выполняет религиозные функции, но и становится фактором социальной сплоченности среди мусульманских общин. Выводы исследования указывают на то, что хадж может служить мостом для межкультурного диалога и понимания в многонациональной стране, способствуя укреплению связей между различными этническими и религиозными группами. Также отмечается, что успешное взаимодействие между исламскими организациями и государственными структурами может значительно улучшить условия для паломников, однако существует множество вызовов, включая финансовые и правовые барьеры, которые требуют внимания со стороны, как мусульманских общин, так и государственных органов.

Ключевые слова:

Государство, Ислам, хадж, паломничество, государственно-исламские отношения, трансграничность, мусульмане, общество, Саудовская Аравия, Религиозные практики

Введение ^[1]

Хадж, как один из столпов ислама, имеет значение не только для индивидуальных верующих, но и для целых общин и государств. В России, где ислам является одной из многочисленных религий, хадж играет важную роль в формировании исламской идентичности и взаимодействии исламских общин с государственными структурами. Исторически паломничество было не только религиозным обрядом, но и социально-культурным явлением, способствующим обмену знаниями и укреплению связей между мусульманами разных регионов. Исследование хаджа в российском контексте позволит глубже понять специфику государственно-исламских отношений в стране.

Хадж – это мероприятие огромного масштаба, в котором ежегодно участвуют миллионы людей. Исламские предписания требуют от каждого верующего совершить его хотя бы раз в жизни, если ему позволяют это сделать физические и финансовые возможности. Паломничество мусульман является одной из форм глобальной мобильности, ежегодно от 2 до 5 млн верующих из 180 стран отправляются в Саудовскую Аравию на поклонение в Мекке и Медине. По официальным данным, в 2024 г. хадж совершили около 1,83 млн паломников, из них более 1,6 млн паломники из зарубежных стран [Хадж-2024: шесть причин, по которым в этом году погибло так много паломников // Kup.uz – Все новости Узбекистана и мира, <https://kup.uz/ru/90202524> (дата обращения: 18.10.2024)]. В 2023 г. общее количество паломников составило 1,8 человек, из которых 1,7 млн человек прибыли из-за пределов Королевства, а 184 тыс. – внутренние паломники (граждане КСА и резиденты) [Главное статистическое управление Королевства Саудовская Аравия (27, الإدارة العامة للإحصاء بالمملكة العربية السعودية), 2023 г.,

<https://www.spa.gov.sa/w1928492> (дата обращения: 5.11.2024)]. С 2020 г., на фоне карантина, вызванного пандемией COVID, Саудовская Аравия сократила хадж и пока она не вернулась к уровню, существовавшему до эпидемии [Gambrell J. Saudi Arabia: Hajj pilgrimage returning to pre-COVID levels, 2023, <https://translated.turbopages.org/news/saudi-arabia-hajj-pilgrimage-returning-052807978.html> (accessed: 08.11.2024)].

Религиозная практика хаджа позволяет российским мусульманам поддерживать связь с исламским миром и чувствовать себя его неотъемлемой частью. Как отмечали в своих работах ряд исследователей, в самом действии хаджа ярко выражена трансграничность – пространственно интегрированная форма взаимодействия, которая пересекает границы национальных административных практик и старается сформировать, вопреки этим границам, осознание связанности, взаимозависимости и общих интересов [1; 2; 3, с. 60; 4]. Идея трансграничности заложена в понятии «исламская умма»/«мировая исламская умма», которая предполагает объединение верующих на основе исламской идентичности независимо от национальной, гражданской, языковой и иной принадлежности. Это также сопровождается стремлением соблюдать правила ислама в отношении одежды, тщательного соблюдения ритуалов и демонстрации религиозности, совершении хаджа [5, с. 111].

В начале 2000-х гг. среди мусульман России усиливается мировоззренческая функция ислама, идентичность мусульманских народов все больше наполняется религиозным содержанием, активизируется восприятие ислама как веры. В связи с этим растет число мусульман, совершающих хадж, который еще больше укрепляет исламскую идентичность. Вернувшиеся мусульмане получают общественное признание и авторитет в своих общинах.

Из российских регионов ежегодный лидер по количеству мусульман, выезжающих для совершения паломничества, – Дагестан (50–80% российских паломников). Несмотря на это в других субъектах Российской Федерации с мусульманским населением также наблюдается рост желающих отправиться в Мекку. Например, в Республике Башкортостан в 2001 г. в хадже побывали 42 человека, к 2007 г. их число выросло до 350. С 2005 по 2007 гг. ежегодный темп совершения обряда в республике увеличивался в среднем на 70% [6, с. 74].

В статье мы используем подходы и данные из работ специалистов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения ислама в России. А.М. Ахунов акцентирует внимание на трансформациях, произошедших в паломничестве за последние десятилетия, и рассматривает новые вызовы, с которыми сталкиваются татарские мусульмане в XXI в., мы эту проблему рассматривали на примере мусульман Южного Урала (преимущественно на материале Республики Башкортостан). Н.А. Нефляшева анализирует хадж как социальное и культурное явление, рассматривая его влияние на идентичность мусульман из России. Исследовательница определяет, как паломничество формирует связи между различными исламскими общинами и служит местом взаимодействия культурных и религиозных традиций.

Вопросам хаджа в системе государственно-конфессиональной политики в Российской империи посвящены научные труды А. Кейн, П.К. Дашковского, Е.А. Шершневой. В этом ключе также интересна монография А.С. Тасмагамбетовой «История конфессии Казахстана в конце XVIII–начале XX вв. (по материалам ислама и православия)». Хотя автор фокусируется на Казахстане, предоставляет ценный контекст для понимания хаджа

как элемента религиозной практики в Российской империи. Ряд количественных данных о советских паломниках зафиксирован в работе Р. Силатьева.

Обобщая представленные работы, можно выделить ключевые темы: изменение практик хаджа, его социокультурное значение, влияние государственной политики на паломничество и межконфессиональные отношения в России. Эти исследования создают основу для дальнейшего анализа хаджа в контексте современного российского общества и его религиозной жизни.

В данной статье делаются акценты на системе организации российского хаджа, сотрудничестве государства и религиозных организаций в этом процессе, паломничества как неотъемлемой части международных и государственно-исламских отношений России.

Методы и принципы исследования

Исторический анализ позволяет проследить эволюцию хаджа в России от дореволюционного периода до современности. Сравнительный метод используется для выявления различий и сходств в практике хаджа среди различных мусульманских общин. Интервью с паломниками дают представление о современных тенденциях и восприятии хаджа среди мусульман России. Метод экспертных оценок позволяет выявить тенденции развития паломнического движения в будущем, оценить направления и приоритеты конфессиональной политики.

Основные результаты

Результаты исследования показывают, что хадж в России претерпел значительные изменения за последние несколько десятилетий. Увеличение числа паломников, активизация работы исламских организаций и поддержка со стороны государства свидетельствуют о растущем интересе к этому обряду. Однако также выявлены проблемы, такие как финансовые барьеры для паломников, распределение квот в регионах, недостаточная информированность о правилах хаджа и отсутствие единой системы подготовки к паломничеству.

Хадж в России является не только религиозным событием, но и важным социальным феноменом. Взаимодействие между государством и исламскими организациями в контексте хаджа требует дальнейшего изучения, так как это может влиять на стабильность в государстве и развитие мусульманских общин. Также важно отметить, что хадж может служить платформой для диалога между различными культурами и религиями в многонациональной стране.

Обсуждение

В дореволюционный период трансграничность хаджа воспринималась как источник «нетрадиционных» взглядов и убеждений. До конца XIX в. государственные власти рассматривали хадж как потенциальную угрозу для контроля над мусульманскими народами империи. Поэтому условия для выезда мусульман на паломничество были не слишком благоприятными. В течение XIX в. государственные органы старались ограничить выезд мусульман на хадж, хотя его и не запрещали, поскольку считали, что препятствия к его совершению лишь усилят религиозный фанатизм. Его рассматривали как источник «народной смуты» и антироссийской пропаганды и как возможность для мусульман Российской империи установить широкие контакты с турецким духовенством, что могло привести к созданию долгосрочных связей местных мусульман с Османской империей [\[7, С. 28-29\]](#).

Запреты на паломничество часто вводились в случае вспышек опасных заболеваний (холеры или чумы) в Хиджазе или других странах, которые могли пересекать паломники. Механизмом регулирования численности паломников была система выдачи загранпаспортов, получение которых сопровождалось бюрократическими процедурами. Паспорта выдавались губернаторами. Решение о выезде в хадж принимало Министерство внутренних дел губернского правления. Оно могло наложить запрет на выезд без указания причин [\[7, с. 25\]](#).

Одним из феноменов дореволюционного хаджа является его государственное регулирование, в связи с представлениями в правительственных кругах о мусульманской угрозе целостности Российской империи. Однако к концу XIX в. царские власти были вынуждены разрешить и даже поддержать хадж, следуя политике веротерпимости и желая предотвратить негативные для империи, политические и санитарные последствия нерегулируемого хаджа [\[8, с. 12\]](#).

В СССР хадж был запрещен, однако для демонстрации свободы совести, ограниченному кругу лиц давались разрешения на выезд. Паломничество было нерегулярным, за весь период СССР обряд выполнили около 1000 мусульман [\[9, с. 144\]](#). Это были духовные деятели и в небольшом количестве простые верующие. Мусульмане, получившие разрешение на хадж, должны были быть «представителями СССР». Государство стремилось ограничить любые информационные сообщения о хадже внутри страны.

Тщательно составлялись списки паломников, в хадж не отправляли пожилых, судимых, нелояльных советской власти лиц, а также имеющих «легкомысленное, неустойчивое поведение» [\[10\]](#). В 1958 г. уполномоченным Совета по делам религиозных культов была отправлена резолюция «Об ошибках, допущенных в подборе паломников». «Очень желательно (телеграфировал Совет), чтобы среди паломников были лица, владеющие одним из иностранных языков (арабский, фарси, турецкий), знающие правила поведения и догматы ислама и по своему уровню развития и внешнему виду могли оставить у мусульман зарубежных стран правильное впечатление о жизни мусульман в СССР» [\[11\]](#).

В настоящее время с государственной точки зрения возможность совершения хаджа – одна из основ функционирования России как поликонфессионального государства, реализация принципа свободы вероисповедания, развития международных отношений с арабскими странами. Вопросы его организации включены в сферу внимания государства. В России сложилась централизованная система организации паломничества, выработан положительный опыт взаимодействия Духовных управлений и органов государственной власти.

В 2009 г. была установлена постоянно действующая квота российских паломников в Саудовскую Аравию – 20 500 человек. За основу было принято максимально возможное число мусульман в стране – 20 млн. Россия была единственной страной, которой повышали квоту до 25 000 мест. В настоящее время в связи с санитарно-эпидемиологическими условиями 2019–2020 гг. квоты для всех стран переструктурированы.

Формирование квот на хадж для российских мусульман – это важный процесс, который регулируется как на федеральном, так и на региональном уровне. Квоты определяются на основе соглашений между Россией и Саудовской Аравией, а также с учетом числа мусульман в различных частях страны. В настоящее время существует ряд проблем в распределении квот внутри страны: 1. Квоты часто не соответствуют реальному числу

желающих совершить хадж в различных регионах. Это может привести к недовольству среди мусульманских общин. 2. Имеются случаи коррупции при распределении квот, что подрывает доверие к системе организации паломничества. 3. Многие потенциальные паломники не информированы о правилах и сроках подачи заявок на хадж. 4. Высокая стоимость поездки на хадж делает его недоступным для многих мусульман, несмотря на наличие квоты. 5. Транспортировка паломников из удаленных регионов может быть затруднена, что также влияет на возможность участия в хадже.

Необходимы меры по улучшению прозрачности распределения квот и повышению информированности о процедуре хаджа. С 2013 г. в России на стадии обсуждения находится создание единой федеральной базы паломников, которая возможно решит проблемы с квотами внутри регионов. Почти в каждой стране существует открытая база данных, где можно пройти онлайн-регистрацию на хадж и встать в очередь.

С 2002 г. при правительстве Российской Федерации функционирует Совет по хаджу. Его деятельность охватывает различные аспекты, связанные с хаджем, включая распределение квот, организацию поездок и поддержку паломников. В его состав входят руководители централизованных мусульманских организаций России и представители государственных структур. В 2003 г. было утверждено положение о российской Хадж-миссии, состоящей из руководителей групп, гидов, переводчиков и врачей (около 200 человек), которые помогают паломникам на территории Саудовской Аравии в период хаджа.

Совет по хаджу координирует действия туроператоров, которые занимаются организацией поездок на хадж. Это включает в себя выбор надежных компаний, контроль за качеством услуг и соблюдение стандартов безопасности. Совет предоставляет информацию о процедуре хаджа, необходимых документах и условиях поездки. Он организует обучение для паломников, где объясняются основные обряды и правила, связанные с хаджем. В случае возникновения проблем у паломников (например, задержка рейсов, проблемы с жильем) Совет оказывает помощь и поддержку, взаимодействуя с местными властями и туроператорами [Хадж-Миссия России – официальный сайт // <https://hajjmission.ru/> (дата обращения: 17.10.2024)].

В целом, организация паломничества мусульман со стороны государства в России официально сосредоточена на следующих аспектах:

1. Обеспечение международного сопровождения в контактах религиозных организаций мусульман с Саудовской Аравией и другими странами-транзитерами; 2. Обеспечение физической и духовной безопасности паломников; 3. Контроль медико-санитарных норм, способствующих возвращению паломников в благополучном состоянии; 4. Координация процесса организации паломничества с помощью консультативного органа – Совета по хаджу.

С группами паломников работают религиозные организации, участие государства в этом вопросе минимальное. На основе полевых исследований выделяются следующие проблемы для паломников в нынешней организации хаджа:

- Высокая стоимость паломничества. Российские паломники, оплачивая значительные суммы, проживают в гостиницах, принадлежащих гражданам беднейших стран Африки. Хадж в России стал коммерческим предприятием, фактически превратившись в бизнес. В 2024 г. стоимость хаджа составила 5000 долларов;
- Низкое качество медицинского обслуживания и нехватка медикаментов. Например, на

2000 паломников от Центрального духовного управления мусульман России выезжает всего один врач и его ассистент;

– Санитарно-эпидемиологические риски для мусульман и граждан России. Практически все паломники заболевают во время хаджа, чаще всего вирусными инфекциями; у многих обостряются хронические заболевания. Большинство мусульман не делают прививки от опасных заболеваний, распространенных в Аравии, перед отъездом;

– Несчастные случаи. Пожилые люди отправляются в Мекку без сопровождения, и забота о них ложится на плечи руководителей групп и других паломников. По законам Саудовской Аравии молодые женщины до 45 лет не могут въезжать в страну без сопровождения близкого родственника; однако пожилые или больные люди могут это сделать, и зачастую они погибают, даже не успев совершить необходимые обряды;

– Недостаточная подготовка духовных лидеров и руководителей групп паломников. Их проповеди во время поездки на хадж и в святых местах, к сожалению, не отличаются глубиной мысли и знаний. Они часто рассказывают страшилки, суеверия и легенды непонятного происхождения без ссылок на источники. [Полевые материалы автора (ПМА), этнографическая экспедиция в Саудовскую Аравию (гг. Мекка, Медина), июль-август 2019 г.].

Что касается трансграничных контактов во время хаджа, они значительно затруднены для мусульман-паломников, поскольку большинство российских мусульман не владеют арабским языком, а также зачастую не знают английского. Чаще всего мусульмане из России с представителями других стран объясняются жестами, или переводчиками выступают руководители групп. Передать какие-то идеи при наличии языковых барьеров весьма затруднительно. Также верующие нацелены на выполнение обрядов и молитв, чем на общение с единоверцами из других стран.

В Мекке и Медине распространяют литературу на многих языках, написана она достаточно простым языком и, естественно, саудовского толка. В саудовской трактовке преподносится история ислама, история святых мест, вероучение, религиозная практика. Чаще всего российские мусульмане не берут эту литературу, получая предупреждение при выезде о возможности ввоза запрещенной литературы в России и следующими за этим проблемами [ПМА, этнографическая экспедиция в Саудовскую Аравию (гг. Мекка, Медина), июль-август 2019 г.].

Заключение

Хадж занимает важное место в системе государственно-исламских отношений в России. Он не только укрепляет религиозную идентичность мусульман, но и способствует развитию социальных связей внутри общин. Исследование хаджа в историческом контексте и в условиях современных реалий позволяет лучше понять динамику взаимодействия между исламом и государством в России. Необходимы дальнейшие усилия для решения существующих проблем, связанных с паломничеством.

Наибольшую опасность для мусульман всех стран представляют санитарно-эпидемиологические условия, связанные с посещением Аравии в период хаджа, распространение вирусов в скоплении людских масс, давки, несчастные случаи. Ситуация с российским хаджем безусловно требует постоянного мониторинга. Риски распространения деструктивных идей, вербовка имеют место в процессе развития любых международных контактов. Поддержка государства должна также заключаться в обеспечении правовой защиты паломников от мошенников, спекулянтов, коммерсантов

от хаджа.

Мнения экспертов, работы которых описаны в начале статьи, подчеркивают многогранность темы хаджа в контексте государственно-исламских отношений в России. Хадж рассматривается как важный элемент идентичности, культурного взаимодействия и межрелигиозного диалога [2], а также как объект государственного контроля и социальной динамики [4]. История хаджа в России показывает, как государственная политика влияла на религиозные практики. В разные эпохи власть пыталась контролировать паломничество, что отражает процессы управления мусульманскими общинами [8, 9]. Понимание исторического контекста хаджа необходимо для анализа его современного состояния. Хадж может служить инструментом для диалога между различными конфессиями в России. Понимание значимости паломничества может помочь в укреплении мирного сосуществования разных религий внутри страны.

Паломничество в Мекку становится все более доступным для мусульман России благодаря улучшению транспортной инфраструктуры и организации групповых поездок, доступность хаджа способствует вовлечению молодежи в религиозные практики и укрепляет их связь с исламом [5]. Новые вызовы хаджа потребуют дальнейшего исследования и анализа для понимания современного положения мусульманской общины в России и формирования конфессиональной политики в государстве.

[1] Статья выполнена в рамках НИР ИЭИ УФИЦ РАН «Традиционные религии и новые религиозные движения на Южном Урале и в Приуралье: вопросы функционирования, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений» № АААА-А21-121012290084-6.

Библиография

1. Ахунов А. М. Хадж у татар: от прошлого – к настоящему // Российский ислам в трансформационных процессах современности: новые вызовы и тенденции развития в XXI веке / Под ред. З. Р. Хабибуллиной. Уфа: Диалог, 2017. С. 16–25.
2. Нефляшева Н. А. Из России в Мекку: хадж как опыт социокультурного пограничья // Pax Islamica. 2008. № 1. С. 161–170.
3. Тасмагамбетова А. С. История конфессии Казахстана в конце XVIII-начале XX вв. (по материалам ислама и православия). Уральск: Редакционно-издательский центр ЗКГУ им. М.Утемисова, 2012. 368 с.
4. Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Хадж как элемент пространственной мобильности мусульманского населения Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Журнал фронтирных исследований. 2023. № 3. С. 90–110.
5. Хабибуллина З. Р. От Урала до Хиджаза: путешествия мусульман к святыням ислама // Уральский исторический вестник. 2016. 2 (51). С. 105–112.
6. Khabibullina Z. Perceptions of the Hajj / ed. by G. Simons, M. Shterin and E. Shiraev. Boulder, Colo: Lynne Rienner Publishers, 2023. P. 69–82.
7. Хадж мусульманских народов России: история и современность: хрестоматия / Автор-составитель З. Р. Хабибуллина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2018. 170 с.
8. Кейн А. Российский хадж: империя и паломничество в Мекку. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 401 с.
9. Силантьев Р. А. Мусульманская дипломатия в России: история и современность. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. 486 с.
10. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. Р-4732. Оп.

1. Д. 17. Л. 11.

11. ЦИА РБ. Ф. 4732. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В конце 1980-х гг. на волне демократизации и гласности начался быстрый процесс кризиса официальной коммунистической идеологии обозначившийся духовный вакуум быстро заполнили традиционные религии. За последние десятилетия роль христианства, ислама, буддизма в нашей стране стабильно растет, в связи с чем вызывает интерес изучение различных аспектов взаимодействия государства и традиционных конфессий.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является хадж в системе государственно-исламских отношений в России. Автор ставит своими задачами проанализировать историю вопроса, рассмотреть современные подходы к хаджу в России, а также показать организацию паломничества мусульман со стороны государства в России.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать систему организации российского хаджа, сотрудничество государства и религиозных организаций в этом процессе, паломничества как неотъемлемой части международных и государственно-исламских отношений России. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 9 различных источников и исследований. Из привлекаемых источников укажем на материалы Центрального исторического архива Республики Башкортостан и полевые материалы автора. Из используемых исследований укажем на труды А.М. Ахунова, Н.А. Нефляшевой, З.Р. Хабибуллиной, Р.А. Силантьева, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения ислама в России. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как исламом, в целом, так и хаджем, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «практика хаджа позволяет российским мусульманам поддерживать связь с исламским миром и чувствовать себя его неотъемлемой частью». В разные временные периоды в России были противоположные государственные подходы к практике хаджа. Автор справедливо отмечает, что в «настоящее время с государственной точки зрения возможность совершения хаджа – одна из основ

функционирования России как поликонфессионального государства, реализация принципа свободы вероисповедания, развития международных отношений с арабскими странами». Вызывают интерес выявленные автором проблемы для паломников в существующей организации хаджа, среди которых не только высокая стоимость, но и санитарно-эпидемиологические условия.

Главным выводом статьи является то, что «исследование хаджа в историческом контексте и в условиях современных реалий позволяет лучше понять динамику взаимодействия между исламом и государством в России».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России. Статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Политика и Общество».

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Усов А.Ю., Нестерова Н.А. О роли прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних // Политика и Общество. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.72589 EDN: WIXQVK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72589

О роли прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних

Усов Алексей Юрьевич

кандидат юридических наук

доцент; кафедра прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел; Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

664035, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1

✉ alexus_555@mail.ru

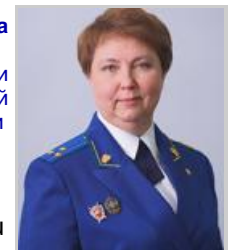

Нестерова Наталья Александровна

доцент; кафедра прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел; Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

664035, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1

✉ nesterova.n.a@inbox.ru

[Статья из рубрики "ЗАКОН И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2024.4.72589

EDN:

WIXQVK

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2024

Дата публикации:

17-12-2024

Аннотация: Объектом исследования статьи являются общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления прокурором защиты трудовых прав несовершеннолетних. Предмет исследования составляют законодательные основы

прокурорской деятельности в области защиты трудовых прав граждан в возрасте до 18 лет, организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации и правоприменительная практика в указанной сфере. Авторами научной статьи исследуются не только особенности прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних, но и анализируются иные виды прокурорской деятельности на данном направлении. В работе уделено внимание особенностям и правовым основаниям участия прокуроров в рассмотрении судами трудовых споров в защиту интересов несовершеннолетних. Сформулированы предложения об особенностях осуществления прокурорами правового просвещения среди работодателей, а также несовершеннолетних работников. В целях разграничения в исследуемой сфере предмета прокурорского надзора и компетенции органов государственного контроля (надзора) и органов управления отражены вопросы, подлежащие проверке именно прокурором, а также очерчены пределы прокурорской деятельности. В ходе проведения исследования авторами применен метод статистического анализа данных о количестве выявленных прокурорами нарушений трудовых прав несовершеннолетних. Сопоставление этих сведений с данными о количестве предъявленных по данным фактам прокурорами исковых заявлений позволило установить, что количество случаев обращения прокуроров в суд в защиту трудовых прав несовершеннолетних сравнительно невелико. Научная новизна работы заключается в систематизации знаний о роли прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних. В работе также сформулированы отдельные предложения по совершенствованию данного вида прокурорской деятельности. В частности, разработано правовое обоснование права прокурора на обращение в суд в защиту трудовых прав несовершеннолетнего работника даже в тех случаях, когда сам несовершеннолетний не желает обращаться с письменным заявлением в прокуратуру, однако нарушение его трудовых прав имеет существенный характер, создает угрозу для его жизни и здоровья, нормального нравственного развития, а его законный представитель занимает пассивную позицию или намеренно не желает защищать трудовые права несовершеннолетнего. Кроме того, в работе содержатся предложения по ужесточению административной ответственности за нарушение трудовых прав несовершеннолетних.

Ключевые слова:

Прокурор, прокуратура, прокурорский надзор, прокурорская деятельность, прокурорская на у к а , органы власти, надзорное сопровождение, з а к о н , трудовые права, несовершеннолетний работник

Введение

Цифровизация общественных отношений, постепенное внедрение в различных сферах общественной жизни современных, легко воспринимаемых именно молодежью технологий, трансформация представлений о характере и способах осуществления отдельных видов трудовой деятельности, раннее приобретение подростками необходимых профессиональных навыков становятся причинами того, что в настоящее время граждане с ранних лет начинают трудовую деятельность. В связи с этим осуществление прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних составляет предмет особой озабоченности органов прокуратуры [\[1. с. 129\]](#). В настоящее время научные исследования, посвященные организации трудовой деятельности несовершеннолетних, приобретают особую актуальность еще и в связи с

тем, что в условиях ведения Специальной военной операции потребность в вовлечении в производственную деятельность несовершеннолетних постепенно возрастает, что, в свою очередь, способствует и росту количества нарушений трудовых прав несовершеннолетних.

Цели и задачи исследования

Целью научного исследования является определение роли прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних и разработка предложений по совершенствованию этого вида прокурорской деятельности.

Задачами исследования является установление особенностей деятельности прокуратуры по защите трудовых прав несовершеннолетних; определение достаточности нормативной регламентации полномочий прокурора по защите трудовых прав несовершеннолетних; определение исполнительской способности актов прокурорского реагирования в вопросе привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении трудовых прав несовершеннолетних; формулирование выводов и предложений по совершенствованию деятельности прокурора по заявленному направлению.

Методология

Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. В ходе проведения исследования применен метод статистического анализа данных о количестве выявленных прокурорами нарушений трудовых прав несовершеннолетних, полученные данные сопоставлены со сведениями о количестве предъявленных по данным фактам прокурорами исковых заявлений, что позволило установить, что количество случаев обращения прокуроров в суд в защиту трудовых прав несовершеннолетних сравнительно невелико. Кроме того, в статье применены традиционные методы конкретного юридического исследования, в том числе – формально-юридического анализа, предполагающий оперирование научными понятиями, установление связей между ними, их классификацию, формулирование новых правил поведения, и метод анализа юридических ситуаций, норм права и понятий [\[2, с. 97\]](#).

Деятельность прокуратуры по защите трудовых прав несовершеннолетних

Современное российское государство признает высшей ценностью права и свободы человека и гражданина, создает гарантии их защиты. В этой сфере прокуратура Российской Федерации играет особую правозащитную роль. В Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) закреплены нормы, устанавливающие правозащитный характер деятельности органов прокуратуры.

Прокурорская деятельность является одним из наиболее эффективных правозащитных механизмов, в том числе – в сфере защиты трудовых прав граждан, не достигших совершеннолетия. Так, прокуроры осуществляют прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних, обеспечивают участие в рассмотрении судами трудовых споров, возбуждают в отношении нарушивших трудовое законодательство работодателей дела об административных правонарушениях [\[3, с. 99\]](#), осуществляют правовое просвещение несовершеннолетних и молодежи [\[4, с. 97\]](#), осуществляют иные виды прокурорской деятельности. Кроме того, на «постоянном контроле прокуроры держат обеспечение социальных, трудовых, жилищных прав детей-инвалидов, добиваясь

создания условий для их социальной адаптации и вовлеченности в общественную жизнь» [\[5, с. 75\]](#).

Безусловно, защита трудовых прав граждан входит в компетенцию и такого органа государственного контроля (надзора), как Государственная инспекция труда, деятельность которой прокурор подменять не вправе в соответствии с требованиями статьи 21 Закона о прокуратуре. Вместе с тем, в качестве одного из весомых оснований для проведения именно прокурорско-надзорной проверки традиционно считается получение прокурором информации о нарушении закона в условиях, когда на поднадзорной прокуратуре территории отсутствует территориальное (межрайонное) подразделение органа государственного контроля (надзора), в компетенцию которого входит проведение проверок по подобным нарушениям. Учитывая, что на территории Российской Федерации создано крайне незначительное количество территориальных (межрайонных) отделов Государственной инспекции труда, как правило, основным защитником трудовых прав граждан оказываются именно прокуроры городов (районов).

Полномочия прокурора и общие правила организации прокурорской деятельности в рассматриваемой сфере установлены Законом о прокуратуре. Кроме того, детализации особенностей осуществления защиты прокурором трудовых прав несовершеннолетних посвящены «профильные» приказы Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» и от 05.02.2024 № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан».

Так, вышеназванными приказами прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав социально незащищенных категорий граждан, в том числе несовершеннолетних и молодежи, признан приоритетным направлением прокурорской деятельности, осуществляемым прокурорами на постоянной основе [\[6, с. 191\]](#).

Нельзя не согласиться с оценкой О.И. Волницкой о том, что в России несовершеннолетние представляют собой не просто дешевую, а довольно часто и бесплатную рабочую силу, подвергаются при этом эксплуатации во многих сферах, причем порой незаконных [\[7, с. 13\]](#).

Только за 2023 год прокурорами России выявлено более 14,5 тыс. нарушений трудовых прав несовершеннолетних, с целью устранения этих нарушений прокурорами внесено 3,9 тысяч представлений, принесено свыше 1,6 тыс. протестов, предостережены о недопустимости нарушений закона 348 должностных лиц. По инициативе прокуроров 3138 виновных лиц привлечены к дисциплинарной, 969 – к административной ответственности. С целью защиты трудовых прав несовершеннолетних направлено в суд 374 заявления [\[8\]](#). Таким образом, органы прокуратуры наделены полномочиями по осуществлению защиты трудовых прав несовершеннолетних как в надзорном, так и в ненадзорном видах деятельности. Кроме того, как свидетельствует практика прокурорской деятельности прокуроры ведут проактивную деятельность, направленную на защиту трудовых прав несовершеннолетних на начальной стадии их возникновения.

Так, в рамках межведомственного взаимодействия с целью организации трудовой занятости несовершеннолетних органами службы занятости прокурорами на местах прорабатываются вопросы о трудоустройстве подростков в государственные и муниципальные образовательные организации, а также на предприятия и организации

различных форм собственности. С работодателями проводится предварительная работа, разъясняются условия участия организации занятости несовершеннолетних, особенности заключения трудовых договоров с подростками. В администрациях муниципальных образований проводятся заседания координационных комитетов содействия занятости, совещания с приглашением глав поселений, руководителей образовательных организаций, иных работодателей, на которых рассматриваются вопросы об организации временной занятости несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет. Как следствие, численность несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет, трудоустроенных в свободное от учебы время, ежегодно возрастает [\[9\]](#).

В то же время в ходе надзорного сопровождения мероприятий по трудоустройству несовершеннолетних прокурорами по результатам проверок выявляются многочисленные нарушения. Для устранения и профилактики выявляемых нарушений, с целью защиты прав несовершеннолетних на труд, используется весь спектр средств прокурорского реагирования.

Так, прежде всего, мерами прокурорского реагирования пресекаются факты ненадлежащей деятельности органов власти в сфере занятости несовершеннолетних, при этом особое внимание уделяется обеспечению трудовой занятости детей, состоящих на профилактических учетах, проживающих в семьях, находящихся в социально-опасном положении или в многодетных семьях [\[10, с. 8-12\]](#). При проведении проверок в отношении органов местного самоуправления прокуроры понуждают обеспечивать надлежащее финансирование указанных мероприятий. Надзирая за центрами занятости населения, прокуроры также отслеживают наличие у них актуальной информации о квотируемых рабочих местах для несовершеннолетних, направление центрами занятости населения обратившихся несовершеннолетних для трудоустройства в организации, для которых квотирование рабочих мест является обязанностью.

Кроме того, в целях защиты трудовых прав несовершеннолетних прокуроры проводят проверки и в отношении работодателей.

В рамках надзорной деятельности существенное внимание уделяется легализации трудовых отношений с несовершеннолетними. При установлении случаев привлечения к труду несовершеннолетних без оформления трудовых отношений, прокуроры в судебном порядке устанавливают факты трудовых отношений, взыскивают задолженность по заработной плате и обязательным платежам. Прокуроры также выявляют и реагируют на факты заключения трудовых договоров с несовершеннолетними в отсутствие полученного согласия от законных представителей и органов опеки и попечительства.

Прокурорами проводятся проверки исполнения регионального законодательства о квотировании рабочих мест для несовершеннолетних. При этом выявляются и пресекаются нарушения, возникающие в сфере квотирования рабочих мест для несовершеннолетних, которые могут выражаться как в полном бездействии работодателя и невыполнении обязанности по квотированию, так и в необоснованном отказе от трудоустройства в рамках квоты. Также по требованиям прокуроров устраняются нарушения, связанные с непредставлением работодателями информации о квотировании и заполнении рабочих мест, отсутствием контроля за этим со стороны центров занятости населения. Необходимо констатировать, что несмотря на принимаемые прокурорами меры, во многих регионах остаются нерешенными вопросы фактического трудоустройства несовершеннолетних на квотируемые рабочие места.

В прокурорской практике защиты трудовых прав несовершеннолетних значительный

объем выявленных нарушений составляют незаконные условия трудовых договоров и локальных нормативных актов работодателей, регулирующих вопросы организации труда несовершеннолетних работников. Так, при заключении трудовых договоров с подростками не всегда регламентируются условия оплаты труда, трудовая функция и др. Имеются примеры принесения прокурорами протестов на несоответствующие законодательству локальные нормативные акты, устанавливающие Правила внутреннего трудового распорядка в организациях, выполняющих трудоустройство несовершеннолетних по квоте, однако не отражающие порядок расторжения трудового договора с работниками в возрасте до 18 лет по инициативе работодателя, запрета на направления их в служебные командировки, продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска несовершеннолетних с предоставлением в удобное для них время.

К примеру, по результатам рассмотрения протестов прокурора Кировского района г. Иркутска в Правила внутреннего трудового распорядка ГАУК «Иркутский академический драматический театр им. Н.П. Охлопкова» и ГАУК ИО «Театр юного зрителя им. А. Вампилова» внесены соответствующие изменения.

Прокуроры также реагируют путем внесения представлений в адрес недобросовестных руководителей предприятий на факты трудоустройства несовершеннолетних в отсутствие предварительного медицинского осмотра, пресекают случаи нарушения сроков выплаты заработной платы, привлечения несовершеннолетних к труду в выходные и праздничные дни, а также в ночное время.

Так, Усть-Илимским межрайонным прокурором установлен факт невыплаты заработной платы несовершеннолетнему. После его увольнения расчет с ним не произведен, заработная плата в полном объеме не выплачена. При этом трудовой договор не заключался. По результатам вмешательства прокурора ребенку в полном объеме выплачена задолженность по заработной плате в размере 4 800 рублей.

Привлечение к ответственности по требованиям прокуроров

По каждому выявляемому прокурорами в действиях работодателей факту нарушений требований трудового законодательства виновные должностные лица привлекаются к дисциплинарной и административной ответственности.

Думается, что возможный способ решения проблем, связанных с несоблюдением трудовых прав лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, – установление в статье 5.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации специального состава административного правонарушения, предусматривающего более строгую административную ответственность работодателя за нарушение трудовых прав несовершеннолетних. В результате такого изменения закона у прокуроров появился бы в арсенале еще один действенный способ защиты трудовых прав подростков и привлечения недобросовестных работодателей к административной ответственности.

В качестве основных причин установления более строгой административной ответственности следует назвать следующие: 1 – случаи нарушения трудовых прав несовершеннолетних необходимо в принципе искоренять в полном объеме, поскольку лица в возрасте до 18 лет являются наиболее незащищенными, зависимыми субъектами общественных отношений; 2 – нарушение трудовых прав несовершеннолетнего может сказаться на дальнейшей трудовой деятельности такого лица, в том числе – у другого работодателя; 3 – первичное привлечение работодателя к административной

ответственности за нарушение трудовых прав несовершеннолетнего должно отбивать желание допускать аналогичные нарушения в будущем, особенно в тех случаях, когда несовершеннолетний продолжает свою трудовую деятельность у этого же работодателя.

Таким образом, полагаем, что введение дополнительной административной ответственности за совершение такого правонарушения оказало бы положительное влияние на состояние законности в рассматриваемой сфере правоотношений в целом, поскольку дети являются важнейшим приоритетом государственной политики Российской Федерации [\[11, с. 16\]](#)

Проблемы осуществления прокурорской деятельности по защите трудовых прав несовершеннолетних

В ходе проведения исследования применен метод статистического анализа данных о количестве выявленных прокурорами нарушений трудовых прав несовершеннолетних, полученные данные сопоставлены со сведениями о количестве предъявленных по данным фактам прокурорами исковых заявлений, что позволило установить, что количество случаев обращения прокуроров в суд в защиту трудовых прав несовершеннолетних сравнительно невелико. Полагаем, это отчасти связано с ошибочным толкованием отдельными прокурорами статьи 45 ГПК РФ, полагающими, что в защиту трудовых прав несовершеннолетних граждан прокуроры могут обращаться исключительно при наличии заявления от такого лица. Вместе с тем, правоприменительная практика свидетельствует о том, что именно несовершеннолетние работники зачастую даже не предполагают, что их трудовые права нарушаются, не знают о том, что одним из наиболее эффективных способов восстановления нарушенных трудовых прав является именно обращение в прокуратуру Российской Федерации. Сказывается и то, что нередко граждане в возрасте до 18 лет относятся к нарушениям своих трудовых прав безразлично до тех пор, пока такие нарушения не приведут к более ощутимым для них последствиям, как-то незаконному лишению заработной платы или увольнению. Следует отметить, что нарушения трудовых прав в целом характеризуются своей латентностью, и, поэтому создание дополнительных барьеров для выявления и устранения прокурором таких нарушений представляется совершенно необоснованным. Речь, в частности, идет о случаях, когда прокурор выявляет, что несовершеннолетний трудится у работодателя без надлежащего оформления, однако трудовые отношения с ним возникли на основании фактического допущения (статья 67 ТК РФ), следовательно, и у несовершеннолетнего возникли трудовые права с начала осуществления им с ведома или по поручению работодателя трудовой функции. При этом порой несовершеннолетний не желает писать заявление на имя прокурора о нарушении его трудовых прав из страха перед работодателем или полагая, что такое нарушение ни на что не влияет. Однако отсутствие такого заявления не означает и не может означать, что прокурор должен в связи с этим бездействовать, поскольку защита прав (в том числе, трудовых прав) несовершеннолетнего существенным образом отличается от защиты прав совершеннолетнего, полностью дееспособного лица.

Дело в том, что в силу требований статьи 37 ГПК РФ гражданская процессуальная дееспособность возникает в полном объеме только у граждан, достигших 18-летнего возраста [\[12, с. 81\]](#). Таким образом, несовершеннолетний самостоятельно без содействия законного представителя в суд обратиться и не может, а в случаях, когда законный представитель занимает пассивную позицию или намеренно не желает защищать трудовые права несовершеннолетнего, единственным лицом, которое имеет право обратиться в суд в защиту трудовых прав несовершеннолетнего гражданина, в

соответствии со статьей 45 ГПК РФ оказывается именно прокурор.

Следует отметить, что зачастую привлечение работодателями к труду несовершеннолетних сопровождается такими нарушениями, как непроведение в отношении них обязательного медицинского осмотра, априори недопустимое в соответствии с законом установление испытательного срока, зачастую сопровождающееся снижением заработной платы на период испытания, привлечение несовершеннолетних к тяжелому, вредному или опасному труду, использование детского труда в сферах, где это недопустимо (игорный бизнес, работа в ночных кабаре и клубах, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, материалами эротического содержания) и прочее. Безусловно, при выявлении таких случаев прокурор не может, и не должен ждать просьбы о помощи от несовершеннолетнего, и поэтому обязан инициативно отстаивать интересы ребенка [\[13, с. 2001\]](#).

При этом зачастую обращение работника с жалобой на нарушение трудовых прав именно в прокуратуру позволяет наиболее эффективно и оперативно защитить нарушенное право. Это происходит потому, что прокурор имеет право самостоятельно провести проверку по поступившему обращению, применить меры прокурорского реагирования, требуя устранения возникшего нарушения, но, кроме того, прокурор имеет право на основании статьи 45 ГПК РФ обратиться в суд. Участвуя в рассмотрении трудового спора судом, прокурор действует профессионально и беспристрастно, основываясь на требованиях закона и складывающейся судебной практики, отстаивает интересы гражданина на безвозмездной основе. Отметим также, что в настоящее время Государственная инспекция труда полномочиями по обращению в суд в защиту трудовых прав граждан не обладает.

Таким образом, полагаем, что в настоящее время существует необходимость дополнения новыми требованиями ряда приказов Генерального прокурора Российской Федерации, а именно от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов»; от 05.02.2024 № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан»; от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве». Предлагается дополнить эти приказы положением о том, что при выявлении прокурором существенных нарушений трудовых прав несовершеннолетних, требующих обращения в суд, прокурору следует предъявлять исковое заявление в интересах несовершеннолетнего во всех случаях, вне зависимости от наличия обращения от него в органы прокуратуры.

Заключение

Подводя итоги проведенному при написании данной статьи научному исследованию, следует отметить, что в настоящее время прокурорская деятельность по защите трудовых прав несовершеннолетних отличается обширной практикой, многообразием форм прокурорского реагирования на выявленные нарушения, системностью воздействия на лиц, нарушивших требования трудового законодательства.

Вместе с тем, в тексте работы уделено особое внимание необходимости переориентирования сложившейся прокурорской практики по защите в судебном порядке трудовых прав несовершеннолетних. Сформулировано отличающееся научной новизной предложение о необходимости внесения изменений в ряд организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации в целях

разъяснения наличия в соответствии со статьей 45 ГПК РФ законных оснований для обращения прокурора в суд для защиты трудовых прав несовершеннолетнего лица вне зависимости от наличия обращения от него в органы прокуратуры.

Кроме того, в статье сформулированы предложения по установлению специальной административной ответственности за нарушение трудовых прав несовершеннолетних.

Библиография

1. Мирзаев М.А., Ахмедов Р.А. Роль прокуратуры в защите трудовых прав граждан // Вестник Дагестанского государственного университета. 2018. Том 33. Выпуск 2. С. 127-133.
2. Методология и методика научного исследования / И. Л. Честнов. Санкт-Петербург. 2018.
3. Теоретические основы и прикладные проблемы участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях / рук. авт. колл. А.Ю. Винокуров. М., 2017.
4. Деятельность прокуратуры по правовому просвещению и правовому информированию в сфере защиты прав несовершеннолетних : научно-практическое пособие / рук. авт. коллектива Д.И. Ережипалиев. М., 2023.
5. Яровой А.В. Защита прокурором жилищных прав детей-инвалидов // Искусство правоведения. The Art of Law. 2024. № 3 (11). С. 75-82
6. Немзорова Р.Ю. Приоритеты прокурорской деятельности: практический и теоретический аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 191.
7. Волницкая О.И. Надзор за исполнением законов о защите трудовых прав несовершеннолетних // Законность. 2013. №3. С. 13–15.
8. Статистические данные по форме ОН, сводный отчет по Российской Федерации за 2023 г. : сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения: 05.12.2024).
9. В России в 2023 году трудоустроили почти 500 тыс. несовершеннолетних : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18995469> (дата обращения: 05.12.2024)
10. Криворучко Н.В. Надзор за соблюдением законодательства о постинтернатном сопровождении лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Законность. 2015. № 12. С. 8–12.
11. Деятельность прокурора по защите прав несовершеннолетних / под общ. ред. Р.В. Жубрина. М. 2024.
12. Защита прокурором в гражданском и административном судопроизводстве права несовершеннолетних на охрану здоровья: пособие / М.В. Маматов, Е.В. Кремнева, И.А. Маслов, И.С. Симонова. М., 2021.
13. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта / под ред. акад. А.А. Реана. СПб., 2021.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья "О роли прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних" для опубликования в журнале "Политика и Общество". Наименование и содержание статьи соответствует политике издания.

Актуальность исследования не вызывает сомнений, поскольку и, к сожалению, в последнее время наблюдается ранняя эмансипация молодежи, в том числе в трудовых

правоотношениях. Это требует усиления прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних. Правильно отмечается автором, что в условиях ведения Специальной военной операции потребность в вовлечении в производственную деятельность несовершеннолетних возрастает, что, одновременно, способствует росту количества нарушений трудовых прав несовершеннолетних.

Предметом исследования обоснованно избраны вопросы организации деятельности прокуратуры по защите прав несовершеннолетних, привлечения к ответственности виновных лиц. Поскольку количество обращений в прокуратуру за защитой нарушенных трудовых прав самих несовершеннолетних невелико, то очевидной проблемой становится латентный характер таких правонарушений. А это, в свою очередь, требует активизации деятельности прокуратур на всех уровнях системы органов.

Методы исследования. Применяя методы научного познания предмета исследования автором проведен статистический анализ данных о количестве выявленных прокурорами нарушений трудовых прав несовершеннолетних, полученные данные сопоставлены со сведениями о количестве предъявленных по данным фактам прокурорами исковых заявлений. На основе проведенной выборки случаев установлена эффективность деятельности прокуроров. Отмечено, что прокурор порой выступает единственным защитником прав несовершеннолетних в силу отсутствия инициативности со стороны законных представителей, а также других факторов, отмеченных автором. В целях исследования применены также такие методы научного познания, как анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение.

Решенные исследовательские задачи. Применение указанных методов позволило автору провести исследование и решить следующие задачи: обозначены особенности деятельности прокуратуры по защите трудовых прав несовершеннолетних; определена достаточность нормативной регламентации полномочий прокурора по защите трудовых прав несовершеннолетних; определена исполнительская способность актов прокурорского реагирования в вопросе привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении трудовых прав несовершеннолетних; сформулированы выводы и предложения по совершенствованию деятельности прокурора по заявленному направлению.

Между тем, рецензентом отмечается следующее: структурирование исследования не коснулось четкого обозначения целей и задач, что затрудняет их определение для читателя. Автору необходимо устранить данный недостаток.

Научная новизна проведенного исследования усматривается рецензентом в сделанных выводах и предложениях, отраженных в заключении статьи. Автором установлена необходимость совершенствования порядка обращения прокурора в суд для защиты нарушенных трудовых прав несовершеннолетних. Автор также предлагает прокурору предъявлять исковое заявление в интересах несовершеннолетнего во всех случаях, вне зависимости от наличия обращения от него в органы прокуратуры, а также внести соответствующие изменения в ст. 45 ГПК РФ и соответствующие тематике (подробно указанные в работе автором) приказы Генерального Прокурора РФ. Такое предложение, по мнению рецензента, является нежизнеспособным по двум причинам: во-первых, в отсутствие заключенного трудового договора с несовершеннолетним у прокурора отсутствует основание для обращения в суд за защитой именно трудовых прав, поскольку такие права не были приобретены несовершеннолетним; во-вторых, инициативные прокурорские проверки работодателей в отсутствие каких бы то ни было жалоб немасштабны и выявляют отдельные случаи, что неспособно повсеместно искоренить нарушение трудовых прав несовершеннолетних. В выводах автора обозначено также предложение по усилению административной ответственности

работодателя, что в реальности приведет к еще большей незаинтересованности создания рабочих мест для несовершеннолетних, в особенности на освобожденных территориях. В связи с обозначенной спорностью выводов автора, возникает вопрос о разумном балансе расширения полномочий прокурора по привлечению к ответственности работодателей за нарушение прав несовершеннолетних и экономической устойчивостью предпринимательской деятельности. Также автору надлежит продумать каким образом прокуратура может выявить случаи нарушения трудовых прав несовершеннолетних в отсутствие обращений и заключенных трудовых договоров?

Текст статьи структурирован, логически последователен, изложен научным языком и соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Библиографический перечень включает в себя 10 источников, в числе которых нормативно-правовые акты, статистические данные и специальная научная литература. По рекомендациям издания, в котором автор намеревается опубликовать статью, необходимо использовать минимум 10-15 специальных источников, датированных современным периодом времени. Этот показатель не выполнен.

В целом статья представляет определенный научный интерес, но требует доработки в части уточнения целей и задач исследования, а также по указанным выше вопросам.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

У статьи есть четкая структура: введение, цели и задачи исследования, методология, деятельность прокуратуры по защите трудовых прав несовершеннолетних, привлечение к ответственности по требованиям прокуроров, проблемы осуществления прокурорской деятельности по защите трудовых прав несовершеннолетних, заключение, библиография.

В статье нет описания предмета исследования.

Некоторые тезисы, постулируемые в статье, нуждаются в объяснении. Например, рекомендуется объяснить, как постепенное внедрение в различных сферах общественной жизни использования нейросетей влияет на тот факт, что многие граждане с ранних лет начинают трудовую деятельность? Означает ли это, что подростки хорошо разбираются в нейросетях? Хотелось бы увидеть какие-то статистические данные. Кроме того, создание нейросетей предполагает необходимость фундаментальных знаний в области дифференциальных уравнений, не говоря уже о Machine Learning и Data Science. Вряд ли большинство несовершеннолетних обладают фундаментальными математическими знаниями.

В статье хорошо описываются цель, задачи и методологический раздел. Однако среди методов указываются только философские (анализ, абстракция, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение) и статистические (метод статистического анализа). Где же методы правовых исследований? Хотелось бы и их увидеть, поскольку статья все-таки выдержана в русле правовой тематики. Например, поскольку речь идет об анализе деятельности органов прокуратуры, то можно было бы использовать институциональный метод.

Поскольку представляется очевидным, что деятельность органов прокуратуры в области защиты прав несовершеннолетних в трудовых отношениях пересекается со сферой деятельности государственной инспекции труда, то рекомендуется как-то об этом упомянуть. Есть ли смысл в случае нарушения трудовых прав несовершеннолетнего

обращаться сразу в органы прокуратуры или сначала в государственную инспекцию труда?

Статья содержит в себе некоторое количество правовых рекомендаций, имплементация которых в законодательство может привести к снижению количества случаев нарушения требований трудового законодательства. В частности, рекомендуется установить в статье 5.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации специального состава административного правонарушения, предусматривающего более строгую административную ответственность работодателя за нарушение трудовых прав несовершеннолетних. Также рекомендуется дополнить приказы Генерального Прокурора Российской Федерации положениями о том, что при выявлении прокурором существенных нарушений трудовых прав несовершеннолетних, требующих обращению в суд, прокурору следует предъявить исковое заявление в интересах несовершеннолетнего во всех случаях, вне зависимости от наличия обращения от него в органы прокуратуры.

Библиографический раздел представлен 12 научными публикациями, в том числе 3 публикации за 2023 – 2024 годы.

Проблематика статьи является актуальной. Статья представляет интерес для читательской аудитории.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «О роли прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам роли прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних. Авторами рассматриваются вопросы по поводу осуществления деятельности прокуратуры по защите трудовых прав несовершеннолетних, привлечение к ответственности по требованиям прокуроров, а также отдельные проблемы осуществления прокурорской деятельности по защите трудовых прав несовершеннолетних. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения действующего законодательства, мнения ученых, эмпирические данные.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «Целью научного исследования является определение роли прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних и разработка предложений по совершенствованию этого вида прокурорской деятельности». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. Так, в статье отмечается, что «Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. В ходе проведения исследования применен метод статистического анализа данных о количестве выявленных прокурорами нарушений трудовых прав несовершеннолетних, полученные данные сопоставлены со сведениями о количестве предъявленных по данным фактам прокурорами исковых заявлений, что позволило установить, что количество случаев обращения прокуроров в суд в защиту трудовых прав несовершеннолетних сравнительно невелико».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных. Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «защита трудовых прав граждан входит в компетенцию и такого органа государственного контроля (надзора), как Государственная инспекция труда, деятельность которой прокурор подменять не вправе в соответствии с требованиями статьи 21 Закона о прокуратуре. Вместе с тем, в качестве одного из весомых оснований для проведения именно прокурорско-надзорной проверки традиционно считается получение прокурором информации о нарушении закона в условиях, когда на поднадзорной прокуратуре территории отсутствует территориальное (межрайонное) подразделение органа государственного контроля (надзора), в компетенцию которого входит проведение проверок по подобным нарушениям. Учитывая, что на территории Российской Федерации создано крайне незначительное количество территориальных (межрайонных) отделов Государственной инспекции труда, как правило, основным защитником трудовых прав граждан оказываются именно прокуроры городов (районов)».

Также положительно стоит оценить использование автором рецензируемой статьи материалов практики. Так, отмечено, что «В прокурорской практике защиты трудовых прав несовершеннолетних значительный объем выявленных нарушений составляют незаконные условия трудовых договоров и локальных нормативных актов работодателей, регулирующих вопросы организации труда несовершеннолетних работников. Так, при заключении трудовых договоров с подростками не всегда регламентируются условия оплаты труда, трудовая функция и др. Имеются примеры принесения прокурорами протестов на несоответствующие законодательству локальные нормативные акты, устанавливающие Правила внутреннего трудового распорядка в организациях, выполняющих трудоустройство несовершеннолетних по квоте, однако не отражающие порядок расторжения трудового договора с работниками в возрасте до 18 лет по инициативе работодателя, запрета на направления их в служебные командировки, продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска несовершеннолетних с предоставлением в удобное для них время. К примеру, по результатам рассмотрения протестов прокурора Кировского района г. Иркутска в Правила внутреннего трудового распорядка ГАУК «Иркутский академический драматический театр им. Н.П. Охлопкова» и ГАУК ИО «Театр юного зрителя им. А. Вампилова» внесены соответствующие изменения».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема роли прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «Цифровизация общественных отношений, постепенное внедрение в различных сферах общественной жизни современных, легко воспринимаемых именно молодежью технологий, трансформация представлений о характере и способах осуществления отдельных видов трудовой деятельности, раннее приобретение подростками необходимых профессиональных навыков становятся причинами того, что в настоящее время

граждане с ранних лет начинают трудовую деятельность. В связи с этим осуществление прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних составляет предмет особой озабоченности органов прокуратуры [1, с. 129]. В настоящее время научные исследования, посвященные организации трудовой деятельности несовершеннолетних, приобретают особую актуальность еще и в связи с тем, что в условиях ведения Специальной военной операции потребность в вовлечении в производственную деятельность несовершеннолетних постепенно возрастает, что, в свою очередь, способствует и росту количества нарушений трудовых прав несовершеннолетних».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«нарушения трудовых прав в целом характеризуются своей латентностью, и, поэтому создание дополнительных барьеров для выявления и устранения прокурором таких нарушений представляется совершенно необоснованным. Речь, в частности, идет о случаях, когда прокурор выявляет, что несовершеннолетний трудится у работодателя без надлежащего оформления, однако трудовые отношения с ним возникли на основании фактического допущения (статья 67 ТК РФ), следовательно, и у несовершеннолетнего возникли трудовые права с начала осуществления им с ведома или по поручению работодателя трудовой функции. При этом порой несовершеннолетний не желает писать заявление на имя прокурора о нарушении его трудовых прав из страха перед работодателем или полагая, что такое нарушение ни на что не влияет. Однако отсутствие такого заявления не означает и не может означать, что прокурор должен в связи с этим бездействовать, поскольку защита прав (в том числе, трудовых прав) несовершеннолетнего существенным образом отличается от защиты прав совершеннолетнего, полностью дееспособного лица».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«в настоящее время существует необходимость дополнения новыми требованиями ряда приказов Генерального прокурора Российской Федерации, а именно от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов»; от 05.02.2024 № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан»; от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве». Предлагается дополнить эти приказы положением о том, что при выявлении прокурором существенных нарушений трудовых прав несовершеннолетних, требующих обращения в суд, прокурору следует предъявлять исковое заявление в интересах несовершеннолетнего во всех случаях, вне зависимости от наличия обращения от него в органы прокуратуры».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Политика и Общество», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с ролью прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел

заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Мирзаев М.А., Ахмедов Р.А., Яровой А.В., Криворучко Н.В. и другие).

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным автором в рецензируемой статье проблемам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Руколеев В.А., Задорина М.А. Проблемы реализации права на пенсионное обеспечение отдельных категорий граждан в условиях международно-политической нестабильности // Политика и Общество. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.72767 EDN: YFBQFY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72767

Проблемы реализации права на пенсионное обеспечение отдельных категорий граждан в условиях международно-политической нестабильности

Руколеев Виталий Александрович

ORCID: 0000-0002-6879-9192

ассистент, кафедра конституционного и международного права; Уральский государственный экономический университет

620144, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Народной Воли, 45, ауд. 750

✉ v.a.rukoleev@bk.ru

Задорина Мария Андреевна

ORCID: 0000-0002-2531-8475

кандидат юридических наук

доцент, кафедра конституционного и международного права; Уральский государственный экономический университет

620144, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Народной Воли, 45, ауд. 750

✉ zadorina@bk.ru

[Статья из рубрики "ОСНОВНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2024.4.72767

EDN:

YFBQFY

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2024

Дата публикации:

22-12-2024

Аннотация: Статья посвящена проблемам реализации права на пенсионное

обеспечение отдельными категориями граждан Российской Федерации, имеющих право на досрочную страховую пенсию по старости, трудовая деятельность которых осуществлялась на территориях государств, входящих в состав СССР. Тема актуальна ввиду того, что пенсионное законодательство динамично развивается. Современные же геополитические условия, когда гражданство Российской Федерации приобретают граждане государств – бывших советских республик в силу различных обстоятельств, придают избранной теме большую актуальность. Особое внимание в исследовании уделено влиянию современной международно-политической ситуации на реализацию такими гражданами права на пенсионное обеспечение. Предмет исследования составляют нормы законодательства Российской Федерации о пенсионном обеспечении, судебная практика, а также труды отечественных ученых-юристов по данному вопросу.

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение), а также специально-юридические (формально-юридический) методы научного познания. На основе анализа судебной практики выявлены проблемы в реализации права на досрочную страховую пенсию по старости гражданами Российской Федерации, трудовая деятельность которых осуществлялась на территориях государств, входящих в состав СССР: сложности с подтверждением наличия специального стажа трудовой деятельности, сопряженной с неблагоприятным воздействием различного рода факторов, из-за реорганизации или ликвидации организации-работодателя; отсутствие (утрата) документов о трудовом стаже; игнорирование организациями и органами власти государств – бывших советских республик запросов информации о предоставлении сведений о продолжительности, характере и условиях работы лиц, проживающих в России, на территориях постсоветского пространства. Установлено, что сотрудники пенсионных органов допускают ошибки в применении (толковании) норм пенсионного законодательства, уклоняются от обязанности по истребованию необходимых для назначения пенсии документов у органов власти и организаций, перекладывая это бремя на самих граждан и вынуждая их отстаивать свои права и законные интересы в судебном порядке. По результатам исследования авторами предложены меры, направленные на оптимизацию процедуры реализации права на досрочную страховую пенсию по старости с учетом современных геополитических условий.

Ключевые слова:

страховой стаж, пенсионное законодательство, пенсионный возраст, пенсионное обеспечение, граждане, работа, трудовая деятельность, пенсионный орган, досрочная страховая пенсия, специальный стаж

Введение.

В современном мире каждое социальное государство стремится обеспечить каждому гражданину достойную жизнь. Для достижения этой цели одних лишь декларативных заявлений в нормативно-правовых актах недостаточно, требуется систематическая и комплексная работа по реализации конституционного принципа социального государства, а также конкретизация его норм действующего законодательства.

В частности, согласно части 2 статьи 7 Конституции Российской Федерации, в российском государстве обеспечивается государственная поддержка пожилых граждан, устанавливаются государственные пенсии. Пенсионное обеспечение граждан, по верному утверждению И. И. Гловой и А. Э. Бережной, отражает не только уровень

социально-экономического развития государства в целом, но и «степень общего благополучия населения» [\[1, с. 43\]](#).

Особую актуальность тема пенсионного обеспечения приобретает в современных геополитических условиях, когда гражданство Российской Федерации приобретают граждане государств – бывших советских республик, которые в силу различных обстоятельств были вынуждены покинуть свое постоянное место жительства и переехать в Российскую Федерацию, а также лица, которые приобретают гражданство Российской Федерации в рамках оптации или посредством прохождения процедуры признания гражданином Российской Федерации. Для тех из них, кто старше трудоспособного возраста, пенсия зачастую становится единственным источником средств к существованию. В то же время для трудоспособных граждан Российской Федерации, которые ранее осуществляли трудовую деятельность на территориях государств, входивших в состав СССР, особую значимость приобретает вопрос реализации права на досрочную страховую пенсию по старости. Тем более, что треть страховых пенсий по старости в Российской Федерации назначается досрочно [\[2, с. 50\]](#).

В последние годы пенсионное законодательство Российской Федерации динамично развивается. Этим обусловлен повышенный интерес ученых к сфере пенсионного обеспечения. Новеллы исследуются на предмет их соответствия конституционному принципу социального государства и принципу поддержания доверия граждан к действиям государства. Так, например, В. А. Черепанов в своем научном труде подверг критике главный результат пенсионной реформы 2018 г. – повышение пенсионного возраста [\[3, с. 55-56\]](#). Другие ученые разбирают вопросы гендерной дифференциации пенсионного возраста [\[4, с. 39-53; 5, с. 87-88; 6, с. 67-68\]](#), системы начисления пенсии [\[7, с. 38-47; 8, с. 115-118\]](#), исчисления страхового стажа и периодов работы [\[9, с. 119-132; 10, с. 133-142\]](#), а также вопросы формирования накопительной пенсии [\[11, с. 31-37; 12, с. 39-43\]](#). Исследуются проблемы назначения пенсии и предлагаются меры по их решению [\[13, с. 51-57\]](#). Особое внимание уделяется проблемам реализации права на досрочную страховую пенсию по старости. Анализ юридической литературы демонстрирует интерес применительно к таким категориям льготополучателей, как медицинские работники [\[14, с. 28-34\]](#), работники угольной промышленности [\[15, с. 11-14\]](#), педагогические работники [\[16, с. 348-355\]](#), лица с семейными обязанностями [\[17, с. 97-112; 18, с. 39-43\]](#). В то же время вопросы досрочного назначения страховой пенсии гражданам Российской Федерации, имеющим стаж, приобретенный на территориях государств – бывших советских республик, остаются малоизученными.

Цель работы – выявить проблемы реализации права на досрочную страховую пенсию по старости гражданами Российской Федерации, трудовая деятельность которых осуществлялась на территориях государств, входящих в состав СССР, а также сформулировать предложения по разрешению проблем в указанной области с учетом современной международно-политической ситуации.

Предмет и методы исследования.

Предмет исследования составляют нормы законодательства Российской Федерации о пенсионном обеспечении, судебная практика, а также труды отечественных ученых-юристов по данному вопросу.

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез,

индукция, дедукция, обобщение), а также специально-юридические (формально-юридический) методы научного познания.

Результаты исследования и их обсуждение.

Право на досрочную страховую пенсию по старости возникает при наличии у лица порогового значения величины индивидуального пенсионного коэффициента и продолжительности трудовой деятельности. В совокупность трудовой деятельности включается страховой и специальный стаж. Если страховой стаж образует периоды, в течение которых начислялись и уплачивались страховые взносы, то специальный – периоды занятости на определенных видах работ (производств, должностей). Списки таковых утверждаются Правительством Российской Федерации с учетом норм Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (статьи 30 и 31). И именно с подтверждением стажа у граждан возникает масса трудностей. По этому поводу А. С. Николаев справедливо отмечает, что непредставление в пенсионный орган документов, подтверждающих наличие специального стажа – частая причина отказа в назначении досрочной страховой пенсии по старости [\[2, с. 51\]](#).

В отдельных случаях право на досрочную страховую пенсию по старости может возникнуть при признании лица инвалидом, а также у женщин при рождении и последующем воспитании детей. В этом случае право на досрочную страховую пенсию по старости выступает еще и гарантией поддержки многодетных семей и одним из инструментов решения демографических проблем, с которыми столкнулась Российская Федерация. Ведь у женщин трудоспособного возраста появляется возможность уделять больше времени материнству и воспитанию детей, поддерживая тренд многодетности. Кроме того, при назначении страховой пенсии по старости досрочно женщины могут заниматься воспитанием своих внуков, пока их дети занимаются построением карьеры. В связи с этим согласиться с мнением Е. Г. Азаровой о том, что досрочная страховая пенсия по старости не является средством поощрения рождаемости, не представляется возможным [\[17, с. 97\]](#).

Важно отметить, что безработные в равной мере могут заявить притязания на досрочную страховую пенсию по старости. Причем регулярные денежные выплаты назначаются на период до наступления пенсионного возраста, однако не ранее чем за два года до наступления этого возраста. Как отмечает Е. Г. Копалкина, такие меры обусловлены дискриминацией предпенсионеров, а также неэффективной политикой содействия занятости в отношении данной категории граждан [\[19, с. 70-71\]](#). Представляется, что имеющийся в настоящее время дефицит кадров на российском рынке труда сможет несколько исправить эту ситуацию.

Добавим, что досрочная страховая пенсия по старости назначается в заявительном порядке. Цифровизация всех сфер общественной жизни привела к тому, что обратиться с соответствующим заявлением сегодня можно не только в территориальный орган Социального фонда Российской Федерации лично, по почте, через многофункциональный центр, но и в электронной форме с использованием информационной системы – Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций). К обращению прилагаются документы, которыми подтверждается продолжительность трудовой деятельности. Рассматривается обращение не позднее десяти рабочих дней со дня его приема со всеми необходимыми документами. Итог рассмотрения подразумевает назначение пенсии либо отказ в ее назначении, который должен быть мотивирован, а текст ответа должен содержать разъяснения о порядке

обжалования принятого решения.

Анализ судебной практики за 2020–2024 гг. по делам, связанным с реализацией прав граждан на пенсионное обеспечение, позволил выделить ряд проблем, с которыми сталкиваются граждане Российской Федерации (трудовая деятельность которых осуществлялась на территориях государств, входящих в состав СССР) при реализации ими права на досрочную страховую пенсию по старости. Некоторые из затруднений, с которыми сталкиваются граждане, обусловлены обострением международных отношений на постсоветском пространстве.

Так, например, гражданин обратился в суд с иском к отделению Пенсионного фонда по субъекту Российской Федерации. В иске содержались требования об обязании ответчика включить в страховой стаж для установления страховой пенсии по старости периоды работы на территории Украинской ССР и Эстонской ССР, периоды ухода за детьми, а также периоды службы в рядах Советской Армии. Из материалов дела следует, что лицо 10 марта 2020 г. обратилось в пенсионный орган с заявлением о назначении страховой пенсии по старости. К заявлению прилагались все необходимые документы (военный билет, трудовые книжки). По подсчетам гражданина страховой стаж составил 12 лет 02 месяца 16 дней. Решением пенсионного органа от 18 июня 2020 г. ему было отказано в назначении страховой пенсии по старости, так как отсутствовал стаж, требуемый для установления регулярной денежной выплаты (2020 г. – 11 лет). На 13 марта 2020 г. страховой стаж гражданина был 8 лет 02 месяца 8 дней. Судом установлено, что доводы о невключении в страховой стаж периода службы в рядах Советской Армии не обоснованы. Указанный период включен в стаж лица, что подтверждается решением пенсионного органа и данными о стаже. Невключение в страховой стаж периодов работы на территории Эстонской ССР объясняется тем, что работодатель не перечислял отчисления с заработной платы в пенсионный орган. Суд отказал и в отнесении в страховой стаж периодов ухода за детьми. Требования лица были удовлетворены судом в части включения в страховой стаж периодов работы на территории Украинской ССР. Как отмечено в решении суда, лицо в подтверждении страхового стажа предоставил ответчику трудовую книжку. Однако пенсионный орган затребовал уточняющие справки за периоды работы на территории Украинской ССР. Пенсионный орган направил работодателям запросы о предоставлении информации, ответы на них не получил. Спустя несколько месяцев, после принятия решения об отказе в назначении пенсии, ответы на обращения поступили. 27 июля 2020 г. лицу назначена пенсия. Суд расценил действия пенсионного органа как неправомерные. Им сформулирована позиция, согласно которой непредоставление компетентными органами Украины ответов на запросы информации о трудовой деятельности лица не свидетельствует о недостоверности сведений, зафиксированных в трудовой книжке, пока не доказано обратное. Суд обязал пенсионный орган выплатить лицу денежные средства с момента его обращения с заявлением о назначении страховой пенсии по старости (Решение Борисоглебского городского суда Воронежской области от 29 сентября 2020 г. по делу № 2-719/2020).

Стоит отметить, что после 2022 г. ситуация с получением сведений только усугубилась. Зарубежные органы власти и организации отдельных государств, расположенных на постсоветском пространстве, стали практически полностью игнорировать запросы об уточнении сведений о трудовой деятельности граждан Российской Федерации на их территории. В то же время без уточнения данных сведений Социальный фонд Российской Федерации отказывается включать в стаж соответствующие периоды работы, вынуждая граждан обращаться в суд.

К примеру, гражданка в возрасте 50 лет обратилась в отделение Социального фонда по субъекту Российской Федерации с заявлением о назначении досрочной страховой пенсии по старости. В обращении она изложила, что является матерью ребенка-инвалида, воспитывала его до достижения 8 лет, имеет страховой стаж не менее 15 лет. Решением пенсионного органа ей отказано в назначении досрочной страховой пенсии в связи с отсутствием страхового стажа не менее 15 лет. По причине непредоставления иных подтверждающих документов, кроме дубликата трудовой книжки, предшествующие выдаче данного документа периоды работы пенсионный орган не зачел. Гражданка обратилась в суд с иском о признании незаконным отказ в назначении досрочной страховой пенсии и об обязании пенсионного органа зачесть спорные периоды работы в стаж. В качестве документов, подтверждающих наличие страхового и специального стажа, она приложила дубликат трудовой книжки, выданный Львовским ремонтно-строительным трестом противопожарных работ (г. Львов, Украина), в который внесены записи о предшествующих (спорных) периодах работы истца. Суд изучил представленные документы, выслушал доводы сторон и третьих лиц после чего принял решение в пользу истца. Важно отметить, что суд отклонил «доводы ответчика о том, что дубликат трудовой книжки нельзя признать допустимым доказательством ввиду того, что предшествующие записи не заверены печатями организаций, где работала истец», так как на первой странице дубликата трудовой книжки и на месте записи о работе истца в тресте имеется печать предприятия-работодателя (Решение Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 05 октября 2023 г. по делу № 2-1366/2023).

Другой пример. Гражданин, достигший 57 лет, обратился в отделение Фонда пенсионного и социального страхования по субъекту Российской Федерации с просьбой о назначении досрочной страховой пенсии по старости. В июне 2022 г. пенсионный орган принял решение об отказе. Из материалов дела следует, что пенсионный орган не засчитал в стаж работы лица следующие периоды: с июля 1984 г. по октябрь 1984 г. работу в должности электросварщика ООО «N»; с октября 1984 г. по ноябрь 1986 г. службу по призыву в рядах Советской Армии; с марта 1989 г. по август 1993 г. и с января 1997 г. по октябрь 1997 г. работу в должности садчика в ООО «N». В июле 2022 г. он вновь обратился в пенсионный орган с аналогичным заявлением. Пенсионный орган вынес решение об отказе в назначении досрочной страховой пенсии по старости, ссылаясь на отсутствие необходимой продолжительности требуемого стажа на определенных видах работ. В решении указано, что у гражданина специальный стаж 04 месяца 23 дня, а требуется 7 лет 06 месяцев. Пенсионный орган в комиссионном порядке в январе 2023 г. изменил ранее изданное решение. Гражданину засчитали в стаж работу в должности электросварщика ООО «N». Период службы по призыву в рядах Советской Армии и работу в должности садчика в ООО «N» как прежде остались за пределами учтенного специального стажа. Относительно последнего пенсионным органом дан комментарий, из которого вытекает, что факт работы лица в производстве глиняного кирпича не подтвержден. Вопрос о том, соответствуют ли условия и характер труда лица по профессии «садчик» применительно к производству глиняного кирпича, черепицы и керамических блоков, дающей в последующем право на досрочное назначение пенсии, не решен. Для ответа на вопрос судом назначена экспертиза. В заключении эксперта Главного управления по труду и занятости субъекта Российской Федерации отражен положительный ответ. Состоятельность результатов исследования у суда не вызывает сомнений, ввиду чего они восприняты и положены в основу судебного решения. Изучив представленные гражданином материалы, суд счел допустимым включение в стаж период службы в рядах Советской Армии. Таким образом, суд удовлетворил большую часть заявленных гражданином требований (Решение

Шадринского районного суда Курганской области от 14 июля 2023 г. по делу № 2-440/2023).

Если в описанных выше случаях споры разрешались судами первой инстанции, а сами решения сторонами не обжаловались, то следующий пример демонстрирует обратное. Главное, на что хочется обратить внимание, как по-разному применяются судами нормы материального права. Так гражданка в возрасте 55 лет обратилась в отделение Социального фонда по субъекту Российской Федерации с заявлением о назначении досрочной страховой пенсии по старости. В тексте судебного акта говорится, что страховой стаж гражданки 26 лет 04 месяца 16 дней, а специальный стаж 5 лет 01 месяц 5 дней. Специальный стаж, по мнению гражданки, образуется сложением трудовой деятельности на Черноморском судостроительном заводе (г. Николаев, Украина) с 01 ноября 1985 г. по 14 апреля 1988 г. в должности маляра судового и с 15 апреля 1988 г. по 05 декабря 1990 г. в должности маляра. Данное подтверждается записями в трудовой книжке. Гражданка считает, что в эти периоды была занята на работах с применением вредных веществ не ниже 3-го класса опасности. Решением пенсионного органа спорные периоды работы не засчитаны в специальный стаж. Ответчик в суде пояснил, что занятость на работах с применением вредных веществ не ниже 3-го класса опасности документально не подтверждена. Суд по результатам оценки и исследований доводов и доказательств, представленных сторонами, удовлетворил требования гражданки. Позиция суда заключалась в том, что современная политическая ситуация не позволяет предпринять действия в целях проверки характера работы истца в спорный период, получить подтверждающие или опровергающие документы. Попытки получить информацию пенсионным органом совершены путем направления запросов о предоставлении сведений в компетентные органы и организации Украины. Вместе с тем нормы действующего законодательства позволяют определить трудовую книжку основным документом, подтверждающим трудовой стаж. Отсюда у истца возникло право на досрочную страховую пенсию по старости в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». К такому выводу пришел суд первой инстанции (Решение Ленинского районного суда города Магнитогорска от 29 июня 2023 г. по делу № 2-936/2023). Суд апелляционной инстанции не согласился с этими выводами. В новой редакции акта подчеркивается неправильное применение норм материального права судом первой инстанции. Записи, внесенные в трудовую книжку истца, не содержат в себе сведений, конкретизирующих характер ее работы. Истцу надлежало предоставить справки от работодателя или архивных органов, уточняющие характер работы истца либо иные документы. Вышестоящий судебный орган отметил, что сложившаяся политическая ситуация не освобождает ее от доказывания спорных обстоятельств (Апелляционное определение Челябинского областного суда от 19 сентября 2023 г. по делу № 2-936/2023). Кассационная инстанция оставила решение без изменения. В определении произведено соотношение понятий «маляр» и «маляр, занятый на работах с применением вредных веществ не ниже 3-го класса опасности». Предполагает досрочное пенсионное обеспечение трудовая деятельность, сопряженная с неблагоприятным воздействием различного рода факторов, а именно по последнему наименованию (Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2023 г. по делу № 88-21330/2023). Гражданка направила кассационную жалобу в Верховный Суд Российской Федерации. В ходе проверки законности решений апелляционной и кассационной инстанции, были обнаружены причины для их отмены и восстановления юридической силы решения суда первой инстанции. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации усмотрела формальный подход к рассмотрению данного дела апелляционным и кассационным судом. Интерпретация норм права

нижестоящими судами в контексте неукоснительной обязанности истца доказать обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения спора, привело к нарушению задач и смысла гражданского судопроизводства и права на справедливую и компетентную судебную защиту. Отказ от учета специфики политической ситуации, отразившейся на положении гражданки, закладывает явный крен в пользу прав и законных интересов пенсионного органа (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2024 г. по делу № 48-КГ24-5-К7).

Обобщая результаты проведенного исследования, можно обозначить ключевые проблемы в реализации права на досрочную страховую пенсию по старости гражданами Российской Федерации, трудовая деятельность которых осуществлялась на территориях государств, входящих в состав СССР: игнорирование организациями и органами власти государств – бывших советских республик запросов информации о предоставлении сведений о продолжительности, характере и условиях работы лиц, проживающих в России, на территориях постсоветского пространства; сложности с подтверждением наличия специального стажа трудовой деятельности, сопряженной с неблагоприятным воздействием различного рода факторов, из-за реорганизации или ликвидации организации-работодателя; отсутствие (утрата) документов о трудовом стаже.

Больше десяти лет назад Н. Н. Олейник и В. К. Летуновский заявляли о том, что правоприменительная практика по вопросам пенсионного обеспечения демонстрирует множество проблем в этой сфере [\[20, с. 131\]](#). И, как видно, этот тезис не теряет своей актуальности и в настоящее время. Граждане массово прибегают к защите своих прав и законных интересов в судебном порядке. По подсчетам авторов настоящей работы, в течение последних пяти лет судебные органы ежегодно выносят более 8,5 тысяч решений по делам о назначении досрочной страховой пенсии по старости гражданам Российской Федерации, трудовая деятельность которых осуществлялась на территориях государств, входящих в состав СССР. Ввиду отсутствия единства подходов при разрешении подобных дел зачастую отстоять правомерные притязания на такого рода регулярные денежные выплаты не удастся. Степень удовлетворения требований граждан находится на низком уровне [\[21, с. 246\]](#). Результаты анализа судебной практики придают этому тезису отнюдь не оценочное значение. К затруднениям в реализации права на досрочное назначение страховой пенсии по старости приводят ошибки в применении (толковании) норм пенсионного законодательства, допускаемые сотрудниками пенсионных органов. Тут важно сказать и о развязывании ими же непреодолимой бюрократической волокиты, а также об уклонении от обязанности по истребованию необходимых документов у органов власти и организаций, перекладывании этого бремени на самих граждан.

Заключение.

Таким образом, несмотря на предпринимаемые усилия по совершенствованию пенсионного законодательства, трудности с подтверждением специального стажа, сопряженного с неблагоприятным воздействием различного рода факторов, и в целом с реализацией права на досрочное назначение страховой пенсии по старости отдельными категориями граждан до сих пор существуют. Для их разрешения предлагается сосредоточить усилия на оптимизации процедур, направленных на улучшение реализации обсуждаемого права.

Во-первых, в случае отсутствия (утраты) документов о трудовом стаже нужно выработать

адекватные механизмы их восстановления. Подразумевается упрощение порядка обращения в архивные органы, пересчета стажа и заработной платы, а также расширение круга исключений, когда гражданам можно использовать свидетельские показания для удостоверения продолжительности, характера и условий работы или уточнения каких-либо неточностей в предоставленных документах. Особенно когда речь идет о стаже, приобретенном в период трудовой деятельности на территориях государств – бывших советских республик, независимо от наличия международных договоров о социальном обеспечении, основанных на принципе территориальности. В условиях международно-политической нестабильности следует предусмотреть возможность дистанционного участия в судебном процессе лиц по таким категориям дел. В том числе в случаях, когда отсутствие (утрата) документов о трудовом стаже связано с экологическими катастрофами, терактами и иными действиями, вызванными обострением международных отношений между государствами постсоветского пространства.

Во-вторых, предусмотреть упрощенное исправление неточностей, допущенных в документах о трудовом стаже во внесудебном и судебном порядке.

В-третьих, инициировать переговоры по подготовке международного договора, регулирующего информационное взаимодействие между государствами – бывшими советскими республиками в области пенсионного обеспечения. При невозможности достичь консенсуса на фоне текущей политической ситуации, признавать трудовую книжку гражданина (в том числе ее дубликат) основным документом, подтверждающим трудовой стаж.

В-четвертых, системно проводить информационные компании, направленные на повышение осведомленности граждан о методиках определения размера пенсии и документах, содержание которых ведет к искомому значению. Это снизит количество обращений граждан и, как следствие, нагрузку на пенсионные и судебные органы.

Библиография

1. Глотова, И. И. Пенсионное обеспечение и его проблемы в Российской Федерации / И. И. Глотова, А. Э. Бережная // Экономика и парадигма нового времени. – 2023. – № 2. – С. 42–46.
2. Николаев, А. С. Проблемы доказывания в спорах о назначении досрочной пенсии по старости / А. С. Николаев // Уральский журнал правовых исследований. – 2023. – № 1. – С. 49–53. – DOI: 10.34076/2658_512X_2023_1_49
3. Черепанов, В. А. О правовой возможности повышения пенсионного возраста: анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации / В. А. Черепанов // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 50–58. – DOI: 10.12737/jrl.2020.054
4. Дорошенко, Е. Н. Конституционные стандарты достойной жизни и свободного развития человека при проведении пенсионной реформы / Е. Н. Дорошенко // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 12 (97). – С. 39–54.
5. Подоплелова, О. Г. Гендерные стереотипы в конституционном праве России: ловушка «особого отношения»? / О. Г. Подоплелова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 3 (124). – С. 73–91. – DOI: 10.21128/1812-7126-2018-3-73-91
6. Воронин, Ю. В. Пенсионный возраст: правовая природа и значение в системе пенсионного обеспечения / Ю. В. Воронин. – М.: НОРМА, 2024. – 84 с.
7. Напсо М. Б. Актуальные проблемы реализации конституционного права граждан Российской Федерации на пенсионное обеспечение в контексте реформирования пенсионной системы России / М. Б. Напсо // Современное право. – 2019. – № 2. – С. 38–49. – DOI: 10.25799/NI.2019.21.75.005

8. Тимонина, И. В. Этапы реформирования пенсионной системы Российской Федерации / И. В. Тимонина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 11 (215). – С. 115–118. – DOI: 10.47643/1815-1337_2022_11_115
9. Федорова, М. Ю. Темпоральные нормы в пенсионном законодательстве Российской Федерации / М. Ю. Федорова // Российский юридический журнал. – 2023. – № 4 (151). – С. 119–132. – DOI: 10.34076/20713797_2023_4_119
10. Истомина, Е. А. Право социального обеспечения: ответы на вызовы времени / Е. А. Истомина // Российский юридический журнал. – 2023. – № 4 (151). – С. 133–142. – DOI: 10.34076/20713797_2023_4_133
11. Козлов, Н. Б. О развитии накопительного компонента пенсионной системы России (часть I) / Н. Б. Козлов // Социальное и пенсионное право. – 2021. – № 3. – С. 31–37. – DOI: 10.18572/2070-2167-2021-3-31-37
12. Козлов, Н. Б. О развитии накопительного компонента пенсионной системы России (часть II) / Н. Б. Козлов // Социальное и пенсионное право. – 2021. – № 4. – С. 39–43. – DOI: 10.18572/2070-2167-2021-4-39-43
13. Прудников, А. С. Состояние и перспективы развития законодательства Российской Федерации в сфере реализации права граждан на пенсионное обеспечение / А. С. Прудников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2022. – № 2. – С. 51–57. – DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-51-57
14. Габай, П. Г. Досрочное пенсионное обеспечение медицинских работников и специальная оценка условий труда / П. Г. Габай, Р. Ю. Карапетян // Социальное и пенсионное право. – 2020. – № 4. – С. 28–34.
15. Новикова, Ю. А. Вопросы дополнительного социального обеспечения работников угольной промышленности / Ю. А. Новикова, Е. В. Милкина, Н. К. Рагимова, Н. В. Иванова, Н. Е. Коваленко // Уголь. – 2022. – № 1 (1150). – С. 11–14. – DOI: 10.18796/0041-5790-2022-1-11-14
16. Козлова, О. Е. Проблемы правового регулирования отношений по предоставлению досрочной страховой пенсии педагогам / О. Е. Козлова // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 21. – С. 348–355.
17. Азарова, Е. Г. Досрочное пенсионное обеспечение застрахованных лиц с семейными обязанностями / Е. Г. Азарова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 97–112. – DOI: 10.12737/jrl.2020.135
18. Самсонова, В. О. Пенсионное обеспечение семей, воспитывающих ребенка-инвалида: российский и зарубежный опыт правового регулирования / В. О. Самсонова // Социальное и пенсионное право. – 2017. – № 3. – С. 39–43.
19. Копалкина Е. Г. Реализация мер государственной поддержки российских предпенсионеров в сфере труда и занятости / Е. Г. Копалкина // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 68–78. – DOI: 10.21685/2307-9525-2024-12-1-8
20. Олейник, Н. Н. Обеспечение пенсионных прав граждан в контексте формирования социального государства / Н. Н. Олейник, В. К. Летуновский // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. – 2012. – № 2. – С. 131–134.
21. Судебная практика и развитие законодательства о труде и социальном обеспечении: научно-практическое пособие / Н. В. Антонова, С. В. Каменская, Т. Ю. Коршунова [и др.]; отв. ред. Т. Ю. Коршунова. – М.: КОНТРАКТ, 2024. – 248 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

беспечение отдельных категорий граждан в условиях международно-политической нестабильности» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации, трудовая деятельность которых осуществлялась на территориях государств, входивших в состав СССР.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных методов (таких как, теоретико-правовой, историко-правовой, статистический, социологический, сравнительного правоведения и др.) позволило автору сформировать собственную аргументированную позицию по заявленной проблематике.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования не вызывает сомнения. Автор правильно отмечает, что «особую актуальность тема пенсионного обеспечения приобретает в современных геополитических условиях, когда гражданство Российской Федерации приобретают граждане государств – бывших советских республик, которые в силу различных обстоятельств были вынуждены покинуть свое постоянное место жительства и переехать в Российскую Федерацию, а также лица, которые приобретают гражданство Российской Федерации в рамках оптации или посредством прохождения процедуры признания гражданином Российской Федерации. Для тех из них, кто старше трудоспособного возраста, пенсия зачастую становится единственным источником средств к существованию. В то же время для трудоспособных граждан Российской Федерации, которые ранее осуществляли трудовую деятельность на территориях государств, входивших в состав СССР, особую значимость приобретает вопрос реализации права на досрочную страховую пенсию по старости». Доктринальные разработки по данной проблематике необходимы для совершенствования пенсионного законодательства и практики его применения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье сформулированы положения, которые можно было бы считать вкладом в юридическую науку: например, «...в случае отсутствия (утраты) документов о трудовом стаже нужно выработать адекватные механизмы их восстановления. Подразумевается упрощение порядка обращения в архивные органы, пересчета стажа и заработной платы, а также расширение круга исключений, когда гражданам можно использовать свидетельские показания для удостоверения продолжительности, характера и условий работы или уточнения каких-либо неточностей в предоставленных документах. Особенно когда речь идет о стаже, приобретенном в период трудовой деятельности на территориях государств – бывших советских республик, независимо от наличия международных договоров о социальном обеспечении, основанных на принципе территориальности. В условиях международно-политической нестабильности следует предусмотреть возможность дистанционного участия в судебном процессе лиц по таким категориям дел. В том числе в случаях, когда отсутствие (утрата) документов о трудовом стаже связано с экологическими катастрофами, терактами и иными действиями, вызванными обострением международных отношений между государствами постсоветского пространства». В статье содержатся и другие положения, отличающиеся научной новизной и имеющие практическую значимость, которые можно расценить как вклад в юриспруденцию.

Стиль, структура, содержание. Тема раскрыта, содержание статьи соответствует ее названию. Вместе с тем, на взгляд рецензента, название статьи должно быть более

кратким и ясным. Соблюдены автором требования по объему материала. Статья структурирована. Материал изложен последовательно и ясно. Автор не только обозначает существующие проблемы в праве и правоприменительной практике, но и предлагает свои решения, которые заслуживают внимания. Теоретические положения проиллюстрированы примерами из практики и статистическими данными. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология, однако не всегда корректно (например, автор использует «в нормативно-правовых актах»). Также хотелось отметить, что существование СССР - это история, поэтому правильно при его упоминании применять прошедшее время (в статье встречается 4 раза - «на территориях государств, входящих в состав СССР»). Замечания незначительные и устранимые, не умаляют проделанной автором работы.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Проблемы реализации права на пенсионное обеспечение отдельных категорий граждан в условиях международно-политической нестабильности» рекомендуется к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Политика и Общество». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области права социального обеспечения, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Камалетдинов Д.А. Репрезентация историко-культурного наследия в академическом музее как фактор сохранения и укрепления межкультурного диалога на региональном уровне (по материалам Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН) // Политика и Общество. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.72795 EDN: ZTBRRRT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72795

Репрезентация историко-культурного наследия в академическом музее как фактор сохранения и укрепления межкультурного диалога на региональном уровне (по материалам Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН)

Камалетдинов Далмир Азгарович

ORCID: 0000-0002-3587-5048

кандидат исторических наук

научный сотрудник; Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

450077, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 6

✉ dalmirkamaletdinov@gmail.com

[Статья из рубрики "ДИАЛОГ КУЛЬТУР"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2024.4.72795

EDN:

ZTBRRRT

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2024

Дата публикации:

27-12-2024

Аннотация: Представление материальной и духовной культуры в музейной экспозиции гуманитарного профиля является эффективным инструментом формирования и сохранения исторической памяти о повседневной жизни населения на разных этапах эволюции человечества. Образы, передаваемые через отдельные экспонаты, позволяют привлечь внимание людей к утраченным традициям прошлого. Предмет исследования –

репрезентация историко-культурного наследия в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН, выступающая одним из важных факторов сохранения и укрепления межкультурного диалога в Республике Башкортостан. В статье представлено краткое описание музейного пространства, а также выделено, что предметы и коллекции, размещенные в экспозиционных залах, подчеркивают общие культурные связи между разными народами (тюркскими, восточнославянскими и финно-угорскими) полиэтнического региона. При подготовке работы использовались общенаучные (анализ, синтез, абстрагирование, сравнение, обобщение) и специально-исторические методы (историко-сравнительный, принцип историзма, системный подход). Проведенное исследование показало, что музейная репрезентация собранных и систематизированных научных фондов (археологических и этнографических коллекций) выступает ресурсом для формирования мировоззренческих установок жителей республики. Межкультурный диалог достигается благодаря преодолению стереотипов, расширению представлений о ранних этапах истории Южного Урала и Приуралья, обмену объективными знаниями о коренных жителях и переселенцах региона. Народные традиции и обычаи, нашедшие отражение в этнической культуре, не только подчеркивают специфику культурного ландшафта территориального пространства, но и проявляются как факторы установления межнационального взаимопонимания в региональном социуме. Перспективы дальнейшей научной разработки заявленной темы могут быть связаны с изучением места и роли академического музея: в межкультурной коммуникации с применением цифровых технологий; в развитии идентичности населения; в формировании исторического сознания жителей республики и Урало-Поволжского региона.

Ключевые слова:

Репрезентация, историко-культурное наследие, культура, академический музей, экспозиция, Республика Башкортостан, население, этнос, межкультурный диалог, межнациональное согласие

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 122031400062-7 на тему «Историко-культурное наследие Южного Урала и Приуралья: изучение, сохранение и музеефикация» (2022–2024 гг.)

Введение

Современное музейное пространство выступает в качестве инструмента формирования исторической памяти и выстраивания нарративов прошлого. Экспозиция музея отражает уникальное духовное и интеллектуальное достояние человечества, воплощенное в объектах материальной культуры (музейных предметах и коллекциях). Музей как важный культурный институт дает широкое представление о закономерностях антропогенеза и устойчивого развития природы, достижениях социального прогресса, модернизации художественного сознания людей. В эпоху социальной трансформации также подвержена изменениям ментальность, она является «элементом формирования культурной идентичности, детерминированный событиями, укорененными в культурной памяти общества и определенной особенностью российской ментальности» [\[13, с. 29\]](#). Визуальные образы, запечатленные в музейных экспонатах, не только подчеркивают преемственность поколений, но и акцентируют внимание на малоизвестных героических страницах отечественной истории.

Академические музеи гуманитарного профиля (история, археология, этнография),

сосредоточенные в системе Российской академии наук, имеют важное значение для государства и общества. Во-первых, музейные фонды выступают источниковой базой для проведения комплексных научных исследований и формирования новых исследовательских направлений. Во-вторых, вносят вклад в образовательный процесс, предоставляя обучающимся возможность знакомства с материальными свидетельствами истории и культурных явлений. В-третьих, способствуют популяризации знаний и, соответственно, повышению интереса граждан к науке и культуре. В-четвертых, содействуют реализации государственной культурной политики. В-пятых, выступают площадкой для проведения мероприятий по выработке решений на отдельные гуманитарные проблемы в контексте современности.

В данном контексте стоит отметить потенциал академического музея исторического профиля в развитии диалога между разными культурами и сохранении межнационального согласия в полиэтничной среде. Он служит своего рода мостом, объединяющим разные этносы, локальные сообщества, поколенческие группы и т.д. Каждый музей также принимает активное участие в репрезентациях культурной памяти [24, с. 22]. Экспозиция, выстроенная с учетом накопленного опыта и достижений современной науки и технологий, позволяет выработать механизмы для укрепления межэтнического сотрудничества, мира и единства на территории многонационального региона.

Научные изыскания ученых обращены к разноплановым дискуссионным вопросам, затрагивающим проблемные аспекты заявленной темы, таким как: место и роль музея в межкультурной коммуникации [1], [11], [15], [21], [27]; в реализации национальной и культурной политики, [8], [23], [28]; в формировании идентичности [2], [3], [4], [5], [6], [12], [25]. В ряде работ проведен анализ функционирования академического музея с описанием основных направлений его деятельности (научно-фондовой (комплектование, учет и хранение), экспозиционно-выставочной, научно-образовательной и культурно-просветительской) [9], [10], [16], [17], [18].

Объектом исследования в настоящей работе является деятельность современного академического музея. В качестве предмета исследования выбрана репрезентация историко-культурного наследия в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН, выступающая одним из важных факторов сохранения и укрепления межкультурного диалога в Республики Башкортостан. Цель исследования состоит в выявлении и анализе взаимосвязей между репрезентацией музейных экспонатов и установлением диалога в условиях многонациональной среды, когда в территориальном пространстве региона компактно проживают представители разных этнических групп, вероисповеданий и носители разных языков.

Репрезентация материального и духовного наследия народов Башкортостана в академическом музее

Историко-культурные ценности народов, проживающих на территории одного из самых многонациональных субъектов Российской Федерации – Республики Башкортостан, представляют собой сложное переплетение артефактов разных исторических эпох, этнического разнообразия и гармоничного сочетания уникальных традиций. Культурный ландшафт региона отражает специфику его этнографического достояния (например, материальных объектов, результатов творческой и интеллектуальной деятельности). Сохранение и популяризация данного наследия в современном музейном пространстве способствуют реализации ключевых положений Указа Президента РФ от 24.12.2014 г. №

808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики», согласно которому «государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России» [\[26\]](#).

Необходимо отметить, что в Институте этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа) хранятся собрания археологических и этнографических фондов. На площадке научного учреждения функционирует Музей археологии и этнографии (учрежден в 1976 г. по инициативе д-ра ист. наук, члена-корреспондента РАН Р.Г. Кузеева), постоянная экспозиция которого включает четыре зала («Археология Южного Урала», «Мир башкирской культуры», «Народы Башкортостана» и «Золото Сарматов»). В музейном пространстве представлены экспонаты по истории и культуре Южного Урала, включая отдельные предметы и коллекции восточнославянских, тюркских, финно-угорских и других народов, расселившихся по территории Волго-Уральской историко-этнографической области. Они являются иллюстративным материалом как для музейного повествования, так и объективной интерпретации (передачи научных знаний) [\[9, с. 166\]](#). Межэтническое взаимодействие привело к формированию общерегионального пласта культуры с сохранением национальной самобытности каждого народа.

В зале «Археология Южного Урала» экспонируются наиболее яркие предметы, отражающие основные хронологические этапы развития человечества (от древнейших культурно-исторических периодов до эпохи позднего Средневековья). Экспозиция «Золото сарматов» представляет результаты исследований Филипповских курганов (IV в. до н.э.) – погребальных сооружений древних кочевников Евразии, археологическая экспедиция проводилась ИИЯЛ БФАН СССР с 1986 по 1990 гг. под руководством канд. ист. наук А.Х. Пшеничника. Составной частью данных коллекций являются: деревянные фигуры оленей (одноплоскостные и двухплоскостные), окованные золотыми и серебряными листами; деревянная ритуальная посуда, украшенная золотыми пластинами (оковки закраин, стенок и ручек сосудов); золотая и серебряная посуда, изготовленная в Иране эпохи Ахеменидов (например, амфора с двойными стенками и зооморфными ручками, чаша из золота, два серебряных ритона); комплекс вооружения сарматского воина [\[16, с. 103-104\]](#).

Музейная экспозиция «Мир башкирской культуры» демонстрирует важные аспекты культурного наследия башкир – коренного населения Республики Башкортостан, относящего к тюркским народам. Здесь происходит знакомство с традиционными занятиями и промыслами, жилищем и бытом, декоративно-прикладным искусством, музыкальными инструментами, а также комплексами башкирских нагрудных украшений, которые получили распространение на территории Южного Урала и Зауралья в XIX–XX вв. В зале «Народы Башкортостана» показаны этнографические коллекции тюркских (татар и чувашей), финно-угорских (марийцы, мордва и удмурты) и восточнославянских народов (русские, украинцы и белорусы). Данные экспонаты отражают важные составляющие культуры этнических групп, включая праздничную и повседневную одежду, домашнюю утварь, текстиль и украшения, предметы религиозного культа и др.

Музей как пространство межкультурного диалога в условиях многонационального общества

Экспозиционное пространство академического музея обладает качественной

эмпирической и методологической базой для исследования различных историко-культурных процессов. Демонстрация отдельных экспонатов, бытовавших в историческом прошлом, становится важным источником для получения объективных представлений о повседневной жизни населения региона в разрезе разных хронологических периодов. В свою очередь наличие собранных и систематизированных коллекций позволяет установить связующие нити между культурой коренного населения и народов, переселившихся в регион. Анализ экспертных оценок, изложенный в работе О.В. Поповой и Н.В. Гришина, показывает, что институты развития и воспроизводства культуры входят в число основных инструментов формирования общей идентичности на уровне любого общества [\[20, с. 331\]](#). Научно обоснованная репрезентация материальных и духовных ценностей способствует формированию уважения к культурному многообразию, развитию гражданского согласия и пониманию различий между народами.

Музейная экспозиция академического института ориентирована на показ общих исторических корней и взаимовлияния культур Южного Урала и Приуралья, что способствует: во-первых, пониманию механизмов культурного взаимодействия людей в настоящем сквозь призму прошедших эпох; во-вторых, развитию уважения к предшествующим поколениям; в-третьих, укреплению общегражданской и региональной идентичности населения; в-четвертых, снижению риска межэтнической напряженности; в-пятых, установлению коммуникации между представителями разных этнических групп. Данный подход подчеркивает единство региона и общую историю, которая связывает разные народы. С точки зрения В.В. Локосова, «российское общество сохранило человеческий потенциал, необходимый для конкурентоспособности в новых социальных условиях» [\[14, с. 515\]](#). В качестве основания данного вывода автор приводит разные доводы, но в первую очередь обращает внимание на «исторически сложившуюся социальную, этническую, конфессиональную консолидацию граждан России, их духовную и социокультурную общность» [\[14, с. 515\]](#).

Музейные предметы и коллекции подчеркивают общие исторические и культурные связи между народами и регионами Евразийского континента. По мнению А.Л. Сафонова, «национальная культура создается на базе культуры одного или нескольких этносов, вокруг которых возникло государство, но в то же время она активно интегрирует достижения культур других этносов, включенных в общее политическое пространство» [\[22, с. 69\]](#). Следовательно, мы полагаем, что материальное и духовное наследие Урало-Поволжья как историко-этнографической области выступает важнейшей составляющей российского культурного кода. Экспозиция помогает посетителям расширить горизонты своего понимания, позволяя им увидеть связь между локальным, национальным и глобальным наследием. Образы минувшего прошлого выступают важным ресурсом для формирования мировоззренческих установок жителей республики. Они определяют принадлежность человека к определенной культуре, локальному сообществу, региону или стране, передают из поколения в поколение моральные, этические и духовные принципы, которые оказывают влияние на поведение современных людей. Вместе с тем, нельзя не согласиться с утверждением, что культура является уникальным феноменом человечества и «ее роль не только не падает, но все более возрастает, и каждому веку она предъявляет новые требования, внедряет особые правила, соответствующие условиям современности» [\[7, с. 24\]](#).

Академический музей имеет важное значение для многонационального региона. На его площадке посетители не только осматривают экспонаты, помещенные в специальные

витрины открытого хранения, но и знакомятся с новейшими научными достижениями в области археологии, этнографии, религиоведения, этнической истории и т.д. Так, в процессе ведения экскурсии затрагиваются актуальные проблемы этнологии и социокультурной антропологии (например, этногенеза народов Урало-Поволжья). Данная деятельность способствует объяснению сложных теоретических подходов широкому кругу лиц (жителям региона, представителям разных этносов и конфессий, туристам и др.) в научно-популярном ключе. Экспозиция, раскрывающая элементы культурного взаимодействия населения в прошлом, подчеркивает плодотворное взаимодействие и взаимообогащение этнических культур. Основополагающая цель культуры – поиск системы ценностей [\[19, с. 41\]](#), которые составляют основу функционирования государства.

Музейные предметы и коллекции также отражают образы повседневной жизни доиндустриального общества. Научные фонды имеют большой потенциал как понимания современного уклада общественной жизни, так и для возрождения утраченных художественно-бытовых традиций, праздничных обрядов, устоявшихся правил поведения в прошлом.

Таким образом, музей как социокультурный институт выступает важной площадкой для установления позитивной межкультурной коммуникации в условиях многонациональной республики. Проведение научных и просветительских мероприятий (обзорных экскурсий, выставок, семинаров, мастер-классов и т.д.) с акцентом на историю происхождения и бытования экспонатов активизирует социокультурные изменения в жизни региона (презентация культурного потенциала, развитие научно-популярного туризма, формирование кросс-культурной компетентности населения и др.).

Выводы

Башкортостан как многонациональный регион является уникальным примером гармоничного сочетания историко-культурного многообразия. В первую очередь это связано с многолетним опытом взаимодействия и мирного сосуществования представителей разных этнических групп, конфессий и языковых семей. Этническая культура, запечатленная в материальном и духовном наследии, выступает важным фактором для установления межнационального взаимопонимания в современном обществе.

Культурные ценности представляют неотъемлемый атрибут самобытности территориального пространства региона. Человеческая деятельность показывает эволюцию культурных практик с древности до наших дней. Традиции и устои этнических групп не только подчеркивают специфику культурного ландшафта республики, но и выступают важной составляющей реализации государственной национальной политики на уровне субъекта Российской Федерации.

Экспозиция Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН демонстрирует культурное наследие разных народов, проживающих в одном регионе, подчеркивает их общие исторические корни, взаимосвязи и точки соприкосновения. Посетители не только расширяют собственный кругозор, но и формируют более объективное представление о многообразии российского культурного мира. Межкультурный диалог достигается благодаря преодолению стереотипов, расширению представлений о ранних этапах истории Южного Урала и Приуралья, обмену научно обоснованными (верифицируемыми) знаниями о коренных жителях и переселенцах.

Таким образом, репрезентация историко-культурных ценностей многонационального

региона в музейной экспозиции выступает важным фактором в укреплении межкультурного согласия. Знакомство с экспонатами, выстроенными по коллекционно-тематическому принципу, позволяет рассмотреть общие сюжеты в формировании культурного пространства восточнославянских, тюркских и финно-угорских народов, проживающих в Республике Башкортостан. Культурные связи между поколениями разных этнических групп способствуют укреплению гражданского согласия в современном региональном социуме.

В данной работе показана степень влияния репрезентации археологических и этнографических коллекций в музейной экспозиции на сохранение и укрепление межкультурного диалога на уровне отдельно взятого региона. Перспективы дальнейшей научной разработки заданной темы могут быть связаны с изучением места и роли академического музея: в межкультурной коммуникации с применением цифровых технологий; в развитии многоуровневой идентичности населения (гражданской, этнической, конфессиональной, региональной и др.); в формировании исторического сознания жителей республики и Урало-Поволжского региона.

Библиография

1. Алтухова С. А. Современный музей как пространство мультикультурной коммуникации: обзор кейсов России и Великобритании // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2 № 3. С. 103–111. DOI: 10.33693/2658-4654/-2020-2-3-103-111
2. Болдырева Е. В. Традиции советских художественных музеев: роль в формировании национальной идентичности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 61. С. 58–65. DOI: 10.31773/2078-1768-2022-61-58-66
3. Вожева Л. Б., Вожев И. В. Региональная идентичность в музейном пространстве: связь поколений // Культурологические чтения – 2018. Межкультурный плюрализм в поликультурном и полиязычном мире: сборник материалов международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 14-15 марта 2018 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2018. С. 88–91.
4. Геворгян Л. П. Роль культурно-образовательной деятельности этнографических музеев в формировании национальной идентичности // Артикульт. 2014. № 4 (16). С. 65–74.
5. Гринько И. А. «Музейные границы» и формирование новых идентичностей // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 149–153.
6. Дамдинов А. В., Дугарова Т. Ц. Воспитательный потенциал школьных музеев как фактор формирования гражданской идентичности учащихся // Преподавание истории в школе. 2021. № 9. С. 52–55. DOI: 10.51653/0132-0696_2021_9_52
7. Деметрадзе М. Р., Шорохова С. П. Проблемы и перспективы национально-культурной политики государств постсоветского пространства // Вестник Института мировых цивилизаций. 2022. Т. 13. № 4 (37). С. 19–25.
8. Дербенев Ю. С. Предложения Музея дружбы народов по реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 9 (99). С. 25–27.
9. Камалетдинов Д. А. Объекты культурного наследия Республики Башкортостан и опыт их репрезентации в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН // Исторический бюллетень. 2022. Т. 5. № 5. С. 163–167.
10. Камалетдинов Д. А. Научно-фондовая работа в академическом музее как фактор сохранения историко-культурного наследия Республики Башкортостан (на примере Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН) // Дневник науки. 2023. № 12 (84). DOI: 10.51691/2541-8327_2023_12_40. URL: <http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2023/12/history/Kamaletdinov.pdf>

11. Киценко О. С., Комиссарова Е. В. Музей как пространство межкультурной коммуникации (на примере Музея истории Волгоградского государственного медицинского университета) // Музей. Памятник. Наследие. 2017. № 2. С. 49–58.
12. Круглова Д. Е. Музеи Кузбасса как ресурс формирования региональной идентичности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 57. С. 66–72. DOI: 10.31773/2078-1768-2021-57-66-72
13. Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве: монография / А. А. Лисенкова. Пермь: ПГИК, 2021. 286 с.
14. Локосов В. В. Социология радикальных изменений: трансформация российского общества в 1987–2020 годах: монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 552 с.
15. Мастеница Е. Н. Межпоколенная коммуникация в музее как фактор сохранения и трансляции культурного наследия // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2020. № 2 (24). С. 35-40. DOI: 10.32340/2414-9101-2020-2-35-40
16. Музей археологии и этнографии: каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН / отв. ред. А. Б. Юнусова. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2007. 220 с.
17. Мухаметзянова-Дуггал Р. М., Камалетдинов Д. А. Музей археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН: создание и развитие // Известия Уфимского научного центра РАН. 2021. № 3. С. 103–112. DOI: 10.31040/2222-8349-2021-0-3-103-112
18. Петров И. Г. Музей археологии и этнографии Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (исторический очерк) // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 136–150.
19. Попов Е.А. Цивилизация и культура: «центрация» ценностей // Социодинамика. 2023. № 1. С.41-51. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.1.39568 EDN: FEXJAP URL: https://e-notabene.ru/pr/article_39568.html
20. Попова О. В., Гришин Н. В. Инструменты государственной политики идентичности в современном мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 325–340. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-325-340
21. Рындин А. В., Садовой А. Н., Белозёрова М. В., Карпун Н. Н. Объекты историко-культурного и природного наследия города Сочи в системе межнациональных коммуникаций: Сад-музей «Дерево Дружбы» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 49. С. 106–118. DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-106-118
22. Сафонов А. Л. Дуализм культуры (философский анализ причин сосуществования этнической и национальной культуры в обществе) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 3. С. 65–72. DOI: 10.18384/2310-7227-2019-3-65-72
23. Скрипкина Л. И. Роль музеев в формировании региональной социокультурной политики // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2017. № 4 (14). С. 49–55.
24. Смирнов А. В. Современный музей: коммуникация или коммеморация // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 3 (24). С. 17–24.
25. Соболева Е. С., Эпштейн М. З. Роль российских музеев в формировании национальной идентичности // Studia Culturae. 2004. № 7. С. 246–249.
26. Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 (ред. от 25.01.2023) «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 5. 30.01.2023. Ст. 777.
27. Усиченко Е. Р. Пушкинская библиотека-музей как центр межкультурной коммуникации // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2020. № 2 (16). С. 168–171.

28. Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»: монография / Под науч. ред. Т. П. Полякова. М.: Институт Наследия, 2021. 438 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступает Репрезентация историко-культурного наследия и организация музейного пространства, которые рассматриваются как фактор сохранения и укрепления межкультурного диалога на региональном уровне. Методология исследования базируется на изучении материалов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН.

Актуальность работы авторы связывают с тем, музейные фонды выступают базой для проведения комплексных научных исследований, вносят вклад в образовательный процесс, способствуют популяризации знаний и повышению интереса граждан к науке и культуре, содействуют реализации государственной культурной политики и выступают площадкой для проведения мероприятий по выработке решений современных гуманитарных проблем.

Научная новизна рецензируемого исследования, по мнению рецензента, состоит в выявлении взаимосвязей между репрезентацией музейных экспонатов и установлением диалога в условиях многонациональной среды, в выводах о том, что репрезентация историко-культурных ценностей многонационального региона в музейной экспозиции выступает важным фактором в укреплении межкультурного согласия, а также в определении перспектив дальнейшего изучения места и роли академического музея.

В статье структурно выделены следующие разделы: Введение, Репрезентация материального и духовного наследия народов Башкортостана в академическом музее, Музей как пространство межкультурного диалога в условиях многонационального общества, Выводы и Библиография.

В статье освещены проблемные аспекты заявленной темы: место и роль музея в межкультурной коммуникации, в реализации национальной и культурной политики, в формировании идентичности. Основное внимание в публикации уделено изучению деятельности Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН в Республике Башкортостан.

Авторы справедливо полагают, что музейные предметы и коллекции отражают образы повседневной жизни доиндустриального общества, а научные фонды имеют большой потенциал как для понимания современного уклада общественной жизни, так и для возрождения утраченных художественно-бытовых традиций, праздничных обрядов, устоявшихся правил поведения в прошлом. Знакомство с экспонатами, выстроенными по коллекционно-тематическому принципу, позволяет рассмотреть общие сюжеты в формировании культурного пространства восточнославянских, тюркских и финно-угорских народов, проживающих в Республике Башкортостан, а культурные связи между поколениями разных этнических групп способствуют укреплению гражданского согласия в современном региональном социуме.

Библиографический список включает 28 источников – публикации отечественных зарубежных авторов по теме статьи, на которые в тексте имеются адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Авторам предлагается подумать о возможности использования иллюстраций, которые способствовали бы привлечению внимания к историко-культурному наследию.

Статья отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует направлению журнала «Политика и Общество», содержит элементы научной новизны и практической значимости, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию.

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Николаев И.В. Темпоральность официального дискурса российской государственной власти (2012–2022): грамматическое vs семантическое измерение // Политика и Общество. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.71843 EDN: XDWVBA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71843

Темпоральность официального дискурса российской государственной власти (2012–2022): грамматическое vs семантическое измерение

Николаев Илья Викторович

старший преподаватель; кафедра зарубежной истории и международных отношений; Южный федеральный университет

344082, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Пушкинская, 140, оф. 213

✉ nikolaev_polit@mail.ru

[Статья из рубрики "ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2024.4.71843

EDN:

XDWVBA

Дата направления статьи в редакцию:

29-09-2024

Дата публикации:

30-12-2024

Аннотация: В статье рассматривается феномен темпоральности политического дискурса, под которой понимается специфическая конфигурация грамматических и семантических маркеров обращения к прошлому, настоящему и будущему времени. Формирование временной модальности дискурса признается политически мотивированным действием, отражающим уникальную для конкретно-исторических условий идеологическую конструкцию политической элиты. Объектом исследования является официальный политический дискурс российской власти в период 2012–2022 гг. Предметом исследования выступают закономерности использования временных маркеров в официальном дискурсе государственной власти. Эмпирической базой исследования являются послания президента РФ Федеральному Собранию, а также торжественные

выступления, приуроченные к празднованию Дня Победы, Дня народного единства и Нового года. Особое внимание в статье уделено связи темпоральных характеристик дискурса с исторической политикой государственной власти. Методология исследования базируется на междисциплинарном синтезе лингвистических и семиотических подходов. Измерение темпоральности в дискурсе власти производится на трех уровнях: грамматическом (соотношение временных форм глаголов), лексическом (слова-символы, отсылающие к прошлому и будущему), семантическом (смысловое наполнение образов прошлого и будущего). На каждом уровне применяются вариации количественного и качественного контент-анализа. К основным выводам исследования следует отнести следующие положения. Во-первых, официальный дискурс российской власти в период 2012–2022 гг. носит вневременной характер и зациклен на воспроизведении настоящего. Во-вторых, ключевым инструментом этого воспроизводства следует считать растяжение временного континуума настоящего от недавнего прошлого как измеряемого фактического результата деятельности правительства до ближайшего будущего, известного по уже сформированным планам работы и бюджетирования. В-третьих, несмотря на доминирование на грамматическом уровне отсылок к будущему, семантически более значимым и структурированным является прошлое. В-четвертых, основным референтным историческим периодом для дискурса власти является послевоенное советское время, что соответствует актуальному общественному запросу. Новизна исследования заключается в применении подхода к феномену темпоральности, позволяющему учесть не только проявления исторической политики, но и выявить ее соответствие временной ориентации на грамматическом и лексическом уровне. Исследование дифференцирует естественную ориентацию во времени от мифологизированной проработки прошлого, помещая ее в непрерывный континуум осмысления развития общества российской властью.

Ключевые слова:

темпоральность, официальный дискурс, президент, слово-символ, временная форма глагола, слово-маркер, историческая политика, символическая политика, прошлое, будущее

ВВЕДЕНИЕ

Историческое прошлое выступает элементом конструирования политической идеологии. Акцентуация отдельных событий великого и травматического характера, героизация деятелей прошлого или, наоборот, демонстративное отрицание таковых – не перестают быть актуальными инструментами политической борьбы. Российский случай не является исключением. По мнению К. В. Киселева, по сравнению с мировой практикой, в которой категории темпоральности находятся в относительном балансе, в российском политическом процессе наблюдается перевес дискурса прошлого [\[1, с. 175\]](#). Учитывая противоречивое по своей сути содержание исторических событий предыдущего столетия, вопрос позиционирования политических сил в системе «временных координат» оказывается принципиальным для поиска собственного электората. Среди прочих политических субъектов в процессе конструирования представлений о прошлом особую роль играет государство и органы государственной власти. Официальный политический дискурс становится источником «легитимного языка» [\[2\]](#) об истории. Государственная позиция не может избежать идеологического маркирования, и тем более необходимости включаться в дискуссию об историческом прошлом. Государственный нарратив прошлого

— это легитимирующий миф, включающий в себя космологию политической элиты, обоснования внутри- и внешнеполитических притязаний и форм активности. История становится коммуникативным кодом для самопрезентации государства в современности. «Прошлое состоит из сообщества определенных актов, и они, через воплощение в настоящем акте, устанавливают условия, которым акт должен соответствовать» [\[3, с. 28\]](#).

Политический дискурс, являясь продолжением политики как особого типа общественных отношений, является идеологизированным, пронизанным смыслами и интенциями. Ориентационная и мобилизационная функции политики предполагают наличие в языке политической коммуникации сфокусированного конструирования образа не только прошлого, но и будущего. Эта темпоральная характеристика более аморфная: говоря о прошлом политик обращается к фактам и переосмысливает их; обращаясь к будущему, он ставит себя под удар невыполненных обещаний. Мы предположили, что конфигурация отсылок к прошлому и будущему, а также их семантическое наполнение являются политически мотивированными и встраиваются не столько в так называемую «историческую политику», а в более широкую «темпоральную политику». В соответствии с гипотезой нашей целью стало выявление темпоральных характеристик официального политического дискурса российской власти в 2012–2022 гг.

Методология. В основу исследования легло убеждение о потребности современной науки в междисциплинарном синтезе подходов к анализу феномена темпоральности в различных сферах общественного бытия. Лингвистическая и семиотическая практика исследований времени в языке получила свое развитие в ряде направлений, в соответствии с типологией Д. А. Синкевич [\[4, с. 148\]](#): грамматическом, акцентирующем внимание на фиксации в глагольных формах абсолютного и относительного времени; синсемантическом, рассматривающем взаимодействие временных синтаксиса и темпоральных лексем; функционально-грамматическом, коммуникативном и когнитивном. Последний подход представляет для исследователя политического дискурса больший интерес. Он предполагает, что язык одновременно является и транслятором языковой временной картины, и ее конструктором. В языке при этом, по мнению Е. В. Петрухиной, могут одновременно бытовать несколько когнитивных моделей времени, «определяемых как культурно-познавательным опытом этноса, так и свойствами самого языка, функционирующего в речи» [\[5\]](#). Последнее утверждение дает основание предполагать наличие как конкурентных отношений между разными моделями, так и феномен доминирования одной модели над другими.

В исторических и социально-политических науках исследования феномена времени органично вплетены в направление *memory studies*, имеющее своей целью выявить специфику форм и закономерности бытования представлений о прошлом. Т. ван Дейк выделяет специфическую когнитивную структуру «мемор», отвечающую за хранение, интерпретацию и использование сведений о прошлом [\[6, с. 197-199\]](#). Долговременная память, реализующаяся в ментальных структурах и событийных моделях, предопределяет характеристики кратковременной памяти, задавая ее границы и специфику использования. Семантическая (социальная) долговременная память «формируется на основе общепринятых социокультурных убеждений и мнений, а также элементов социального знания, истинность которых не подвергается сомнению» [\[7, с. 198\]](#), что предопределяет стереотипность представлений и операций с прошлым. В свою очередь Я. Ассман утверждает, что «синтез времени и идентичности происходит посредством памяти» [\[8, с. 109\]](#), при этом любая актуализация прошлого становится новым «актом семиотизации и символизации» [\[9, с. 87\]](#), требующим переосмысления сведений,

хранящихся в социальной памяти. А. Ассман продолжает эту теоретическую традицию и примеряет ее к социально-политической сфере, вводя понятие «временного режима культуры» [\[10\]](#), определяющего помимо прочего, какой временной период в социальной памяти общества и политической элиты является доминирующим в процессах конструирования идейного содержания общественных отношений. Таким образом, несмотря на то, что когнитивные структуры связаны с объективным «линейным временем, расчлененным "точкою присутствия" на прошлое, будущее и соединяющее их в единый поток настоящее» [\[11, с. 52\]](#), в социально-политических процессах присутствует и оказывает воздействие избирательное и сконструированное представление как о течении времени, так и о его ипостасях – прошлом, настоящем и будущем.

Синтезируя междисциплинарный подход к феномену темпоральности в дискурсе официальной власти, отметим преимущества когнитивного подхода, дающего возможность предполагать наличие относительно устойчивых паттернов представлений и восприятия прошлого и будущего, реализующихся как в грамматических формах (специфических формах глагола, синтаксемах), так и в особой темпоральной лексике, требующей не столько формального лингвистического анализа, сколько семантического и символического. Темпоральная лексика становится маркерами и отсылками к тому историческому периоду, из которого, в соответствии с А. Ассман, проецируется настоящее. Выступая, вербальными политическими символами, лексика, отсылающая к разным временным отрезкам, вовлекается в построение специфической исторической политики. Последнюю, вслед за А. И. Миллером, мы понимаем как целенаправленную или частично целенаправленную деятельность государства, ориентированную на конструирование представлений больших социальных групп или общества в целом об исторических событиях, фактах и персонах в интересах правящей элиты [\[12, с. 19\]](#). Историческая политика в этом смысле является элементом «символической политики сверху» [\[13, с. 68\]](#), подразумевающей активную деятельность политических субъектов по позиционированию себя в публичном коммуникативном пространстве и трансляции «временно-официальных идеологий» [\[14, с. 154\]](#). Однако «политизированная история не сводима однозначно (только и именно) к сознательной фальсификации» [\[15, с. 44\]](#) ввиду зависимости содержания транслируемого сообщения не только от волевых интенций коммуниканта, но и от закрепленных в его сознании когнитивно-языковых структур понимания объектов действительности [\[16, с. 45\]](#), в том числе имеющих отношение к категории темпоральности, т.е. связи с объективным и субъективным временем и историей.

Метод. Опираясь на изложенные теоретические предпосылки, в нашем исследовании мы предпринимаем попытку охарактеризовать темпоральность официального политического дискурса российской власти, интегрируя три уровня анализа:

- грамматический уровень (количественный анализ временных форм глаголов в основных источниках официального политического дискурса);
- лексический уровень (количественный анализ слов-символов, маркирующих обращения к прошлому и будущему);
- семантический уровень (анализ текстов на предмет концептуального отражения прошлого и проецирования будущего).

Контент-анализ глагольных форм и ключевых вербальных символов темпоральности позволят ответить на вопрос о доминировании перспективной или ретроспективной

темпоральности в текстах официального политического дискурса. В рамках третьего уровня исследования предпринимается попытка выявления концептуальной модели прошлого и будущего, конструируемая в официальном политическом дискурсе российской власти в 2012–2022 гг.

Эмпирическая база. Для достижения заявленных целей была сформирована выборка текстов официального политического дискурса, включающая в себя тексты ключевого субъекта — транслятора официального дискурса, в лице Президента РФ за период с мая 2012 г. по февраль 2022 г. Нижняя хронологическая граница — инаугурация В. В. Путина в должности президента РФ 7 мая 2012 г. Верхняя хронологическая граница обусловлена началом российской специальной военной операции на Украине. После этого события, по нашему убеждению, историческая и шире символическая политика кардинально изменяется, что требует отдельного исследования. В эмпирическую базу попали официальные публичные выступления, адресованные власти и обществу (послания президента Федеральному Собранию РФ); а также официальные выступления, адресованные исключительно обществу (новогодние выступления, поздравления с Днем Победы и Днем народного единства).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Грамматический уровень темпоральности официального дискурса власти

Для характеристики грамматического уровня темпоральности дискурса власти был осуществлен количественный анализ временных форм глаголов. Подсчет слов, выступающих сказуемыми в текстах посланий президента Федеральному Собранию, показал, что при наличии общей тенденции соотношения временных форм, присутствуют особенности в логике распределения данных. Так, в частности, можно отметить присущее официальному политическому дискурсу доминирование глаголов настоящего времени, которое наблюдается в течение всего анализируемого периода, кроме 2021 г. Доля глаголов в этом времени колеблется в диапазоне от 40 до 60 % от общего количества этой части речи. Полагаем, что этот показатель является нормативным для анализируемого жанра текстов. Выход за рамки выявленного диапазона требуют разъяснения. Так, последнее в рамках хронологического периода послание президента, позвучавшее 21 апреля 2021 г. содержит отчетные характеристики, акцентирующие внимание на действиях, совершенных в период пандемии 2020 г. и связанных с ней событий в экономике и внешней политике. Не удивительно, что в сложный для авторитета власти период, спичрайтеры предпочли упомянуть конкурентные преимущества действующей политической элиты.

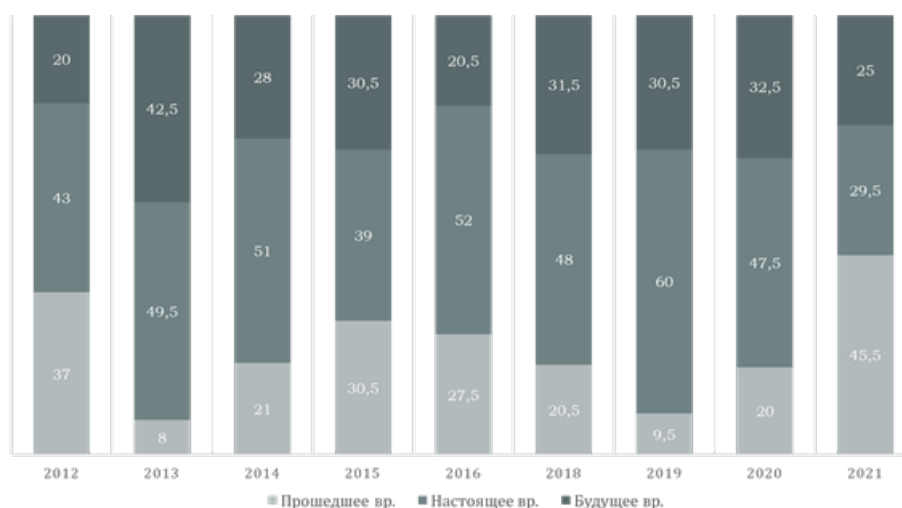

Рисунок 1. Соотношение временных форм глаголов в текстах посланий президента Федеральному Собранию РФ 2012–2021 гг. (в % от общего количества глаголов)

Актуализация глагольных форм прошедшего и будущего времени в посланиях президента в 2012–2021 гг. с большим трудом поддается закономерностям. Если в популярности глаголов прошедшего времени есть определенная цикличность, проявляющаяся в возрастании частоты использования накануне окончания президентского срока; то в изменении количества глаголов будущего времени тенденциозность не прослеживается. Прошлое и будущее время глаголов сопровождают две ключевых практики политического дискурса: рефлексию ранее произведенных действий и событий, а также планирование дальнейшей деятельности политической элиты. Невыраженная закономерность использования двух временных форм глаголов говорит об отсутствии сложившейся в российской политической системе практики структурирования речи, выделения частей, посвященных анализу ситуации и целеполаганию. Это в свою очередь, характеризует официальный политический дискурс как зацикленный на настоящем времени и воспроизведении настоящего. Статус-кво, закрепленный настоящим временем глагольных форм, предпочтительнее как фрагментарного прошлого, так и иллюзорного будущего.

Лексический уровень темпоральности официального политического дискурса

Для анализа лексического уровня был применен количественный направленный контент-анализ. В качестве слов-маркирующих обращение к прошлому были определены: «прошлый», «последний», «предыдущий», «назад» и их грамматические формы. Обращение к будущему идентифицировано по таким лексемам, как «будущий», «ближайший», «следующий», «вперед» и их формы. По результатам статистического подсчета были выделены следующие промежуточные результаты.

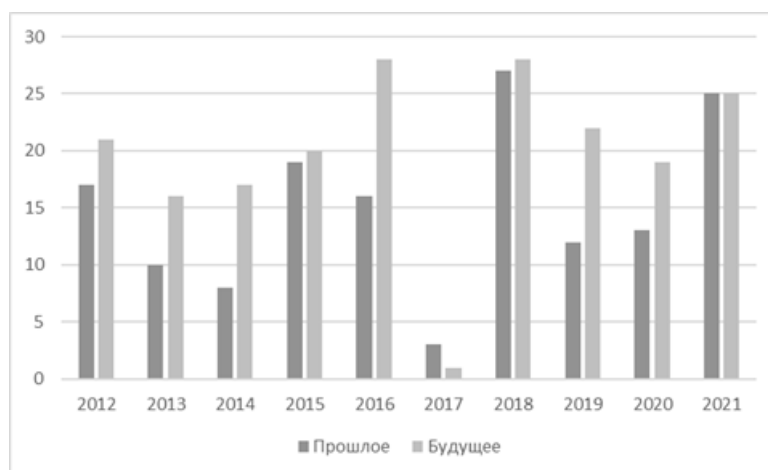

Рисунок 2. Динамика использования слов-маркеров прошлого и будущего в официальном дискурсе президента РФ в 2012–2021 гг. (абсолютные показатели)

Представление о прошлом и будущем как близлежащих годах к дате декларации текста является доминирующим в речах президента РФ. Отсылки к будущему наблюдаются в контексте целеполагания на перспективу нескольких лет вперед. Стратегическое планирование на долгосрочный период практически отсутствует. Последнее выражается в конструировании неизмеримых абстрактных целей, связанных с общим представлением о месте России в международных отношениях, а также об общекультурных или системных изменениях, необходимых для создания сильной, непобедимой, богатой России будущего.

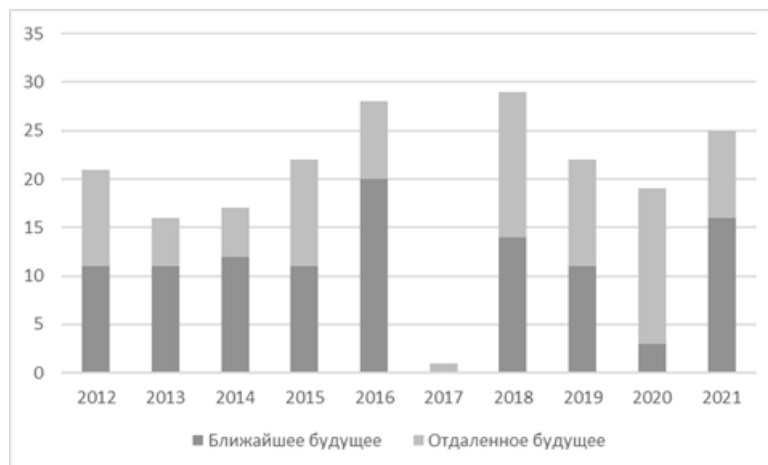

Рисунок 3. Динамика использования слов-маркеров ближайшего и отдаленного будущего в официальном дискурсе президента РФ в 2012–2021 гг. (абсолютные показатели)

«Судьба России, ее историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет (...), сколько детей родится в российских семьях через год, через пять, десять лет, какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны...» [\[17\]](#).

«Перед Россией стоят прорывные исторические задачи, и в их решении значим вклад каждого. Вместе, сообща мы обязательно изменим жизнь к лучшему» [\[18\]](#).

Рисунок 4. Динамика использования слов-маркеров ближайшего и отдаленного прошлого в официальном дискурсе президента РФ в 2012–2021 гг. (абсолютные показатели)

В свою очередь преобладающее упоминание прошлого в виде отсылок к уже произошедшим событиям или достигнутым ранее результатам затрагивает в первую очередь историю последних лет и присутствует в формулировках следующего типа: «в прошлом году», «в прошлогоднем послании», «в недавнем прошлом», «несколько лет назад» и т.п. На операциональном уровне используется прошлое, заключенное в рамки 2000-х – 2010-х гг., в то время как более глубокие исторические пласты (в том числе и 1990-е гг.) задействованы в конструировании политических мифов и иных устойчивых символических структур.

«За первые 12 лет нового века сделано немало» [\[19\]](#).

В связи с этим период российской и мировой истории периода ранее 2000-х годов фигурирует в текстах посланий и поздравительных речей статистически значительно реже, нежели операционализированные и переработанные десятилетия XXI века.

Аналогичное соотношение между отдаленным и ближайшим будущим — последнее доминирует в количественном измерении, т.к. является понятным и прогнозируемым для политической элиты. Долгосрочные перспективы и планы практически отсутствуют и подменяются абстрактным представлением о будущем. Несмотря на относительный паритет между отсылками к будущему и прошлому в текстах официальных документов, в целом прослеживается доминирование перспективной темпоральной характеристики. Однако семантический вес обращений к прошлому значительно больший по сравнению с более многочисленными, но аморфными обращениями к будущему. Эту гипотезу мы попытаемся рассмотреть, анализируя семантический уровень темпоральности официального дискурса.

Семантический уровень темпоральности официального политического дискурса

Прошлое (Дореволюционная история). В контексте исследований исторической памяти и, в частности, инструментального использования прошлого для легитимации власти, для нашего анализа принципиально различие советской и дореволюционной эпох российской истории. Характеризуя акты обращения официальной власти к дореволюционной российской истории, отметим их ситуативность и редкость. Так, за весь исследуемый период дискурс посланий президента, выступающих квинтэссенцией официального политического дискурса, обращается к истории до 1917 г. только восемь раз. 2012 г. и 2018 г. ознаменовались упоминаниями Первой Мировой войны; 2013 г. — Земской реформы Александра II; 2014 г. — крещения Руси и значения Херсонеса и Крыма в этом процессе; 2016 г. — Февральской и Октябрьской революций 1917 г.; 2019 г. — «времен "очаковских и покоренья Крыма"» [\[20\]](#).

Торжественный дискурс, представленный поздравительными выступлениями в честь Нового года, Дня Победы, Дня народного единства, демонстрирует большую интенсивность актуализации дореволюционной истории. В текстах новогодних поздравлений практически отсутствуют отсылки к истории, а проработка прошлого завершается на характеристике завершающегося года. Напротив, дискурс поздравлений к 9 мая и 4 ноября крайне историчен. При этом закономерно, что практически в каждом выступлении президента на торжественном приеме в честь Дня народного единства упоминаются события дореволюционной истории. Нарратив Смуты 400-летней давности, дополнен элементами, мифологизирующими и «осовременивающими» это историческое событие: «*положен конец слабости государства*» [\[21\]](#), «*священное право жить согласно своим уставам и своим традициям*» [\[22\]](#), «*сам народ поднялся против смуты и безвластия, одолел внутренние распри и внешнюю угрозу, отстоял достоинство и независимость страны*» [\[23\]](#), «*спасли страну от распада*» [\[24\]](#). Несмотря на органическую связь двух праздников с двумя историческими эпохами, в выступлениях президента, приуроченных ко Дню Победы, присутствуют отсылки к дореволюционному прошлому. Так, в 2019 году были упомянуты «*древние русские столицы — Киев и Великий Новгород*» [\[25\]](#), в 2018 г. — две мировых войны, в 2014 г. — основание Севастополя и Крымская война и т.д.

Апеллирование к историческому контенту, в первую очередь, к дореволюционному, отвечает потребностям мифологизированного конструкта «*тысячелетней исторической России*» [\[26\]](#), отражающего политику отказа от позиционирования российской политической элиты в координатах прошлого. Нарратив о дореволюционной эпохе России имеет несистемный характер, возникает в официальном политическом дискурсе ситуативно и крайне слабо операционализируется для продвижения политических идей современности. Наиболее проработанным и реинтерпретированным для политических

потребностей элиты оказался исторический сюжет Смуты начала XVII в., однако этот дискурс в виду своей хронологической отдаленности крайне мифологизирован, неконкретен, абстрактен.

Прошлое (Советская и постсоветская история). Советский период российской истории представлен в официальном политическом дискурсе значительно более отчетливо. История СССР выступает эталонным элементом, который используется 1) для акцентуации проблем современной России, 2) для подчеркивания достижений, предпринятых в последние годы (*«даже в советское время с его широкой социальной программой поддержки граждан не было такой меры поддержки»* [\[27\]](#) [о бесплатном питании младших школьников – прим. И.Н.]). Советское прошлое значительно более операционализировано для ситуативных политических потребностей официального дискурса власти. Разберем основные сюжеты, получившие отражение в текстах посланий и поздравительных обращений.

Бесспорно, ключевым местом памяти еще с начала 2000-х гг. становится Великая Отечественная война. Ни одно послание президента Федеральному Собранию за исследуемый период не обошлось без упоминания крупнейшего вооруженного конфликта в истории. Выступления 2015 г. и 2019 г., посвященные наступлению нового года и Дня народного единства, также, несмотря на несовместимость контента с поводом, содержат обращения к истории Великой Отечественной войны.

Ключевыми аспектами отношения официального дискурса к памяти о Великой Отечественной войне являются два ситуативно комбинируемых элемента:

1) признание войны величайшей победой народа («советского», «русского», «нашего» — в зависимости от потребностей ситуативного означивания события).

«Этой обнаглевшей силе покорились многие государства, и безнаказанность заставляла нацистам глаза. Они думали, что смогут так же, в считанные недели, поднять под себя и Советский Союз — тысячелетнюю историческую Россию. Не вышло!» [\[28\]](#).

2) принятие войны как крупнейшей катастрофы, унёсшей неисчислимое количество жизней и последствия которой влияют на текущее состояние страны.

«Миллионы павших не увидели, не дождались Победы» [\[29\]](#).

Задачи по конструированию исторического «альтер-эго» современной России в дискурсе президента реализуются также через сравнение достижений последних лет с итогами советского правления. Примечательно, что не весь период социалистического эксперимента считается репрезентативным для демонстрации достижений действующего правительства. Практически отсутствуют позитивные коннотации с довоенным периодом истории СССР, в то время как период 1960-х – 1970-х гг. присутствует в официальном дискурсе как значимый, как самая высокая планка, достигнутая в предыдущие исторические эпохи. Сферы деятельности, в которых современное правительство допускает сравнение с советским прошлым, можно сгруппировать в три основных направления:

1) военные технологии и противостояние потенциальному нападению (договоры об ограничении видов вооружений, радиолокационная система, различные технологии вооружений и т.п.);

2) социальная политика (социально-ориентированные профессии, обеспечение

пенсионеров и др. социальных групп, национальная политика и т.п.);

3) инфраструктурная политика (жилищное строительство, количество и мощность портов, строительство социальных объектов и т.п.)

4) экономические показатели (макроэкономические показатели, объемы сельскохозяйственного продукта, объемы металлургической промышленности и т.п.)

Год	Суммарное количество упоминаний советского прошлого за год	Упоминание советского прошлого с негативной оценкой	Упоминание советского прошлого с позитивной оценкой
2012	4	2	2
2013	3	2	1
2014	1	1	0
2015	0	0	0
2016	1	1	0
2018	9	6	3
2019	2	1	1
2020	5	3	2
2021	2	2	0

Табл. 1. Упоминание советского прошлого в дискурсе посланий президента Федеральному собранию 2012–2022 гг.

Советское прошлое, несмотря на обилие позитивных коннотаций и сравнений, выступает противоречивым объектом ретроспективного осмысления в дискурсе российской власти (см. Табл. 1). Эта тенденция соответствует общественным представлениям об этом историческом периоде, измеренным в 2022 г. социологическими опросами ВЦИОМ. По результатам этих исследований советский период истории России считают положительным 51 % взрослого населения страны, 38 % — находят в нем равное присутствие и хорошего, и плохого, и только 5 % — оценивают однозначно негативно [30]. Следует учесть, что это результат наблюдающейся в нашей стране с начала 2000-х гг. идеализации советского прошлого, формирующей феномен советской ретропии [31]. Результаты опросов, проведенные в начале интересующего нас хронологического периода, более радикально смотрят на советское прошлое нашей страны. В частности, при наличии близкого показателя по позитивным оценкам в 54 % сожалеющих о распаде СССР, негативно оценивающих и не сожалеющих о прекращении его существования в 2012 году было 33 % опрошенных. Противоречивость «советского» в дискурсе официальной власти в России соответствует тенденции к идеализации, однако отражает и критический запрос общественности.

Статистически негативные коннотации советского прошлого в дискурсе посланий президента Федеральному собранию преобладают, хотя концептуально не являются системообразующими для исторической политики правительства. Советский период рассматривается как источник ряда современных проблем России, в частности демографического кризиса. Провалы естественного прироста в 1940-х гг. и 1990-х гг. неоднократно упоминаются в текстах посланий разных лет как начало проблем, с которыми столкнулась страна в XXI в. Помимо демографических проблем среди негативно оцененных фактов советского прошлого президент упоминает дефицит товаров общего потребления, тяжелое наследие моногородов, ущемление частных интересов,

идеологию пришествия коммунизма и др.

Отдельно стоит упомянуть группу смыслов, связанную с процессом распада Советского Союза, лежащую в основе ретроспективного фокуса исторической политики. Несмотря на перманентное присутствие сравнения современной России с Советским Союзом, два государства не рассматриваются как разные объекты, а являются ипостасями одного исторического субъекта. В послании 2018 г. звучит формула, характеризующая этот подход: *«Россия, которая в советское время называлась Советским Союзом»* [32]. Однако в дискурсе президента не прослеживается последовательной исторической преемственности, т.к. траектория развития страны от СССР до современной России прерывается периодом распада первого и становления второй. Последний именуется в послании 2019 г. *«драматичными годами после распада СССР»* [33]. В контексте геополитических позиций России президент отмечает: *«У нас остались прежние амбиции, (...) сохранился колоссальный потенциал (...). Но возникли и угрозы, причём угрозы такого масштаба, о которых никто раньше даже и не задумывался»* [34]. Указывается на возникновение многочисленных *«огромных дырок»* [35] в радиолокационном противоракетном поле, что метафорически отражает и состояние страны в целом. В 2018 г. В. В. Путин подводит количественные итоги распада Советского Союза: *Россия «утратила 23,8 процента территории, 48,5 процента населения, 41 процент валового общественного продукта, 39,4 процента промышленного потенциала (...), 44,6 процента военного потенциала в связи с разделом Вооруженных Сил СССР между бывшими союзными республиками»* [36]. Приведенные данные становятся важным аргументом в обосновании позиции российской власти в отношении к распаду СССР как к крупнейшей геополитической катастрофе XX в.

Следует солидаризоваться с идеями О. Ю. Малиновой, высказанных в отношении дискурса президента о том, что для политической элиты современной России *«советское прошлое представляло интерес в той мере, в какой его можно было использовать в технике коллажа для иллюстрации образа "тысячелетнего" "сильного государства", выполняющего роль стержня официальной версии современной российской идентичности»* [37, с. 39]. Это утверждение нашло подтверждение и в нашем исследовании — советское прошлое представлено противоречиво, но семантически значимо в конструкте исторической политики.

Будущее. Формирование образа будущего выступает ключевым элементом идеологической коммуникации государственной власти и предполагает выполнение одной из основных функций политической системы — целеполагания. *«Будущее время «узурпируется» властью для решения проблем настоящего. Обращая интересы граждан в будущее, власть рассчитывает сохранить влияние в настоящем»* [38, с. 253]. В документах стратегического назначения, таких как послания президента Федеральному Собранию, мы ожидаемо увидели статистическое преобладание семантических отсылок к будущему, над обращениями к прошлому. Однако необходимо учесть их качественные различия: упоминания будущего практически не верифицируемы, сформулированы абстрактно и неизмеримо.

«Мы должны быть устремлены только вперед, только в будущее» [39].

Образ отдаленного будущего — аморфный и иллюзорный, не операционализируем для ключевой задачи политической элиты в формулировании внятных целей общественного развития. Реципиент официального дискурса затруднен в выстраивании собственной

индивидуальной траектории деятельности, солидарной целям развития общества. Дискурс задает мифологизированные представления о будущем — сильная, независимая, единая и т.п. Россия, однако путь достижения этого состояния и планируемый период его достижения выявить в текстах президента невозможно. Абстрактное будущее, в попытке преодолеть этот разрыв, достраивается планированием на краткосрочный период одного или нескольких лет. «Рассуждая о известном для него будущем, спикер оказывается в положении сильного. Он обладает знанием, недоступным его слушателям» [\[40, p. 166-167\]](#). Обращаясь к «*следующему году*», «*ближайшим годам*», «*скорому будущему*», президент фактически протягивает уже осуществляемую правительством деятельность на предсказуемый срок существования актуальной конфигурации политической системы. Однако запрос на конструирование отдаленного стратегического образа будущего оказывается не удовлетворенным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на доминирование будущего времени в статистических подсчетах глагольных форм и слов-маркеров, следует признать, что в семантическом измерении будущее время не составляет фундамента дискурса власти. Обращение к будущему оспариваемо, абстрактно, семантически размыто. Точностью отличаются только ближайшие планы правительства, которые, по нашему мнению, встраиваются скорее в «долгое» настоящее, протянутое от предыдущих измеряемых результатов деятельности правительства до выстроенных планов на ближайшие годы, которые можно измерить статьями трехлетнего государственного бюджета. Темпоральность официального политического дискурса в хронологических рамках исследования замкнута на настоящем времени. Политическая реальность помещена в динамический процесс бесчисленных изменений и трансформаций, свершившихся недавно и планируемых к свершению в ближайшее время.

В сравнении с будущим семантически значительно более весомо в дискурсе президента представлено прошлое, отражающее специфическую конфигурацию исторической политики в конкретных условиях. Смысловое давление прошлого вступает в противоречие со статистическим преимуществом будущего, что может судить об особом пути конструирования объяснительных моделей и системы целеполагания. Дискурс отталкивается от прошлого как от значимого этапа, требующего соизмерения настоящего с собой. Такая логика, безусловно имеет преимущество проработки исторических ошибок и травм, однако безальтернативно лишает общество осязаемого образа будущего.

В течение всего президентского правления В. В. Путина предпринимаются попытки по согласованию исторической памяти со всеми референтными этапами прошлого нашей страны. «Идея единства истории плавно переходит в единство российского народа в рамках единого государства» [\[41, с. 138\]](#). Однако советский период отечественной истории, по результатам нашего анализа, является основным референтом, что соответствует многочисленным исследованиям российских ученых. Если ранжировать степень близости представлений президента о социально-политическом, культурном, геополитическом и экономическом состоянии современной России с разными периодами истории нашей страны, то следует поместить на первое место именно советский период (точнее — послевоенный советский период). Далее в динамике увеличения различий будут следовать имперский период, который является связующим звеном с «тысячелетней историей». Еще более отчетливо дискурс президента дистанцируется от первых лет существования современной России — 1990-х гг. Такая система ассоциирования встраивается в электоральный ландшафт страны, где наиболее

политически активной частью населения, по-прежнему, остаются поколения, заставшие поздний Советский Союз и/или ностальгирующих по нему; позволяет актуализировать дискурс великой державы, утверждая историческую преемственность с СССР.

Рефлексируя метод, выработанный для исследования темпоральных характеристик официального дискурса власти, мы можем обнаружить прикладную пользу анализа темпоральности на трех уровнях: грамматическом (временные формы глаголов), лексическом (частотность употребления слов-маркеров) и семантическом (содержательное наполнение образов прошлого и будущего). К значимым ограничениям результатов исследования следует отнести тот факт, что исследование временных грамматических форм глагола является исключительно зондирующим (обработано 30 % текста каждого источника). Помимо прочего первичная обработка такой единицы анализа как временная форма глагола затруднена жанровой спецификой текстов, в частности обилием инфинитивов. Существенно может усовершенствовать выводы вовлечение дополнительного объема источников официального политического дискурса в виде публичных выступлений и обращений президента, текстов иных акторов государственной власти. Перечисленные факторы не позволяют уверенно экстраполировать результаты исследования на весь объем официального дискурса российской власти, однако, на наш взгляд, дают право судить о наличии тенденций и специфических закономерностей в использовании прошлого и будущего для политических целей.

Библиография

1. Киселев К.В. Дискурс прошлого в электоральной политической риторике: к постановке проблемы // Символическая политика: Сб. науч. тр. Выпуск 1. / Отв. ред. Малинова О.Ю. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 175–181.
2. Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html> (Дата обращения: 20.09.2024).
3. Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. – Томск: Издательство «Водолей», 1999. – 64 с.
4. Синкевич Д.А. Категория темпоральности в лингвофилософском освещении // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 7 (188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. – С. 148–152.
5. Петрухина Е.В. Когнитивные модели времени в русской грамматике. – Режим доступа: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:187942297> (Дата обращения: 20.09.2024).
6. Дейк Т. ван, Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
7. Дейк Т. ван, Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
8. Assmann J. Communicative and cultural memory // Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook / Eds. A. Erll and A. Nünning. – Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2010. – P. 109-118.
9. Завершинский К.Ф. Символическая политика как социальное конструирование темпоральных структур социальной памяти // Символическая политика: Сб. науч. тр. Выпуск 2. / Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. – М., ИНИОН РАН, 2014. – С. 80-92.
10. Ассман А. Трансформации нового режима времени. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4-pr.html> (Дата обращения: 10.09.2024.)
11. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Издательство «Индрик», 1997. – 352 с. – С. 51–61.

12. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 7–32.
13. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 62–75.
14. Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство: Часть 1. – Ростов-на-Дону: Изд-во Март, 2013. – 649 с. – С. 154.
15. Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. История в политике: методология и методика дискурсивного анализа // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Ч. 1. Вып. 12. – Ставрополь: Издательство СКФУ, 2014. – С. 43–64.
16. Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. История в политике: методология и методика дискурсивного анализа // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Ч. 1. Вып. 12. – Ставрополь: Издательство СКФУ, 2014. – С. 43–64.
17. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Дата обращения: 03.06.2024).
18. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Дата обращения: 03.06.2024).
19. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (Дата обращения: 03.06.2024).
20. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Дата обращения: 03.06.2024).
21. Выступление В.В. Путина на приеме по случаю Дня народного единства от 04.11.2012 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/16752> (Дата обращения: 03.06.2024).
22. Выступление В.В. Путина на приеме по случаю Дня народного единства от 04.11.2016 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53212> (Дата обращения: 03.06.2024).
23. Выступление В.В. Путина на приеме по случаю Дня народного единства от 04.11.2017 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56002> (Дата обращения: 03.06.2024).
24. Выступление В.В. Путина на приеме по случаю Дня народного единства от 04.11.2019 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/61963> (Дата обращения: 03.06.2024).
25. Выступление В.В. Путина на Параде Победы на Красной площади от 09.05.2019 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60490> (Дата обращения: 03.06.2024).
26. Выступление В.В. Путина на Параде Победы на Красной площади от 09.05.2019 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60490> (Дата обращения: 03.06.2024).
27. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Дата обращения: 03.06.2024).
28. Выступление В.В. Путина на Параде Победы на Красной площади от 09.05.2019 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60490> (Дата обращения: 03.06.2024).
29. Выступление В.В. Путина на Параде Победы на Красной площади от 09.05.2020 //

Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:

<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/63560> (Дата обращения: 03.06.2024).

30. лет СССР: забыть нельзя вернуться? Электронный ресурс. – Режим доступа:

<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja?ysclid=lpjwbwhb4dh526979803> (Дата обращения: 29.08.2024).

31. Шапинская Е.Н. Символика ретротопии в (пост)современной массовой культуре: новая жизнь советского мифа // Вестник культурологии. – 2023. – № 2 (105). – С. 245–258.

32. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 01.03.2018 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (Дата обращения: 03.06.2024).

33. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 20.02.2019 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032> (Дата обращения: 03.06.2024).

34. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Дата обращения: 03.06.2024).

35. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 01.03.2018 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (Дата обращения: 03.06.2024).

36. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 01.03.2018 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (Дата обращения: 03.06.2024).

37. Малинова О.Ю. Прошлое как ресурс символической политики: анализ тематического репертуара памятных речей президентов РФ (2000–2013 гг.) // Идеи и ценности в политике. Политическая наука: Ежегодник 2015 / гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 366 с. – С. 20–41.

38. Синельникова Л.Н. Семантика и стилистика языковых корреляций дискурса власти // Дискурсы власти: коллективная монография / Н.А. Меркурьева, А.В. Овчинников, А.Г. Пастухов (отв. ред.) – Орел: ООО «Горизонт», 2015. – 378 с. – С. 239–259.

39. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (Дата обращения: 03.06.2024).

40. Fairclough N. Analyzing discourse: Textual analysis for social research. London, 2003.

41. Пахалюк К.А. Дискурсивные основания интерпретации истории в контексте современной внутренней и внешней политики России: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.01 / Место защиты: ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». – Москва, 2020. – 321 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает темпоральность официального политического дискурса. В заголовке в качестве объекта указан дискурс российской государственной власти за период 2012–2022 гг., что не совсем точно, поскольку реально анализировался только дискурс Президента РФ за данный период. Автор

справедливо связывает высокую степень актуальности выбранной для исследования темы с фактом активного использования модуса темпоральности (апелляции к прошлому, героизации некоторых персон, проектирования будущего и т. д.) в политической борьбе. Действительно, по мере всё большей медиатизации политики, политические акторы всё чаще прибегают к использованию данной технологии. Теоретической основой рецензируемого исследования выступил когнитивный подход к феномену темпоральности в политическом дискурсе, а в качестве методологической базы – контент-анализ единиц официального политического дискурса. Анализ феномена темпоральности в политическом дискурсе проводился на трёх уровнях: грамматическом (временные формы глаголов), лексическом (частотность употребления слов-маркеров) и семантическом (концептуальное содержание образов прошлого и будущего). Эмпирическую базу составила выборка текстов официальных публичных выступлений Президента РФ В.В. Путина за период с мая 2012 г. по февраль 2022 г. Специально следует отметить, что автор рецензируемой статьи достаточно подробно аргументирует свой теоретико-методологический выбор и объясняет мотивацию отбора эмпирической базы за указанный хронологический период. Вполне корректное применение данного методологического инструментария позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт о выявленном в процессе исследования противоречии между доминированием в политическом дискурсе Президента РФ будущего времени на грамматическом и лексическом уровнях, и темпоральной замкнутостью этого дискурса на событиях прошлого в контексте его влияния на настоящее. В результате образ будущего оказывается концептуально размытым и скорее «встроенным в прошлое», чем спроектированным будущим. Кроме того, научный интерес представляет выявленный ключевой референт исторической памяти, концептуализированной в выступлениях В.В. Путина – советский период российской истории после окончания Второй мировой войны. Наконец, методологическое значение рецензируемой статьи состоит в подтверждении высокого эвристического потенциала анализа темпоральности официального политического дискурса, а также выявленных ограничениях этого подхода. В структурном плане работа также производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. Несколько странным выглядит выделение двух подразделов «ВВЕДЕНИЯ» – «Методология» и «Метод»; судя по содержанию этих подразделов, в первом из них речь идёт о теоретическом контексте исследования, а во втором – о конкретных методах и методиках, использованных для получения результатов. Кроме названных, в тексте выделены ещё два раздела («РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ», где последовательно проводится анализ темпоральности политического дискурса на трёх уровнях – грамматическом, лексическом и семантическом, а также «ЗАКЛЮЧЕНИЕ»). Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических (например, нарушение смысловой связи внутри предложения: «Последнее утверждение дает основание предполагать наличие как конкурентных отношений между разными моделями, так и феномен доминирования одной модели над другими» [предполагать феномен? или наличие феномена?]; и др.) и грамматических (например, пропущенная запятая после деепричастного оборота «...Говоря о прошлом политик обращается к фактам и переосмысливает их...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 41 наименование, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении основных подходов к анализу темпоральности политического дискурса. В числе достоинств

рецензируемой статьи отдельно следует отметить использование иллюстративного материала (таблицы и четырёх рисунков), существенно упрощающего восприятие выводов автора.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, культурологов, лингвистов, специалистов в области медиа и PR, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Политика и Общество». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Рыбаков А.В. Неинституциональная политика и социальные движения как ее акторы // Политика и Общество. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.71515 EDN: QKPHVP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71515

Неинституциональная политика и социальные движения как ее акторы

Рыбаков Андрей Вячеславович

доктор политических наук

профессор кафедры философии, Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)

125993, Россия, г. Москва, шоссе Волоколамское, 4, оф. ГУК, комн.516

✉ rybackov@rambler.ru

[Статья из рубрики "ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2024.4.71515

EDN:

QKPHVP

Дата направления статьи в редакцию:

18-08-2024

Аннотация: Предметом исследования является неинституциональная политика и ее роль в современных общественно-политических процессах в контексте деятельности социальных движений. Обосновывается тезис о том, что общим элементом причин растущей важности неинституциональной политики, который сближает и даже включает неинституциональную политику в традиционную политику, является протест. Он представляет собой центральную аналитическую категорию, вокруг которой строится теоретическое обоснование принятого выше положения – в настоящее время неинституциональная политика стала частью так называемой традиционной политики. Аргументы в пользу этого тезиса можно разделить на два основных направления: первое, системное, касается трансформаций, которые повлияли на институционализированную политику в демократических системах за последние полвека, второе, партиципаторное, относится к многогранному развитию социальных движений. Оба включают широкий набор факторов, которые взаимодействуют в процессе развития неинституциональной политики и, следовательно, повышают ее ранг и легитимность.

Поставленные задачи потребовали соответствующей теоретико-методологической основы исследования, которую составили политологические научные концепции гражданского общества, теория демократии (полиархии). Были учтены парадигмы исследования социальных движений: парадигма коллективного поведения, теория коллективного действия (мобилизации ресурсов), парадигма новых социальных движений. Использовался системный подход, методы сравнительного исторического анализа социальных и политических явлений. В статье формулируется ряд выводов. Основным субъектом протеста, оспаривания и формирования неинституционализированной политики выступают новые социальные движения. Социальные движения представляются неформальной сетью организаций и людей, объединенных коллективной идентичностью, общими ценностями и нацеленными на расширение границ существующей неинституциональной политики и трансформацию социально-политического дизайна в форме протестной деятельности. Деятельность этих движений свидетельствует, что в современном постиндустриальном обществе власть обретает характер фрагментированности. Классические политические модели, основывавшиеся на борьбе классов в рамках традиционных политических институтов постепенно сменяются новыми формами управления и коммуникации, в том числе неинституционализированной политикой, политикой демократического плюрализма. Новые социальные движения противостоят традиционным способам принятия решений бюрократией, организованы на децентрализованных, сетевых принципах и выступают фактором все более глубокого рассредоточения власти в современном обществе.

Ключевые слова:

гражданский активизм, глобализация, государство, демократия, неинституционализированная политика, политическая система, протест, социальные движения, акторы, коллективное действие

Введение. Утверждение о том, что неинституциональная политика, в некотором смысле неформальная, или, иначе говоря, нетрадиционная, приобрела почти равный статус с институционализированной политикой в современных политических системах, особенно демократических, кажется, с одной стороны, кажется очевидным, но с другой стороны, повышение значимости данного типа политики заставляет более глубоко проанализировать ее, чтобы эффективно обосновать такую позицию. Предварительно можно разделить причины такого положения дел на две группы факторов: одни – это те, которые в настоящее время можно охарактеризовать как классические причины развития неинституциональной политики, вторые – новые факторы. К первым относятся:

- кризис современной демократии, который проявляется, в том числе, в интересующем нас аспекте - ослаблении интереса граждан к участию в выборах;
- исчезновение или, по крайней мере, ослабление традиционной оси социального конфликта между трудом и капиталом в пользу культурного измерения, что в значительной степени упразднило классовые различия, а также изменило традиционные отношения между политическими партиями и их классовой базой и предопределило бесчисленные конфликты разного происхождения и в различных сегментах социальной структуры;
- как следствие, растущая важность политики протеста, которая мобилизует и активизирует различные части общества для совместных действий и влияния на процесс принятия

решений;

- возрастающая роль социальных движений, которые с 1960-х годов последовательно расширяют сферу своего влияния и часто используют протест как способ самовыражения.

- Социальные протестные движения «перешагнули» национальные границы, они разворачиваются по всему миру в странах с разными политическими и культурными традициями. Взаимопроникновение лозунгов и требований превращает социальный протест в транснациональный. [\[1, с.24\]](#)

В свою очередь, к более современным причинам повышения значимости неинституциональной политики можно отнести развитие средств массовой информации, особенно новых медиа, благодаря которым создаются прочные сети отношений между участниками неинституциональной политики, объединяющимися вокруг вопросов, которые их интересуют. Это облегчает их мобилизацию и эффективность действий, что, в свою очередь, поощряет следующие виды нетрадиционных политических действий:

– правительства проводят политику, основанную на результатах опросов, которая укрепляет различные социальные группы, особенно протестные, в вере в то, что протест может быть эффективной формой воздействия на власть имущих;

– теоретические дебаты о развитии форм политической системы, альтернативных представительной демократии, прежде всего совещательной демократии, что в сочетании с практикой различных низовых инициатив создает политический ландшафт, в котором неинституциональная политика приобретает все большую легитимность;

– правовые и институциональные решения, поддерживающие вовлечение граждан в процесс принятия решений в форме участия в консультациях или даже непосредственно в процессе принятия решений, что является осязаемым проявлением такого рода политики и отношения к ней как к равной традиционной политике;

– глобализация, которая также является одной из причин кризиса демократии, запустила процесс глобальной мобилизации против негативных последствий, которые она приносит, но, прежде всего, она вывела протест на международный уровень.

«Сокращение дистанции» между антиглобалистскими группами, представляющими разные страны, главным образом, благодаря новым медиа, и создание пула общих проблем для различных антиглобалистских групп, способствовало усилению неинституциональной политики на глобальном уровне. Другими словами, общий опыт глобальной борьбы стал одной из главных причин легитимации неинституциональной политики.

В статье будет проанализирована роль социальных движений и их действия в форме протеста в процессе разработки неинституциональной политики. Протест является одной из причин возрастания значимости неинституциональной политики. Это центральная аналитическая категория, вокруг которой должно строиться теоретическое обоснование того, что сегодня неинституциональная политика стала частью так называемой традиционной политики. Принятый тезис определяет и структуру данной статьи, в которой сначала будут рассмотрены вопросы определения неинституциональной политики, затем исторические условия роста значения неинституциональной политики в условиях политизации социальных движений, затем вопросы, касающиеся кризиса современной демократии, а также эмпирические примеры, подтверждающие данные тезисы. Основой

для этого станет анализ избранных теоретических направлений, содержащихся в теории социальных движений и фундаментальных проблем современной демократии.

Неинституциональная политика. Попытка определить, какие взгляды, поведение и действия попадают в рамки так называемой неинституциональной политики, непростая задача. Граница между обоими видами деятельности (институциональной и неинституциональной) нечеткая. Неинституциональное политическое участие, реализуемое через социальные движения и активизм, необязательно означает полное отстранение от институциональной политики. Вполне возможно объединение политической активности и присутствия в социальных движениях с иными политическими интересами, реализуемыми в рамках участия в институциональной (основной) политике.

[2, с.122] Варианты моделей поведения, которые считаются проявлениями внеинституциональной политики, многообразны. Чарльз Тилли (Charles Tilly) концептуализирует этот тип деятельности и действий под названием «репертуары разногласий» (repertoire of contention), которые расположены за пределами легитимных политических институтов и создают отдельные наборы процедур для выдвижения определенных требований [3]. По сути, концепция «репертуара разногласий» является элементом более широкой теории социальных движений и относится к типу инструментов и действий, связанных с протестом, которые используют социальные движения или связанные с ними организации. К ним относятся, среди прочего: забастовки, митинги, демонстрации, массовые беспорядки, бойкоты, петиции и развивающиеся в настоящее время коммуникации в социальных сетях в Интернете. Эти виды деятельности также разделены на различные типологии, включая традиционные, современные и цифровые. Другое типологическое предложение касается степени их радикализма и указывает на четыре порога этого экстремизма [4, р. 65], а именно: первый порог, при котором происходит переход от конвенциональных способов ведения политики к нетрадиционным (петиции, демонстрации, хеппининги), второй порог означает изменение методов прямого действия в таком направлении, которое позволяет однозначно отнести их к нетрадиционным, но легальным действиям (например, бойкот), достижение третьего порога означает преодоление барьера законности. Хотя такие действия нарушают закон, они не являются формой насилия. Наконец, четвертый порог – это не только нетрадиционность и нарушение закона, но и насильственные действия. Еще одно разделение предложено Сидни Тэрроу (Sidney Tarrow), Чарльзом Тилли (Charles Tilly) и Дугом МакАдамом (Doug McAdam) которые делят формы протеста на аналитические категории сдерживаемого раздора и трансгрессивного раздора, что означает, что в первом случае эти действия укоренены в традиционной политике и реализуются в соответствии с законом и принятыми обычаями, а во втором случае могут выходить за рамки данного типа политики, носить новаторский характер, а иногда и нарушать закон [3, р. 5]. Наконец, более современные подходы классифицируют неинституциональный активизм следующим образом: коммуникативный (с использованием новых медиа), индивидуализированный (осуществляемые индивидуально) и коллективный (осуществляемые совместно различными социальными группами). [6, р. 87]

Попытки организовать неинституциональный политический активизм имеют общий знаменатель. Помимо явно политического характера этих действий, они тесно связаны с феноменом протеста, который в данном случае создает более широкую концептуальную категорию, объединяющую различные проявления протестного репертуара. Соколов А.В. и Палагичева А.В. анализируют различные позиции, сложившиеся в российской науке относительно определения протеста. Так, протест может выступать формой коллективного действия, направленного на изменение социально-политической

реальности. Соответственно, есть основания интерпретировать протест как вид обратной связи государства и общества. Конфликт между ними может как разрушать стабильность, так и способствовать ее формированию посредством достижения нового баланса интересов (Никовская Л.И.). В связи с этим протест можно интерпретировать в качестве одной из форм публичного оспаривания, проявляющегося в виде коллективного сопротивления граждан решениям и действиям власти через противодействие их реализации или выдвижение требований об их отмене или изменении (Савенков Р.В.). [\[7, с. 299\]](#) Определение протеста, отвечающее условию политического характера, предложено также Джерри Д. Роузом. «Протест — это коллективное поведение с использованием нетрадиционных средств выражения, при котором протестующие пытаются реализовать свои требования, направляя свою деятельность в сторону законной власти». [\[8, p. 74\]](#)

Следует уточнить вопрос понимания протеста как коллективного действия. Для Роуза действия отдельных людей, если они не поддерживаются другими, не являются акциями протеста в смысле коллективных действий, но это не означает, что они не отвечают характеристикам неинституциональной политической деятельности. Иными словами, неинституциональный активизм, как уже было сказано, может принимать как индивидуальную, так и коллективную форму. Что делает протест политическим действием, так это, прежде всего, требования, выдвигаемые протестующими, поскольку они касаются сложившегося общественного порядка (сформированного законом и установленного властью) и приобретают политическое измерение. Поэтому содержание требований определяет политический характер социального протеста. Во-вторых, адресат требований протестующих, пусть и не явно, понимается широко - политическая власть, прямо или косвенно ответственная за причины протеста. Для протеста, характерна способность мобилизовывать общественное мнение посредством нетрадиционных форм действий и давления на лиц, принимающих решения. Это также согласуется с выводом, сделанным известным немецким исследователем Клаусом Оффе (Claus Offe) в отношении западных обществ, согласно которому, с одной стороны, государственная политика получает более заметное и более прямое влияние на граждан, а с другой стороны, именно граждане пытаются получить более прямое и непосредственное влияние на иных граждан, всеобъемлющий контроль над политическими элитами средствами, противоречащими институциональному порядку государства. [\[9, p. 817\]](#)

Подводя итог, можно сказать, что идеи Оффе, сформулированные в середине 1980-х годов, описывали определенный этап процесса активизации граждан, вовлекавших в деятельность новых общественных движений. Этот процесс начался в 1960-х годах, и его последствия были заметны в последующие восьмидесятые годы. Сам по себе этот факт ничего не решал, важнее были изменения, которые привели к развитию того типа коллективной деятельности, который известен как новые социальные движения. Поэтому обратим внимание на процессы, благодаря которым роль неинституциональной политики постоянно растет, начиная с 1960-х годов.

XX век как век социальных движений. Два процесса являются прорывом в плане повышения легитимности неинституциональной политики. Во-первых, это развитие новых социальных движений наряду с изменениями в экономическом, социальном и политическом контекстах, которые способствовали их возникновению. Второе — углубляющийся кризис демократии, и, соответственно, это необходимость переформулировать и адаптировать формы демократии к современным требованиям, диктуемым растущим влиянием общества, с одной стороны, и продолжающимся

процессом глобализации с другой. Все остальные причины такого положения являются лишь следствием двух основных факторов. В этом разделе сконцентрируемся на первом из этих процессов.

Во-первых, посмотрим на появление новых социальных движений. Речь идет не о конкретных примерах этих образований, а об условиях, приведших к их созданию. Как указывает Оффе, появление новых социальных движений стало результатом глубоких изменений, затронувших современное общество в экономической, структурной и политической сферах и которые в совокупности можно охарактеризовать как цивилизационный прорыв, связанный с модернизационными процессами. Произошел крах экономического, политического и социального порядка, основанного на либерально-демократическом консенсусе государства всеобщего благосостояния. В нем имело значение процветание, экономическая, социальная и военная безопасность, а также справедливое распределение богатства. Посредством коллективных торгов как способа решения социальных и политических конфликтов доходы распределялись между классами и социальными категориями. Роль посредников играли политические партии, действовавшие от имени своей классовой базы. Важно отметить, что основной социальный конфликт разворачивался между трудом и капиталом, а стороны этого конфликта были представлены рабочим классом, сплотившимся вокруг профсоюзов, с одной стороны, и государством и работодателями — с другой.

С точки зрения изложенных выше соображений, наиболее важным последствием краха старой парадигмы стало возникновение нового разделения на частную сферу и сферу институционализированной и неинституционализированной политики. Роль государства была переопределена, и оно также начало претендовать на присутствие в частной сфере. Построение государства процветания и социальной безопасности привело к своего рода политической инклюзивности, примером которой являются политические партии, включающие новые проблемы в сферу своих интересов и возводящие их в ранг политических проблем. В ответ на растущую политизацию новых сфер жизни и расширение политических партий, конкурирующих за социальную поддержку, как это ни парадоксально, политизируется частная сфера, но не на условиях государства, а по концепциям новых общественных движений.

Движения пытаются политизировать институты гражданского общества способами, не ограниченными каналами влияния на бюрократические и представительные политические институты, желая тем самым воссоздать гражданское общество, независимое от государственного регулирования, контроля и вмешательства. Для того, чтобы стать независимым от государства, гражданское общество, особенно его институты труда, производства, распределения, семейных отношений, отношений с природой - его стандарты рациональности и прогресса, должны быть подвергнуты политизации. Неинституционализированные формы гражданского общества «отличаются высокой степенью адаптивности, гибкости и способностью быстро реагировать на изменяющиеся обстоятельства. Они могут играть важную роль, несмотря на неофициальный статус и ограниченные ресурсы, в создании общественного мнения, выражении гражданских позиций и влиять на решения публичных властей и проводимую ими политику в области социального партнерства. Неинституционализированное гражданское общество может выступать в роли субъекта социального партнерства, т.к. для решения выдвигаемых им проблем требуется, как правило, участие публичной власти». [10 с.147]

В рамках продолжающейся модернизации произошли и другие важные изменения в политической деятельности новых общественных движений. Во-первых, роль рабочего

класса ослаблялась вследствие изменений внутри капиталистической системы, ее децентрализации и технологического развития. Во-вторых, женщины вышли на рынок труда в невиданных ранее масштабах. Если первая тенденция повлияла на организационное измерение протестной деятельности, то вторая имела последствия для содержания требований, которые явно распространялись на вопрос о правах женщин. В-третьих, и это самое главное, произошел специфический культурный поворот, примером которого стало новое, специфическое понимание общего блага. Имеется ввиду, с одной стороны, тот факт, что политическая игра, которая раньше была универсальной (удовлетворение запросов одних социальных категорий лишало другие категории такой возможности), превратилась в многопрофильную, факторную игру, в которой достижение целей приносит пользу всем членам общества. С другой стороны, цели новых общественных движений приняли новую форму. Теперь они больше относились не к материальной, а к постматериальной сфере, которая была следствием, смены ценностей между поколениями, что трансформировало политику и культурные нормы в наиболее развитых обществах. Павлова Т.В отмечает, что «...основа идентичности новых акторов – не классовый, социально-экономический или профессиональный статус, как это было в индустриальную эпоху, а общие идеалы и ценности [\[11, с.116\]](#)

Стоит добавить, что примером этих процессов послужили социальные протесты, охватившие наиболее развитые общества мира с середины 1960-х примерно до середины 1970-х годов (Австралия, Бразилия, Великобритания, Бельгия, Дания, Италия, Испания, Мексика, Нидерланды, США, ФРГ, Франция, Швеция, Уругвай). Прямые причины этих коллективных действий были разнообразны: противодействие традиционалистскому обществу, неприятие войны во Вьетнаме и гонки вооружений, необходимость демократизации, оспаривание авторитарного правления, быстрое развитие университетов и, следовательно, увеличение числа студентов. Доминирующей особенностью этих мероприятий было то, что главным организатором (хотя и не единственным) были студенты. Иногда эти протесты называют студенческими. Тем не менее, в протестную деятельность все активнее вовлекались и другие социальные категории (например, пацифистские движения во многих странах мира, рабочее движение во Франции, движение за гражданские права в США). Эта конкретная протестная деятельность была признана Сидни Тэрроу (Sidney Tarrow), одним из трех современных протестных циклов (наряду с «Весной народов» и протестами конца 1980-х – начала 1990-х годов в Центральной и Восточной Европе). Значение протестов 1960-х годов проявляется, прежде всего, в тех последствиях, которые они принесли. Критика потребительства, массового общества, капитализма, империализма и традиционных обычаев оставила значительный след в западных обществах. Это привело к демократизации и развитию гражданских прав, ослаблению традиционных обычаев, сексуальной революции, отказу от коллективизма в пользу прав личности, а также повышению экологического сознания и большему равенству прав женщин и мужчин. Благодаря этим протестам феминистское, экологическое и пацифистское движения получили импульс развития и в последующие десятилетия стали постоянным элементом социального и политического ландшафта во всем мире, особенно на Западе. В тоже время, отмечает Хенкин С.М.: «Массовые протестные движения нового поколения... бросая вызов традиционной политике и традиционным акторам, на практике реализуют иную политику и внедряют иные формы участия в ней. Нередко они перехватывают инициативу у традиционных партий и профсоюзов. Однако заменить и вытеснить последних из большой политики они не могут. Представляется, что впереди длительный период сосуществования и конкуренции социальных движений нового поколения с традиционными организациями, в ходе которого и те и другие окажутся перед

необходимостью поиска адекватных ответов на вызовы постоянно меняющейся реальности». [\[12, с.131-132\]](#)

Подводя итог, можно указать на несколько эффектов появления новых социальных движений. Во-первых, произошло значительное расширение круга проблем, получивших политический статус и находившихся ранее вне политики (например, вопросы охраны окружающей среды, сферы обычаев, внутрисемейных отношений). Процесс расширения этого круга вопросов набрал обороты благодаря деятельности новых общественных движений и продолжается по сей день. Во-вторых, расширилось поле дискуссий, которое все больше питает человеческий активизм и соответствует росту субъектности различных сообществ и групп. Развитие новых коммуникационных технологий в последующие годы лишь усилило этот процесс, расширив доступ к знаниям и информации и способствует повышению социального и политического сознания и, как следствие, политизации гражданского общества. В-третьих, произошло появление значимых политических сил (новых общественных движений и их сторонников), которые получили возможность оказывать постоянное давление на правительство или, шире, политическую систему, основанное на недоверии общества к власти и государству. Это явление может показаться негативным по своей сути, ведь доверие является не только основой эффективного функционирования политических и социальных систем, но фактически является движущей силой постоянного присутствия социальных движений в сфере неинституционализированной политики. Они представляют собой противовес и дополнение к представительной демократии, создавая – как назвал это Пьер Розанваллон (Pierre Rosanvallón) – демократию организованного недоверия, то есть контрдемократию [\[13\]](#). В-четвертых, произошла специфическая перегруппировка сил в сфере политической деятельности. С одной стороны, в западных обществах наблюдается заметный отход от традиционной политики, выражающийся не только в растущем неодобрении традиционной политики и политиков, но и в снижении явки на выборы. С другой стороны, это не означает социальной апатии. Как отметил Рональд Инглхарт (Ronald Inglehart), «несмотря на застойную явку избирателей (во многом вызванную ослаблением лояльности к политическим партиям), западные общества не стали апатичными; наоборот, за последние два десятилетия они стали значительно активнее участвовать в протестах, бросающих вызов элите». [\[14, р. 296\]](#). Эти закономерности, замеченные исследователями еще в 1970-е годы, сегодня стали более выраженными, в том числе благодаря развитию информационного общества и сопутствующему увеличению значимости новых медиа. Действительно, более широкие и глубокие экономические, социальные и политические процессы создали основу для развития новых социальных движений.

Политическая природа этих движений выражается по-разному, но основным ее проявлением является протест, который фокусируется на политическом. Прежде всего, новые социальные движения следует рассматривать как противников современности, критиков негативных аспектов цивилизации, политических акторов, ставящих под сомнение существующий мировой порядок.

Кризис и слабости демократии и неинституциональная политика. Растущая роль неинституциональной политики во многом определена кризисом представительной демократии как формы правления. Здесь имеется в виду не критика так называемой либеральной демократии, ибо эта тема дискуссии носит особый характер и во многом идеологически окрашена, а фактическое ослабление демократических политических систем, которое проявляется в снижении явки избирателей, отсутствии прозрачности принимаемых решений и ослаблении демократических институтов и свободы. Также

важна все возрастающая роль цифровых медиа, которые, с одной стороны, способствуют мобилизации, но с другой – создают угрозу массового манипулирования, по крайней мере, по отношению к менее образованной части, так называемому общественному мнению, что делает его менее суверенным и более легкомысленным в принятии решений.

Однако отношения между государством и общественными движениями меняются. Эти отношения уходят корнями к периоду формирования национальных государств, а в настоящее время глобализация является важнейшим фактором, влияющим на них. Появление национального государства привело к концентрации политической власти и переместило адресата протестной деятельности на национальный уровень. Это позволило протестам вырваться из захолустья, определяемого рамками власти сеньора, местного правителя, и превратило протесты в действия, характерные для общенациональной арены. Аналогичный сдвиг в протестной активности произошел из-за углубления глобализации, которая вывела протест на транснациональный уровень. Более того, поддержим Пугачева В.П., который отмечает: «Институциональная структура новой глобальной власти отличается гибкостью, большей, по сравнению с национальными правительствами, децентрализацией, развитостью сетевых структур, размытостью центров принятия решений и, вследствие всего этого, непохожестью на существующие национально-государственные структуры власти, что дает основания называть его скрытым, теневым, тайным и т. п. [\[15, с.14-15\]](#)

Все эти факторы, то есть кризис демократии, развитие национального государства и глобализация, определяют развитие и стимулирование политики разногласий, которая в настоящее время является наиболее явным проявлением неинституциональной политики.

Более того, следует отметить, что более конкретные процессы, связанные с демократической политической системой и укреплением национального государства, сыграли значительную роль в процессах развития политики оспаривания, то есть неинституциональной политики. К ним относятся: традиционно понимаемая децентрализация власти, функциональное разделение властей и объем власти, принадлежащей государству. Совокупный эффект воздействия этих факторов на социальные движения увеличивает количество возможностей и силу давления снизу на государство. Такое положение дел позволяет создать относительно широкий фронт гражданского участия, предоставляет возможности и поощряет участие в процессах принятия решений, а также создает благоприятный климат для создания механизмов совместного управления. Как следствие, это не только приводит к увеличению значимости неинституциональной политики, но и представляет собой корректирующий механизм естественных слабостей демократической системы. Кроме того, это дает повод, основанный на наблюдаемой практике действий, сформулировать «программы восстановления» демократической системы, проявлением которых, среди прочего, является концепция совещательной демократии, расширенной демократии, в которой общественные движения занимают ведущее положение. Обратим внимание на роль социальных движений в исправлении недостатков демократической системы.

Начнем с утверждения о том, что демократия является наиболее удобной средой политических возможностей для деятельности социальных движений и, шире, протестной деятельности. К ее характеристикам относятся особенности, которые дополнительно облегчают коллективную мобилизацию. Исходя из соображений теоретиков демократии, перечень черт, отличающих демократию, включает: свободные выборы, выборный характер государственных должностей, всеобщее право участия в выборах, право

политических лидеров участвовать в конкуренции за поддержку демоса и существование институтов, ставящих политику правительства в зависимость от воли граждан, свобода выражения граждан, наличие конкурентных источников информации, право на объединение, наличие демократических процедур (эффективное участие в дебатах наряду с правом публично представлять свои предпочтения, равенство голосов, потребность в различии - каждый гражданин имеет возможность определить и оценить, какое решение для него лучше, контроль голосования и т. д. [16 с. 6-24]

Этот общий набор черт демократии или, как ее называл Даль, полиархии, выдвигает на первый план вопрос общественной дискуссии в контексте деятельности социальных движений. Формулирование своих предпочтений, сопутствующая свобода слова и доступ к средствам массовой информации составляют суть деятельности этих движений. Создание арены для общественных дебатов и участие в них создают возможности влияния на общественное сознание и являются основным средством коммуникации между движениями и обществом. Таким образом, они также формируют повестки дня, определяя, какие вопросы следует обсудить, а затем обработать в процессе принятия решений.

Роль социальных движений за демократию становится еще яснее, если мы посмотрим на слабости этой системы управления. Например, положение, которое сегодня занимает демос. Этот вопрос, кажется, исторически решен, и в демократических системах подавляющее большинство взрослых граждан получили право принадлежать к демосу. Тем не менее, два вопроса кажутся особенно актуальными в этом контексте. Во-первых, это ограниченность участия большинства в процессе принятия решений, которая сводится к уважению голоса меньшинства. Второй – это вопрос разделения власти в условиях демократии на реальную и номинальную власть. Первая принадлежит правящей элите, вторая – народу. В теории демократии этот вопрос был одним из основных направлений дискуссии. В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс и Й. Шумпетер отмечали, что настоящее правление народа невозможно, потому что нами всегда управляет элита. Сегодня общественные движения занимают обоими этими вопросами. В первом случае они зачастую мобилизуют это меньшинство и отстаивают его интересы. Относительно номинального осуществления власти народом, социальные движения, посредством своего участия в процессе принятия решений, минимизируют реальную власть элит в той же степени, в какой они максимизируют участие народа в осуществлении власти. Они заставляют правящие элиты обращать внимание на голос общественного мнения и, как следствие, делиться с ним реальной властью. В этом смысле социальные движения, действующие в сфере неинституциональной политики, корректируют описанную здесь слабость представительной демократии.

Что касается распространенной сегодня гражданской апатии, то она кажется очевидной лишь на первый взгляд. Противоположный ей активизм, который желателен и практикуется социальными движениями, можно рассматривать как попытку преодолеть недостаток гражданской активности. На самом деле этот тезис справедлив при определенных условиях. Сам по себе активизм не приближает к демократии, а иногда он может означать правление некомпетентных масс, которые легко поддаются авторитарным тенденциям или простой дезинформации и недостатку знаний благодаря возможностям, предлагаемым современными цифровыми СМИ. Более того, как показывает практика, чрезмерная активность может вызвать ответную реакцию со стороны правящих элит, которые, опасаясь за собственное положение, будут готовы ограничить демократические права. Поэтому демократия поддерживается не любым активизмом и мобилизацией, а только сознательными действиями, основанными на знаниях и компетентности граждан.

С одной стороны, актуализируется роль хорошего образования для демократической системы, а с другой – деятельность общественных движений, которые зачастую играют роль элемента, несущего осведомленность и знания. Их участники обычно составляют ту часть общества, которая вовлечена в общественные дела на уровне выше среднего.

В контексте роли социальных движений за демократию можно сформулировать и более общие выводы. Социокультурные движения, делая упор на активизм, самоуправление и человеческую субъективность, становятся естественными союзниками не только демократических ценностей, но, прежде всего, эмпирической демократии. Можно сказать, что они предоставляют хорошую возможность практиковать и развивать гражданские качества, желаемые в условиях демократии. Более того, социальные движения оказались теми организациями, которые эффективно устраняют недостатки современной демократии в эпоху глобализации. Перенос решений по многим вопросам на глобальный уровень снизил прозрачность процесса принятия решений и заставил общество задавать вопросы о легитимности такого рода действий и формулировать выводы, которые указывали бы на дефицит демократических процедур во многих сферах принятия решений. Возникшие в результате поля недоверия и отсутствия легитимности были в некоторой степени заполнены активностью социальных движений, которые также пытаются предложить новую, лучшую версию демократии. Это последнее утверждение придает социальным движениям определенную роль в третьей демократической трансформации (первая трансформация в Древней Греции, вторая связана с возникновением национального государства и представительной демократии), связанной с отходом от доминирующей роли национального государства в пользу каких-то, пока еще неопределенных форм. Вклад социальных движений, охарактеризованный здесь в форме гражданской мобилизации, компетентности и знаний, интеллектуального активизма, продвижения модифицированных демократических процедур и акцента на максимальное прямое участие граждан в процессах принятия решений, может стать основой для нового, качественно лучшего, чем представительная версия демократии в глобальную эпоху, формата общежития. Причем, «...индикатором роста эффективности участия выступает более широкое, более инклюзивное и более оперативное участие граждан в принятии управленческих решений». [\[17, с.9\]](#) В.З. Копалиани предлагает свое видение развития социальных движений: «...по мере того, как партийная демократия истощается, общественные движения сталкиваются с собственной дилеммой. Социальные движения могут сохранять дистанцию от политики и управления ценой политического влияния и реализации желаемых результатов, как в случае с движением «желтых жилетов». Другой путь развития для них заключается в создании гражданских платформ, новых партий и общих инициатив, чтобы внести свой вклад в организацию новых форм демократического управления». [\[18, с.116\]](#)

В то же время надо осознавать, что не все общественные движения положительно относятся к демократии, что среди них есть такие, чья активность может представлять угрозу этой системе, а ценности, которые они продвигают, противоречат демократическим ценностям. Тем не менее, доминирующей чертой современных общественных движений является их продемократический характер и творческое отношение к демократической политической системе. В этом смысле они представляют собой своего рода авангард или, другими словами, анонс перемен, которые ждут современные демократии. А перемены назрели, не должно «оставаться «священных коров», а самое опасное, что может случиться с нами вслед за «лучшей» частью человечества — превратить демократию (технологии) в идола, поклоняться ему, приносить ему человеческие жертвы и заставлять поклоняться других». [\[19\]](#)

Заключение. Сформулированный выше тезис о стирании границ между конвенциональной и неинституциональной политикой и проникновении последней в традиционно определяемую политику представляется верным. Во многом это связано с той ролью, которую социальные движения играют сегодня в общественной сфере. Аргументацию в пользу этого тезиса можно обнаружить в двух основных тенденциях: первая, назовем ее системной, касается трансформаций, которые повлияли на политику, институционализированную в рамках демократических систем за последние полвека; вторая, совместная, относится к многоаспектному развитию общественных движений. Обе охватывают широкий набор факторов, которые взаимодействуют в процессе разработки неинституциональной политики и, как следствие, повышают ее ранг и уровень легитимности.

Системная тенденция относится к роли, которую сыграли изменения в политической, экономической и социальной системах с 1960-х годов. К последствиям этих изменений, существенно повлиявших на повышение значимости неинституциональной политики, относились: изменение социальной структуры и сопутствующее ослабление традиционного социального конфликта между капиталом и трудом, а, следовательно, и его смещение в сторону культурного, ослабление позиций традиционных социальных классов, особенно рабочего класса. Так, основными социальными жертвами глобализации и производственно-технологического уклада, основанного на использовании новейших информационных технологий, стали индустриальные рабочие [\[20, с. 87\]](#); растущая децентрализация капитализма и развитие глобализации; отрицание способа распределения богатства, характерного для государства всеобщего благосостояния; культурный поворот в обществе, выражающийся в смене материалистической ориентации на постматериалистическую; политическое участие в решении проблем государственной и частной сфер; кризис демократии, вызванный глобализацией; децентрализация власти с ее функциональным распылением и сокращением количества власти, остающейся в руках государства.

Можно сказать, что факторы системного характера сформировали основу для развития активности общественных движений, особенно новых, и стимулировали низовое социальное давление с целью участия в процессах принятия решений. На этом фоне можно сформулировать причины и факторы развития неинституциональной политики. Отметим следующие из них: институциональное и организационное развитие общественных движений, особенно новых; общий рост социального сознания и социальной субъектности; развитие новых медиа; поставивших политику в зависимость от опросов и сформулировавших привлекательные концепции улучшенной демократии, где важная роль в процессах принятия решений принадлежит социальному активизму.

Конечно, представленный здесь перечень факторов, в большей или меньшей степени ответственных за расширение неинституциональной политики в современных демократических системах, не является исчерпывающим. Деятельность общественных движений остается предметом интереса исследователей. Однако представляется, что сегодня этот интерес должен быть направлен на деятельность по реализации новых, усовершенствованных концепций укрепления демократии, которые особым образом фокусируются на социальных движениях и имеют эмпирическую ценность в контексте кризиса демократии. Именно это направление исследований лучше всего позволит понять и сформировать будущее политической демократии.

Библиография

1. Лапина Н.Ю. Социальный протест в глобальном мире // Актуальные проблемы Европы.

2023. № 3 (119). С. 7-25.

2. Агабабов А.Р., Левочкин Р.А. Неинституциональные формы политического участия мусульманской молодежи в современной Шотландии. Управленческое консультирование. 2021. (8). С. 117-127.

3. Tilly Ch. (2006). *Regimes and Repertoires*. Chicago–London: Chicago University Press. 240 p.

4. Dalton R. J. (1988) *Citizen Politics in Western Democracies: Public Opinion and Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany, and France*. Chatham House Publishers. 270 p.

5. McAdam, D., Tarrow, S., Tilly, Ch. (2001). *Dynamics of Contentions*. New York: Cambridge University Press. 411 p. URL: [file:///C:/Users/Acer/Downloads/2_Forys_Teoria%20Polityki-7-2023_%20\(6\).pdf](file:///C:/Users/Acer/Downloads/2_Forys_Teoria%20Polityki-7-2023_%20(6).pdf) (дата обращения: 25.06.2024).

6. Slavina A. (2021). Unpacking Non-institutional Engagement: Collective, Communicative and Individualised Activism. *Acta Sociologica*, 64(1), p. 86–102.

7. Соколов А.В., Палагичева А.В. Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте // Политическая наука. 2020. No 3. С. 266–297.

8. Rose J.D. (1982). *Outbreaks: The Sociology of Collective Behavior*. New York: The Free Press. 288 p.

9. Offe C. (1985). «New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics». W: *Social Research*, Vol. 52, No. 4: Social Movements. Greenwich Village: The New School, p. 817–868

10. Ильичева Л.Е., Паршина Е.В. Государство и гражданское общество как субъекты социального партнерства // Власть. 2024, № 2. С. 145-159.

11. Павлова Т.В. Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории. Павлова Т. В. Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории. – Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 113-124. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Pavlova_5_08.pdf (дата обращения: 30.06.2024).

12. Хенкин С. М. Массовые движения нового типа в Испании: социальный характер и политическая роль // Актуальные проблемы Европы. 2023.№3(119). С. 117-133.

13. Розанваллон П. Контрдемократия: политика в эпоху недоверия. Журнал «Неприкосновенный запас», № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/4/kontrdemokratiya-politika-v-epohu-nedoveriya.html> (дата обращения: 30.06.2024).

14. Inglehart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 464 p.

15. Пугачев В.П. Глобалистский тоталитаризм – тренд развития цифрового общества // Свободная мысль. 2021. №4 (1688). С. 5-18.

16. Даль, Р.А. Полиархия: участие и оппозиция / пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.

17. Абрамова С.Б. Цифровая партисипация: концептуализация понятия в зарубежной практике гражданской активности // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 4-14.

18. Копалиани В.З. Идеология современных социальных движений во Франции // Теория и практика общественного развития. 2022. № 12. С. 111–116.

19. Тренин-Страусов П. Д. Стоп-кран заклинило. России не нужны ни демократия, ни парламент // ИА Регнум. 10 октября 2023 г. URL: <https://regnum.ru/opinion/3838390> (дата обращения: 19.08.2024)

20. Лапина Н.Ю. Общество утраченных иллюзий // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3 (111). С. 85-11.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Неинституциональная политика и социальные движения как ее акторы»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен автором в тексте статьи.

Методология исследования. Автор не касается в статье методологии исследования и не раскрывает этот вопрос.

Актуальность Автор статьи отмечает, что «утверждение о том, что неинституциональная политика, в некотором смысле неформальная, или, иначе говоря, нетрадиционная, приобрела почти равный статус с институционализированной политикой в современных политических системах» как бы является очевидным фактом, вместе с тем, это ставит задачу более глубоко анализировать этот вопрос, для обоснования этой позиции. И далее он дает объяснение этого положения и называет две группы факторов, которые характеризуют причины развития не институциональной политики (он пишет о традиционных причинах) и новых. И показывает актуальность темы и этот вопрос он довольно подробно расписывает. Он отмечает, что Принятый тезис определяет и структуру данной статьи, в которой сначала будут рассмотрены вопросы определения неинституциональной политики, затем исторические условия роста значения неинституциональной политики в условиях политизации социальных движений, затем вопросы, касающиеся кризиса современной демократии, а также эмпирические примеры, подтверждающие данные тезисы. Основой для этого станет анализ избранных теоретических направлений, содержащихся в теории социальных движений и фундаментальных проблем современной демократии.

Научная новизна работы определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна статьи определяется также ее актуальностью и обусловлена тем, что автор пытается рассмотреть этот вопрос всесторонне.

Во введении раскрыта актуальность темы, а также дано разъяснение понятия неинституциональная политика, а также что автор вкладывает в термин неинституциональный активизм. Во введении автор также отмечает, что «в статье будет т проанализирована роль социальных движений и их действия в форме протеста в процессе разработки неинституциональной политики». Он подчеркивает, что «протест является одной из причин возрастания значимости неинституциональной политики» и это есть «центральная аналитическая категория, вокруг которой должно строиться теоретическое обоснование того, что сегодня неинституциональная политика стала частью так называемой традиционной политики».

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом научный, есть также элементы описательности, т.к. такой подход позволяет в значительной степени раскрыть термины и понятия, которые автор рецензируемой работы оперирует. Структура работы состоит из введения; двух разделов: «XX век как век социальных движений»;» Кризис и слабости демократии и неинституциональная политика» и заключения. В разделе ««XX век как век социальных движений» большое внимание уделено причинам и формам этих движений и отмечается, что основным проявлением социальных движений XX века является протест (они могут разных форм) но все они фокусируются на политическом. Он также выделяет старые и новые социальные движения и пишет, что новые социальные движения «следует рассматривать как противников современности, критиков негативных аспектов цивилизации, политических акторов, ставящих под сомнение существующий мировой порядок». В разделе «Кризис и слабость демократии и

институциональная политика» отмечается, что одной из причин растущей роли неинституциональной политики является кризис представительной демократии как формы правления», т.е. «ослабление демократических политических систем, которое проявляется в снижении явки избирателей, отсутствии прозрачности принимаемых решений и ослаблении демократических институтов и свободы». По его мнению, свою роль играет и широкое распространение цифровых медиа и их роли в обществе. Некоторые тезисы автора представляются дискуссионными и вызовут интерес специалистов. В заключении статьи приведены выводы, которые вытекают из проделанной автором работы.

Библиография работы состоит из 18 работ на русском и английском языках и они в полной мере соответствуют исследуемой теме.

Апелляция к оппонентам Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации в в ходе исследования и в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную научную тему и будет интересна читателям журнала.

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Дашибалова И.Н. Синхрония проведения советских государственных праздников и современных «городских ритуалов» (на примере г. Улан-Удэ) // Политика и Общество. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.72597
EDN: QIRTSU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72597

Синхрония проведения советских государственных праздников и современных «городских ритуалов» (на примере г. Улан-Удэ)

Дашибалова Ирина Николаевна

кандидат философских наук

старший научный сотрудник; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

670047, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, оф. 206

✉ dashibalonirina@gmail.com

[Статья из рубрики "НАСЛЕДИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2024.4.72597

EDN:

QIRTSU

Дата направления статьи в редакцию:

06-12-2024

Аннотация: Предметом исследования являются механизмы синхронии проведения советских государственных праздников и современных «городских ритуалов». Объект исследования – массовые формы традиционных и создаваемых городских праздников. Одной из форм является День города Улан-Удэ, традиция проведения которого сравнительно нова. Данный праздник имеет «следы» ушедшей эпохи: демонстрации, посвященные 1-е мая и 7-е ноября, юбилей вхождения республики в состав России, юбилей образования Бурятии. Помимо данного праздника, к городским ритуалам, имеющим явно советский след можно отнести: выборы, школьные линейки, физкультурные праздники-соревнования, парады, открытие памятников и пр. Особое внимание уделено процессу формирования и трансляции «городских ритуалов» в сравнении с советскими аналогами на основе визуальных источников (документальные фильмы, фотографии). Метод исследования: дискурс-анализ, визуальный анализ киноисточников Иркутского облкинофонда, материалы региональных СМИ и фотодокументы сайтов Республики Бурятия. Применен понятийный аппарат К. Вульфа

перформативности ритуального действия применительно к современным политическим процессам. Основными выводами исследования является выявление генезиса городских практик, конституирования городского сообщества, которые не могут быть редуцированы только к перформативным аспектам ритуального действия городского праздника. Изучение современного постсоветского праздничного мероприятия оправдано отсылкой к сложившимся устойчивым формам проведения данного ритуального действия в недавнем прошлом, в нём можно разглядеть истоки современных властных механизмов управления и специфику эмоционального менеджмента истории. Интерес к постсоветскому транзиту городских ритуалов в г. Улан-Удэ имеет не только теоретический характер, но состоит и в определении феномена городского массового праздника. Различные перформативные практики в виде празднеств, проводимые в г. Улан-Удэ, с политическим или этническим уклоном, находили своё воплощение, выводя на сцену проектировщиков события и городское сообщество. Конструирование события "День города", его подготовка и воплощение показывают его привлекательность для властных, коммерческих структур, и, в конечном счёте, для различных слоёв городского населения. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв»..) №121031000243-5.

Ключевые слова:

городское праздничное пространство, изобретаемая традиция, визуальный дискурс, перформативное ритуальное действие, эмоциональный менеджмент истории, день города, кинодокументы, советские праздники, синхрония, позднесоветская культура

Введение

Изучение структуры советского праздничного мероприятия как ритуального действия перспективно для гуманитарного знания с точки зрения анализа универсального характера социального взаимодействия и конституирования городских практик. Необходимость реконструкции городских ритуалов позднесоветской культуры позволяет обнаружить общую культурную память с современными празднествами. Взаимопроникновение советской традиции празднеств и постсоветских изобретаемых традиций имеет актуальность для поколений, заставших период позднего социализма. В данной статье пойдет речь о синхронии визуального и идеологического дискурса советских и постсоветских торжественных презентаций, проводимых в г. Улан-Удэ. Исследовательский вопрос, обозначенный автором статьи, можно определить как раскрытие политических механизмов управления на примере городских праздничных мероприятий. Вместе с тем, несмотря на стандартизацию советских и российских праздничных процессов, сохранялись региональные особенности проведения данных мероприятий. Таким образом, необходимо выделить амбивалентность и неоднозначность городского ритуала как средства культурного арсенала общегосударственного и местного управления.

Аспекты символической политики в регионах Российской Федерации

Использование символических ресурсов в администрировании регионами является широко утвердившейся управленческой и идеологической практикой. Многоуровневый характер трансляции символов, различные каналы вербальной и визуальной циркуляции символов определяют сущность символической политики [\[1, с. 66\]](#).

Методология исследования синхронии празднеств, проводимых в позднесоветский и современный периоды, опирается на ряд отечественных исследований, посвящённых региональным особенностям символической политики в РФ. Исследователи Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. изучили интенсивность политики памяти в российском политическом и социокультурном пространстве [\[2\]](#). Справедливо отмечая семантическую нагруженность понятия "политики памяти" и множественность акторов в процессе реконструкции федеральных и региональных мест памяти, авторы определяют границы "воображаемой географии" и меняющуюся карту мест памяти в связи общегосударственным историко-культурным стандартом. Для нашей темы исследования продуктивна идея взаимодействия и мобилизации этнических сообществ к конструированию мест памяти.

Аникиным Д.А. замечено, что на месте лакун советского прошлого в настоящее время создаётся пространство образов мифического прошлого в российских регионах "в условиях конкуренции за туристическую и инвестиционную привлекательность" [\[3, с. 125\]](#). Как подтверждают данные нашего исследования, не избежал указанного процесса и г. Улан-Удэ, артикулируя празднества, фестивали и городские праздники, опираясь на исторические даты и мифологемы.

Региональный маркер в конструировании символической политики активно институционализируется и масштабируется в Российской Федерации. Применение идентитарного подхода в изучении территориальной идентичности в аспекте ритуализации дано в работе Назукиной М. В., Старцевой А. С. на примере мегапроектов [\[4\]](#).

Теоретическая интерпретация советского опыта и область исследований *memory studies* также является базисной для данного исследования. В рамках статьи, обращаясь богатому багажу работ по советской политической культуре, мы ограничиваемся некоторыми, учитывая огромный пласт исследований. В частности, Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г., Моисеенко Я. Ю. обновили изучение коммеративных практик на примере визуализации и реконструкции объектов исторического прошлого [\[5\]](#).

Временные рамки, понятийный аппарат и методы исследования

Временной промежуток, анализируемый в статье берётся с 1970-х гг., периода закрепления советского идеологического фона государственных праздников до 1991 г., даты прекращения существования СССР в сравнении с современным периодом российской политической истории (1991-2015гг.).

Мы полагаем возможным применить понятийный аппарат немецкого антрополога Кристофа Вульфа, определившего перформативный характер ритуального действия применительно к современным политическим процессам [\[6, с. 144\]](#). Изучая визуальные сообщения о массовых праздниках, проводимых в г. Улан-Удэ в 1970-1980-е гг. и 1990-2010-е гг., возможно выявить устойчивость и продолжительность городских ритуалов. Использован визуальный анализ документов, а также дискурс-анализ изданий СМИ. Источниками для реконструкции служат документы Иркутского облкинофонда, материалы региональных средств массовой информации, фотодокументы сайтов Республики Бурятия.

Методологический багаж работ по теории советского праздника достаточно широк. Дискуссии о феномене советского праздника развивали 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и др. [\[7, 8\]](#).

[9, 10, 11, 12, 13](#). В работе немецкого исследователя Рольфа М. «Советские массовые праздники» доказывается тезис о политической культуре массовых праздников и привитии идеологических стандартов населению. «Праздник был политикой, а советское праздничное действо — выражением специфической формы господства» [\[14, p. 7\]](#). Данное исследование главным образом акцентирует мысль о дисциплинирующей функции советских праздников как канала проведения государственной диктатуры. Рольфом проведен детальный исторический анализ утверждения советской праздничной культуры. В его работе нам показалась близкой идея укоренения советского праздника как фактора «массовой коммуникации людей, которая была шире узкого мирка представителей партийно-государственных органов... Благодаря общению людей, стоявших на разных этажах общественной и властной иерархии, советский праздник из официального торжественного мероприятия превращался в живое культурное событие» [\[14, p. 10\]](#). С помощью праздников происходило формирование топографии городской среды, процесс, который Рольф М. назвал «колонизацией общественного пространства» [\[14, p. 271\]](#).

Необходимо отметить, что в антропологической науке есть семантическое разделение понятий «праздник» и «ритуал». С точки зрения оппозиции «частное-общее», объём понятия «праздник» уже и характеризуется противопоставлением будничной действительности. Ритуал имеет происхождение от религиозного контекста и его классическое описание воплощено в работах Э.Дюркгейма, Дж. Фрэзера, В.Тернера, К.Леви-Стросса, В.Топорова, К.Гирца и др. В настоящее время наметилась методологическая свобода в употреблении термина «ритуал» в описании современных социальных процессов, основное содержание которого состоит в сакрализации повседневной жизни, а не только строго регламентированных религиозных канонов. Черты ритуального процесса в повседневной жизни, повторяемость, театрализованность действия, представляющего собой как бы часть пьесы; «специально» выработанный стиль поведения (действия и символы используются в необычном для них значении, или используются необычные знаки или символы); упорядоченность; особое эмоционально-приподнятое состояние участников; обязательность социального значения ритуала, наличие некоторого передаваемого ритуалом социального сообщения. Таким образом, формой современного ритуала становятся школьная линейка, партийное собрание, семейное торжество и т.п.

Массовые праздники, такие как, Первое Мая, годовщина Октябрьской революции выполняли роль символического насыщения [\[15\]](#). Итак, употребление нами термина «праздник» используется не в смысле водораздела с повседневностью, а как формы ритуального действия, участники которого подвержены строгой регламентации процесса, они конституируют и репрезентируют своё сообщество при сохранении эмоционально приподнятого фона. Феномен советского праздника имел гибридный характер взаимовлияния идеологических компонентов и элементов традиционной обрядности [\[16\]](#).

Анализу советской повседневности в контексте праздника подвергает в своих исследованиях Саблин К. С., изучая укоренённость советской модели поведения и использование ресурса социальной памяти российской властью в нынешних условиях [\[17\]](#). Одной из форм, в которой используется инсценирование советской традиции массовых государственных праздников, является репрезентация современной версии Дня Победы [\[18\]](#).

Продуктивным понятием в анализе феномена советского праздника в городском

пространстве является, на наш взгляд, термин британского учёного Эрика Хобсбаума - «изобретение традиции». «Изобретённая традиция» - это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью её является внедрение определённых ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение» [\[19, с. 48\]](#). Так как культурные практики празднования новых, но в чём-то вполне традиционных праздников (от Дня ВДВ до Дня молока) становятся всё более популярными формами ритуальных действий в российских городах, возникает потребность сравнительного описания структуры современного праздника.

Одним из исследовательских инструментов, который возможно использовать в анализе практик городских мероприятий является визуальный анализ ввиду насыщенной презентации событий, регулярного медиасопровождения государственных праздников (кино-телесъёмка, фоторепортажи). Также методологическим средством описания структуры праздника является дискурс-анализ.

"Городские ритуалы". Советские сценарии

Советское прошлое, казалось бы, канувшее со всеми его идеологическими постулатами тридцать три года назад, в публичных формах позиционирования городской власти и, в особенности, в проведении массовых действий, сохраняет свой механизм функционирования. Такими повторяющимися формами, которые получили свой законченный сценарий в 1960-1980-е гг., являются торжественные собрания, вручение аттестатов на главной площади города, митинги, День Победы, День защиты детей и многие другие государственные и городские массовые праздники. Имеет смысл сопоставить, выявить различия и синхронию проектирования и проведения городских ритуалов.

Окончательный ритуальный канон проведения государственных советских праздников установился в 1970-е гг. Проектированием праздничного события в период «развитого социализма» выступали ЦК КПСС, обком и горком КПСС, обком ВЛКСМ и нижестоящие их организации. В преддверии государственного праздника включались лозунговые технологии, выпускались призывы ЦК КПСС, например, к 1 мая. Содержание ритуальных идиом повторялось десятилетиями и в них фигурировали прославление Коммунистической партии, воззвания к росту производительности производства: *«Слава передовикам и новаторам производства!»*, *«Трудящиеся Советского Союза теснее сплавивайтесь под знаменем Коммунистической партии!»* и т.п. В зависимости от текущей международной ситуации вводились политические, эмоционально окрашенные выражения, например: *«Руки прочь от Вьетнама!»*, *«Горячий привет народам колониальных стран!»*. Институт празднования имел установленный жёсткий кодекс. Накануне праздничного мероприятия в газетах публиковалась детализированная последовательность предстоящего действия.

Приведём пример циркуляра, который устанавливал порядок управления потоком масс в плане проведения демонстрации, посвященной 66-й годовщине Октябрьской революции, вышедшей в газете «Правда Бурятии» от 4 ноября 1983 г. Памятка содержала тайминг мероприятия (дата, начало демонстрации), место проведения – центральная площадь Советов. В ней формировался порядок сбора участников по коллективам, устанавливались правила построения колонн в районах города, расписывались ответственные лица и движение от пунктов построения до площади: *«Трудящиеся Железнодорожного района выстраиваются по проспекту 50-летия Октября и ул. Октябрьской – руководитель колонны В.К.Кукшинов»* [План демонстрации трудящихся г.

Улан-Удэ 7 ноября 1983 года // Правда Бурятии. 1983. 4 ноября]. В памятке указывалось регулирование транспортного направления и пропускной режим для депутатов, членов бюро обкома КПСС и горкома КПСС, исполкома Улан-Удэнского горсовета народных депутатов. Организация общественного порядка возлагалась на МВД БурАССР. Мнемонизация подобных циркуляров и систему управления массами синхронна в современной всероссийской акции «Бессмертный полк», посвященной 9 мая.

Хореография массового мероприятия происходила по утверждённому сценарию, в котором на центральную площадь сначала выходили школьники, затем студенты, спортсмены, рабочие и интеллигенция. Визуализация советской политики выражалась в обилии кумачовых флагов, портретов вождей пролетариата и транспарантов наглядной агитации. Публичные инсценировки в зависимости от актуального контекста проявлялись в костюмированных шествиях детей, одетых «космонавтами», «будённовцами», «красными следопытами». Взрослые, как правило, нарядно одевались, представляя то или иное предприятие, выстраивались в колонны, изображающие символ данной организации.

По мнению Рольфа М., накануне и в течение праздничного дня у горожан, недавних жителей деревень, вырабатывалась городская идентичность, ввиду зрительных, слуховых, осязательных включений в действо городского топоса. «Отрабатывались модели коммуникации, апробировалась тактика присвоения официальных установок, которые стали особенно актуальными, когда в процессе урбанизации послевоенного времени большинство людей превращалось в новых горожан» [14, p. 269]. Горожанину, необходимо было добраться от дома к проходной завода или фабрики, а затем в колонне идти по улицам города к его центру. И так повторялось из года в год. Из репортажа, посвящённого демонстрации 1 мая: *«Центр города сегодня приветливо даёт пристанище тысячам нарядных людей. Идут на свой праздник рабочие и служащие Улан-Удэ... Людские ручейки сливаются на главной улице в мощную реку, чтобы на площади Советов продемонстрировать и свою силу и свои достижения в труде»* [Гаученов В., Ковтун Н. Ликует столица Бурятии // Молодёжь Бурятии. 1968. 1 мая].

Описанный сюжет примечателен тем, что укоренившиеся советские праздники, а в особенности юбилейные даты (50-летие Октябрьской революции, 70-летие В.И.Ленина, 60-летие БурАССР и т.п.) служили внешним импульсом выполнения заявленных планов для предприятий, сдачи строительных объектов в городе (жилые дома, образовательные учреждения, кинотеатры), введения транспортных узлов. Поэтому праздник всегда указывал на видимые изменения, произошедшие в Улан-Удэ, подчёркивая трансформацию городского ландшафта во «всеобщем ликовании». На фотографиях, которые можно найти в любом любительском фотоальбоме 1980-х гг. запечатлены ноябрьская демонстрация на центральной улице. Здесь характерно отражены три компонента городской праздничной культуры: фреймы взаимодействия горожан в симметричном шествии и соответствующая им телесность (тесные ряды колонн, меховые головные уборы как признак статусной одежды), декорирование процессии (воздушные шары, флаги) и строящийся объект первой многоэтажной гостиницы в центре города (сдача, которого ожидалась к очередной праздничной дате) (рис.2).

Городская топография в контексте советского и постсоветского праздника явно прослеживается в трансформации площади Советов г. Улан-Удэ, которая первоначально являлась сквером, вокруг которого в праздничные даты шествовали колонны. С 1970 г. площадь была освобождена от деревьев и полностью образовывала пространство для

участников парадов и митингов. В реформенные годы она была местом митингов протестующих. В последнее время площадь Советов становится и игровым пространством (новогодние детские городки), и концертной площадкой для муниципальных фестивалей, и местом проведения молодёжных акций (флэш-мобов, сборов)

Этнический компонент и гибридизация советского праздника в регионе

Игровая сторона ритуального действия в форме советского массового праздника на местной почве воплотилась в празднике Сурхарбан. Гибридный характер данного праздника проявился в том, что традиционные летние игры бурят были превращены в физкультурный праздник с обязательным приветственным парадом участников. На стадионе имени 25-летия Октября, а с 1970 г. на городском ипподроме ежегодно в начале июля горожане собирались для просмотра спортивного зрелища. Обращают на себя внимание сходные элементы построения людей в колонны, украшенные транспарантами автомобили, флаги в руках участников, портрет В.Ленина, лозунги и плакаты по аналогичному сценарию проведения шествий, посвящённых годовщине Октябрьской революции и Первомаю. Пространственная перспектива охватывает многотысячную аудиторию зрителей-болельщиков, подчёркивая действительную массовость, а мизансцены, вытекающие из спортивного городского праздника, демонстрируют приватность общения родителей с детьми и различные возрастные страты празднующих.

Постсоветскую традицию проводить День города можно вести с 1991 г., сначала в центральных городах Российской Федерации, затем в регионах. Именно тогда, бывшие советские города, выступавшие ранее единым объектом социокультурной политики, пытались найти «свое лицо» и выделить самобытные идентификационные характеристики городской среды. Улан-Удэ начинает позиционировать себя как поликультурный центр. Интегрирующим ресурсом, используемым местной властью, становятся культуры народов Бурятии: бурят, семейских, эвенков, казаков.

Рассмотрим на примере первого Дня города, прошедшего в 1991 г. Внимание к историческому центру, обозначенное датой 325-летия основания г. Улан-Удэ, актуализировало тему строительства казаками Удинского острога в 1666г. По мнению Э. Хобсбаума «специфика «изобретённых» традиций заключается в том, что их связь с историческим прошлым по большей части фиктивна» [\[19, с. 48\]](#).

Визуальный анализ кинодокумента

Кинодокументалисты Восточно-Сибирской студии кинохроники зафиксировали юбилей г. Улан-Удэ, который отмечался в 1991 г. [киножурнал «Восточная Сибирь», 1991, выпуск №24, сюжет 1 «Юбилей города»]. Если выбор этностиля в начале 1990-х гг. был оправдан «парадом суверенитетом» и как комментирует кинохронику автор сценарного плана: *«после беспамятных застойных лет возрождаются народные обычаи и обряды»*, то использование колониальной темы – основание Удинского острога на месте священного обоо Удын Атаг вызывает по сей день активные споры у учёных, краеведов и общественников.

Как свидетельствует кинохроника, конструирование основания города казаками в 1991 г. было закреплено символическими знаками – был установлен православный крест и заложен камень с надписью: *«На этом месте будет сооружен мемориал в честь основания города. Камень установлен в год 325-летия Улан-Удэ-Верхнеудинска 06.07.1991»*, *«пока по традиции здесь открывается памятный камень до лучших времён»*. На стадионе имени 25-летия Октября был инсценирован острог, артисты, одетые в

казачью форму палили из пушки, причём данная сцена предваряла приуроченный ко Дню города Сурхарбан: *«Главное праздничное действие развернулось на стадионе, здесь и обряды национальные вспомнили и спортивные состязания провели и называется всё это одним словом Сурхарбан»*. По центральной улице Ленина шла процессия масок из буддийской мистерии Цам. *«Есть надежда придать городу недостающий национальный колорит»*, полагает автор сюжета.

Несовместимые ни визуально, ни социокультурно событийные ряды преподносились на Дне города как *«возрождение традиций»*, хотя понятно, что роли казаков и масок исполняли артисты самодеятельных ансамблей института культуры. В дождливый день 6 июля 1991 г. на Батарейной горе собрались горожане на митинг, перед началом которого выступал казачий ансамбль. Местная власть в лице членов Правительства, Верховного Совета, исполкома присутствовала на закладке камня, тем самым легитимизируя вопрос основания города в XVII веке и ритуал преемственности официальной версии городской истории в новейший период.

В данном сюжете, кроме того, обозначена тема удовлетворения народом «хлеба и зрелищ» в разгар праздничных мероприятий, поскольку праздник – это ещё и насыщение потребительских интересов. В частности, камера внимательно панорамирует торговый рынок, существовавший на площади Революции в начале 1990-х гг.: *«И взлёты и падения переживал город за свою историю. На старом гербе Верхнеудинска был изображён жезл Меркурия и рог изобилия, что означало – в городе происходит знатный торг. Сегодня с этим поскромнее. Но в праздник на прилавке всё-таки кое-что было и улан-удэцы остались довольны»*. Фиксируются торговые палатки, большое скопление народа, очереди за продуктами, рекламная растяжка: *«Спасибо за покупку!»*. Заканчивает сюжет о юбилее города, как и сам День, праздничный фейерверк.

Таким образом, постперестроечный контекст комментария ко Дню города, проводимого в 1991 г., очевиден. Но в кинохронике, несмотря, определённые клише того времени, прослеживается, что важно, установление и изобретение традиции Дня города 2000-х гг. Так, в частности, по сей день используется инструментальный потенциал позиционирования города как поликультурного центра и утверждение вектора мероприятий к «героическому прошлому». Зафиксированный на киноплёнке ритуал послужил визуальной модификацией истории основания Улан-Удэ и последующим стандартом проведения праздника Дня города. Упорядочивающий эффект достигается не с помощью традиционного выстраивания канонического нарратива (в данном случае – нормативной версии истории), но при помощи эмоциональной кодификации событий, вещей и/или символов прошлого) [\[20\]](#).

В 2010-е гг. подготовка и проведение городских мероприятий, посвящённых праздникам, проходит по близкому позднесоветским праздникам сценарию. Проектировщиком события выступает Администрация г. Улан-Удэ, муниципальные организации. Легко обнаружить сходный контекст использования юбилейной даты в пропагандистском дискурсе плана мероприятий и освещения его в прессе. В отсутствии новейшей сильной идеологической платформы происходит активация использованных риторических приёмов, озвученных в своё время в 1970-1980-е гг. Данное формальное сходство опирается на привлечение аналогичных административных ресурсов, но, прежде всего, на мнемонизацию публичных зрелищ, в которых сочетались массовость и декорация городского пространства. Подобную хронологическую сшивку можно обозначить как монтаж истории, без учета логики совместимости событий [\[21\]](#).

День города в течение 1990-2010-х гг. менял свою дату проведения, что было связано с текущей управленческой политикой Администрации города. Он отмечался летом, приурочивался к концу учебного года и к празднику Сурхарбан. В проведении Дня города происходили вариации в зависимости от бюджета и действующих лиц. В частности, в 2000-х гг., в Улан-Удэ открывали памятники в скверах, на транспортных развязках ко Дню города. Несмотря на все изменения, реализация праздничных мероприятий сохраняется, с каждым годом утверждая и расширяя церемониал.

Как ритуал ежегодного перехода День города показывает публичность и определённую отчётность органов местной исполнительной и законодательной власти в лице Администрации г. Улан-Удэ, Городского Совета депутатов перед жителями города. Репрезентация городского сообщества конституируется в лице формальных молодёжных объединений, общественных организаций, Городского Совета ветеранов, национально-культурных центров, территориального общественного самоуправления (ТОС), которые включены в подготовку и проведение мероприятий. Например, не первый год ко Дню города приурочиваются хозяйственно-бытовые акты, вместе с тем изменяющие на локальном уровне городскую среду — конкурсы на лучший двор среди управляющих организаций, открытие детской игровой площадки, открытие сквера. В инсценированное действие активно включаются представители подструктур городской власти (комитетов), учреждения культуры, спорта, здравоохранения [\[17\]](#).

Автопрезентация городской власти, интегрирующей связь с населением города, выступает в формате митингов, торжественных собраний, награждения победителей конкурсов, открытия выставок, поздравления новорожденных, родившихся в День города. Позиционирование поликультурности, синтез уличного и классического искусств, демонстрация спортивных достижений, пропаганда здорового образа жизни выражаются в соответствующем репертуаре. Так, в 2015 г. в ритуальные эпизоды были введены инклюзивный турнир по настольным играм, турнир по национальной борьбе, фестиваль скандинавской ходьбы, соревнования на турниках. Праздник имеет различные локации от центра к периферии, от главной площади Советов до отдалённых микрорайонов, используя уличное, площадное, парковое пространство.

День города выражает публичное зрелище, в котором дети – участники творческих коллективов, спортсмены, состязающиеся в турнирах, члены делегаций из городов-побратимов, представители духовенства, презентующие открытие храма, эстрадные артисты, приглашённые на праздник объединяются в символической точке сборки – *«Улан-Удэ – мой светлый солнечный город»* (одна из метафор, использованная в медиаконтексте праздника).

Таким образом, День города Улан-Удэ не являясь официальным «красным» днём в календаре праздничных дат, а обычным выходным выполняет сходные с позднесоветскими праздниками функции формирования символического сообщества.

Частная жизнь жителя современного города всё более атомизируется. Частная жизнь жителя современного города всё более атомизируется. В подтверждении данного тезиса приведём результаты эмпирического социологического исследования, проведённого ИМБТ СО РАН в 2019 г. В большей мере люди рассчитывают решать собственные насущные проблемы самостоятельно, всего по общей выборке – 75,6% населения РБ. По подвыборкам: русские – 76,7%, буряты – 74,8%, другие национальности – 62,8% [\[23, с.140\]](#).

Фиксацию атомизации горожанина осуществили пермские социологи, определив перенос

частных практик в публичную сферу на примере огородных форм в городском пространстве, "оукливание" социальной жизни в пределах домашних хозяйств как экономическую и социокультурную стратегию [\[24\]](#).

Горожане не участвуют более в обязательном порядке, массово в ритуальном действии, часть из них занимается обычными домашними делами, часть выезжает на природу, те, кто не планировал попасть на событие, могли оказаться на праздничных площадях случайно в роли зрителей. Но конкурсанты, участники мероприятий выступают репрезентантами всех улан-удэнцев и обрамляющий торжество вечерний фейерверк закрепляет эмоциональный фон празднующего городского сообщества. «Независимо от того, что думают о своих действиях отдельные участники ритуала важен успех его исполнения...Они производят полноту символических значений, благодаря которой возникают культурные взаимосвязи, выходящие за границы чистого представления и повышающие комплексность социального события» [\[6, с. 152\]](#).

Каждый год День города условно проводит разделительную линию между прошлым и будущим, фиксируя устремление к «круглой дате», в 2024 г. исполнилось 358-летие города. В медиадискурсе, названиях выставок подчёркивается исторический контекст: «Улан-Удэ в панораме трёх веков», «350 достопримечательностей Улан-Удэ», «Верхнеудинская ярмарка», «От Верхнеудинска до Улан-Удэ». Сконструированное ритуальное действие городского праздника тем самым устанавливает естественность различия между до и после, между тем, что было когда-то давно, что было вчера и что есть сегодня.

Региональная идентичность горожан на примере конструирования Дня древнего города

Использование эмоциональных "скреп" опирается проектировщиками Дня города не только на использование советских символов достижительных установок, но и на конструируемую «древнюю историю». Рассмотрим на примере проекта «День древнего города» в рамках ежегодного Фестиваля гуннской культуры, проводимого с 2011г. Данный сюжет был инициирован Фондом возрождения исторического наследия «Гуннский фонд» при поддержке Администрации города и Правительства РБ. Описываемый праздник, имеющий контекст гуннского периода истории Бурятии и наличие археологического памятника – Иволгинское городище близ Улан-Удэ, дало обоснование инициаторам считать город древнейшим в России. Со стороны Администрации г. Улан-Удэ событие имеет функцию туристического, инвестиционного проекта [\[17\]](#).

К празднику приурочивают этнофестиваль народов Бурятии «Караван дружбы», фестиваль декоративно-прикладного искусства «Город дарханов», выступления клубов исторической реконструкции, городское ралли «Дорогами империи Хунну», соревнования по национальной борьбе, стрельбе из лука и скачки, показ коллекций дизайнерской одежды, ярмарку ремёсел. Проводимый городской ритуал размещается на различных площадках, как в самом г. Улан-Удэ, так и в пригороде, тем самым обозначая анимированное и желаемое расширение границ пространства Улан-Удэ: Этнографический музей, Иволгинский археологический комплекс (16 км от Улан-Удэ), гора Тобхор (Иволгинский район Республики Бурятия). Поскольку событие является визуально ярким, с костюмированным представлением и активным использованием игрового начала в виде спортивных состязаний, привлечением сенсорных манков (постановка оперы Д.Верди «Аттила» под открытым небом, запахи национальной кухни,

приготовленной на костре, прогулки в лесопарковой зоне, возможность облачиться в средневековый костюм и т.д.), у горожан «гуннское» ритуальное действие находит отклик и они включаются в данный перформанс. Содержание дискурса об Улан-Удэ в этом сюжете подаётся как «древняя столица гуннов», «самый древний город России», «первый город империи хунну», «северная столица гуннов», «древнейший город мира», «форпост гуннской цивилизации».

В событии можно обнаружить аккумуляцию энергий как властных структур, так и общественных организаций. Городская власть использует культурный потенциал с целью расширения административных границ, включив территорию Иволгинского городища. Исторический ресурс (исследования археологов, экспертиза специалистов музейного дела) привлекается для попытки увеличить возраст Улан-Удэ на две тысячи триста лет. Парадокс заключается в том, что обращение к историческому наследию имеет только парадный характер, в повседневной реальности территория археологического комплекса находится в заброшенном состоянии.

Анализ содержания риторики ритуальных идиом 1980-х гг. и современного праздничного дискурса вскрывает аналогичные приёмы идеологического освещения советских демонстраций, сурхарбана и современного Дня города, хотя данные события по смыслу различны (табл.1).

Таблица 1

«Преемственный характер идеологического дискурса городских ритуалов
позднесоветского
и постсоветского периодов в г. Улан-Удэ»

Риторические приёмы	1980-е	2010-е
Идиома достижительности	«мы отмечаем то лучшее, ч т о <u>добились</u> к этому времени»	«наши флагманы производства <u>доказали</u> миру, стране и республике, чем мы можем сегодня гордиться»
Идиома направленности на («светлое») будущее время	«к _____ н о в ы м <u>успехам</u> , орденоносная!»	«все вместе <u>мы сможем</u> Улан-Удэ процветающим городом России»
Констатация привлекательности города	«от наших стараний <u>хорошеет</u> жизнь, город, республика»	«Улан-Удэ с каждым годом становится ярче и <u>комфортабельней</u> »
Описание массовости праздника	«и вот в столице <u>полноводно</u> сурхарбан <u>р а з л и л с я</u> зрелищем красоты, бодрости и здоровья»	«и, разумеется, что присуще всем временам - <u>м а с ш т а б н ы е</u> народные гуляния»
Идиома направленности на («героическое») прошлое время	«о ж и в а ю т <u>страницы</u> <u>истории</u> родины Октября»	«это город с уникальной и <u>древней историей</u> »
Акцент на	«радость только тогда	«мы все как одна семья

поликультурность	бывает полной, когда она положена на сотни и тысячи сердец, когда она <u>всенародна</u> »	чествуем именинника – столицу Республики Бурятия»
------------------	---	---

(по материалам репортажей газет «Правда Бурятии», «Молодёжь Бурятии», «Бурятия»)

На основе визуальных сообщений можно проследить сходные компоненты социальной интеракции устроителей празднеств и населения в позднесоветский и постсоветский периоды. Как указывал Гофман И., «социальные отношения предполагают постоянную диалектику ритуалов преподнесения и ритуалов избегания» [22, с. 97]. Такими практиками являются ритуалы избегания и преподнесения акторов – проектировщиков праздников в формате нахождения на трибунах, у микрофонов, речей руководителей, перерезания ленточки на открытии нового градостроительного объекта. Со стороны реципиентов праздника – жителей города позиционируются знаки почитания, благодарения, выражающиеся в приветствии флажками, шарами, хоровых исполнениях гимнов, концертных номерах.

Значительные временные расхождения в городской праздничной культуре Улан-Удэ периодов 1970-1980-х гг. и 1991-2010-х гг., главным образом, воспроизводят идеологический/постидеологический характер торжеств [26]. Современные праздники, отражая постмодернистское и атомизированное состояние социума, прежде всего, носят региональный аспект, они коммерциализированы, для населения имеют потребительскую функцию, событие имеет повод, но не всегда смысл. В них выделяется маркетинговая составляющая, подключающая профессиональные творческие силы. Нынешние городские мероприятия более театрализованы, синкретизируют этнический и религиозный компоненты (Сагаалган, Масленица, Троица). Как и прежде, власть апеллирует к центру в надежде на дополнительное федеральное финансирование к юбилейным датам [17].

В анализируемых позднесоветских и постсоветских артефактных событиях выявляются, вместе с тем, общие элементы, такие как структурирование городского хронотопа (годовой цикл от даты к дате), презентация и легитимация власти, использование значительных финансовых ресурсов, самоорганизация городских сообществ, этническое лицо праздника как символическая игра и симулякр реальности в презентации городского праздника [27].

Заключение

Безусловно, вопрос генезиса городских практик, конституирования городского сообщества не может быть редуцирован только к перформативным аспектам ритуального действия городского праздника. Система проведения подобных мероприятий сложилась и базируется на постоянных компонентах: перформанс сюжета из истории Бурятии, награждения, выступления профессиональных и самодеятельных фольклорных коллективов артистов, торговые ярмарки. Местная власть в лице Администрации города опирается на производство символов, которые фокусируют публичность городского сообщества, стимулируя коммуникацию и представление авторитета. Инструментальный и креативный потенциал праздников используется местной властью для привлечения инвестиций, в том числе федерального уровня. Развлекательно-потребительский характер городской праздничной культуры востребован для бизнес-сообществ и молодёжи.

Праздник обладает мощным инструментом мобилизации и выступает интегрирующим ресурсом. Вместе с тем, изучение современного постсоветского праздничного мероприятия оправдано отсылкой к сложившимся устойчивым формам проведения данного ритуального действия в недавнем прошлом, в нём можно разглядеть истоки современных властных механизмов управления и специфику эмоционального менеджмента истории. Интерес к постсоветскому транзиту городских ритуалов в г. Улан-Удэ имеет не только теоретический характер, но состоит и в определении феномена городского массового праздника. Различные перформативные практики в виде празднеств, проводимые в г. Улан-Удэ, с политическим или этническим уклоном, находили своё воплощение, выводя на сцену проектировщиков события и городское сообщество. Конструирование события День города, его подготовка и воплощение показывают его привлекательность для властных, коммерческих структур, и, в конечном счёте, для различных слоёв городского населения.

Библиография

1. Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 112–136. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-112-136
2. Аникин Д. А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Logos et Praxis. 2012. № 3. С. 126-131.
3. Тульчинский Г. Л. Нарратив в символической политике: Уровни и диахрония // Символическая политика. 2016. № 4. С. 65-83.
4. Назукина М. В., Старцева А. С. Мегапроекты как инструмент политики идентичности в регионах России (на примере универсиад в Казани и Красноярске) // Ars Administrandi. 2023. Т. 15. № 1. С. 84-102.
5. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г., Моисеенко Я. Ю. Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 154-171.
6. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб.: Интерсоцис, 2009. 164 с.
7. Петров Н. В. Не только историческая память: споры о прошлом, настоящем и будущем // Фольклор и антропология города. 2024. Т. 6. № 1-2. С. 7-12.
8. Баранова Е. В., Орлова В. Д. «Гуляй смело»: советские праздники и ритуалы. Жизненные стратегии калининградцев // Союз Советских Социалистических Республик как историко-культурный феномен: национально-государственное строительство. 2022. С. 289-295.
9. Барышева Е. В. Публика и зрители советских праздников 1920–1930-х гг // История и архивы. 2023. № 3. С. 56-70.
10. Разлогов К. Э., Кочеляева Н. А. Новые памятные даты и праздники как способ конструирования новой идентичности на советском экране // Советское кино как эстетический и социокультурный феномен в международном контексте. 2022. С. 29-40.
11. Астахова И. С. Массовые праздники в повседневной жизни населения городских поселений арктической Якутии 1950–1980-е гг. (на материалах Верхоянского района Республики Саха (Якутия)) // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12. С. 285-291.
12. Паниотова Т. С., Романенко М. А. Навык воображать будущее: утопическое измерение советских революционных празднеств // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 2. 2022. С. 577-592.
13. Красильникова Е. И., Наумов С. С. Празднование трехсотлетних юбилеев сибирских городов как отражение государственной и региональной политики памяти (1904–2016 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 81-88.

14. Rolf M. Soviet mass festivals, 1917–1991. University of Pittsburgh Pre, 2013.
15. Иллерицкая Н. В. Мифы и ритуалы романтического периода советской истории: о монографии Е.В. Барышевой «"В веселом грохоте, в огнях и звонах": советский праздник в социальном конструировании нового общества» // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 4-2. С. 303-310.
16. Ломакин А. В. «Конструируя праздник»: ленинградские власти и организация праздничных мероприятий (1956–1957 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 2 (47). С. 100-105.
17. Саблин К. С., Валиева О. В. Креативные индустрии в современной экономике: определение, подходы к измерению // Вопросы теоретической экономики. 2024. Т. 24. № 3. С. 31-49.
18. Kolesnik M. A. et al. The Art of Decorating Mass Soviet Holidays (1918–1923) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2023. Т.16. No 11. Pp. 1918-1935.
19. Хобсбаум Э. Изобретение традиции. Пер. с англ. Панарина С. // Вестник Евразии. 2000. Вып. 8-11. С. 48-62.
20. Baiburin A., Piir A. When we were happy: remembering soviet holidays // Petrified Utopia: Happiness Soviet Style. 2009. Pp. 161-185.
21. Sadomskaya N., Dragadze T. Soviet Anthropology and Contemporary Rituals [with Discussion] // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1990. Pp. 245-255.
22. Гофман И. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.
23. Дашибалова И. Н. Представления этнических групп Бурятии о социальной нестабильности // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 134-143. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.17
24. Шушкова Н. В., Лейбович О. Л., Кабацков А. Н. Большой город в постсоветском пространстве // Мир России. Социология. Этнология. – 2004. – Т. 13. – № 1. – С. 91-105.
25. Šveļ A. Staging the Transnistrian identity within the heritage of Soviet holidays // History and Anthropology. 2013. Т. 24. No 1. Pp. 98-116.
26. Zelče V. The Transformation of 'Holiday' in Post-Soviet Space: Celebrating Soviet Victory Day in Latvia // Europe-Asia Studies. 2018. Т. 70. No 3. Pp. 388-420.
27. Kelly C., Sirotinina S. 'I didn't understand, but it was funny': Late Soviet festivals and their impact on children 1 // Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism. Routledge, 2012. Pp. 103-129.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная для публикации в журнале «Политика и Общество» статья представляет собой глубокое исследование, посвященное анализу советских государственных праздников и их эволюции в контексте современных городских ритуалов на примере Улан-Удэ. Автор демонстрирует широкий спектр методологических подходов и теоретических рамок, что придает работе значительную глубину и многогранность. Однако, несмотря на обширный анализ и богатую библиографию, статья страдает от ряда недостатков, которые ограничивают её влияние и убедительность.

В методологическом аспекте статья опирается на сильные методы, такие как визуальный анализ и дискурс-анализ, что позволяет глубже понять динамику праздничных мероприятий и их влияние на городскую культуру. Применение понятийного аппарата

антропологии и социологии, особенно идеи «изобретенной традиции» Эрика Хобсбаума, обогащает исследование и подчеркивает его актуальность.

С точки зрения исторической перспективы статья действительно охватывает значительный временной промежуток, начиная с 1970-х годов и заканчивая современными праздниками, что позволяет читателю увидеть эволюцию ритуалов и их связь с политической и социальной динамикой в стране. Углубленный анализ местных особенностей празднования в Улан-Удэ делает исследование особенно ценным для понимания региональных вариаций в проведении праздников, что часто упускается в более общих исследованиях. Вместе с тем, автор игнорирует ряд отечественных исследований, посвященных региональным аспектам символической политики в РФ, что свидетельствует о слабой проработанности степени научного задела искомой проблематики.

Несмотря на обилие исследовательского материала, статья страдает от недостатка логической структуры. Переходы между разделами и темами порой выглядят произвольно, что затрудняет восприятие материала. Четкое разделение на главы с подзаголовками могло бы улучшить навигацию по тексту, подразделы следует выделять полужирным шрифтом.

Также автор в основном сосредотачивается на описании и анализе ритуалов, но недостаточно акцентирует внимание на критическом осмыслении их влияния на общество и индивидуальное сознание. Например, как современные праздники могут отражать или противоречить исторической памяти и идентичности жителей Улан-Удэ?

К значимому недостатку предложенной публикации также можно отнести наличие крупных обобщений и недостаток эмпирических данных. Некоторые выводы, особенно касающиеся современного восприятия праздников, кажутся чрезмерно обобщенными. Например, утверждение о том, что «частная жизнь жителя современного города все более атомизируется», требует более детального анализа и подтверждения эмпирическими данными, сведениями социологических опросов и исследований.

Список литературы представлен 20 позициями, что недостаточно для столь глубокой идеологической проблематики, при этом многие из источников выглядят недостаточно проанализированными. Например, использование визуальных материалов могло бы быть более обоснованным и проиллюстрированным конкретными примерами.

Статья «Синхрония проведения советских государственных праздников и современных «городских ритуалов» (на примере г. Улан-Удэ)» является важным вкладом в изучение городской культуры и ритуалов в постсоветском пространстве. Однако для достижения более убедительного и глубокого анализа автору следует улучшить структуру текста, углубить критическую рефлексию и предоставить больше эмпирических данных. Несмотря на эти недостатки, работа открывает новые горизонты для дальнейших исследований в области культурной антропологии и социологии, ее следует качественно доработать и направить на рецензирование повторно.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Уже несколько десятилетий прошло с момента распада Советского Союза, а это значит, что сегодня активно идет по жизни поколение, которое не застало государства, занимавшее пространство на 1/6 части суши. Уходят в прошлое многие элементы повседневной жизни советского человека, на смену им приходит новая культура с

присущими ей чертами. Впрочем, и советская культура отличалась в разные временные периоды: так, в 1930-е гг. большую роль играл День памяти Парижской коммуны, почти забытый в 1960-1970-е гг. В этой связи вызывает интерес изучение праздничной культуры современной России, формировавшейся на базе позднесоветской.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является синхрония проведения советских государственных праздников и современных «городских ритуалов». Автор ставит своими задачами проанализировать символическую политику в регионах Российской Федерации, показать преемственный характер идеологического дискурса городских ритуалов позднесоветского и постсоветского периодов на примере г. Улан-Удэ. Хронологические рамки статьи охватывают «период с 1970-х гг., периода закрепления советского идеологического фона государственных праздников до 1991 г., даты прекращения существования СССР в сравнении с современным периодом российской политической истории (1991-2015гг.)».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать взаимопроникновение советской традиции празднеств и постсоветских изобретаемых традиций на примере г. Улан-Удэ.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 27 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежных англоязычных материалов. Из используемых исследований отметим работы Н.В. Петрова, Э. Хобсбаума, К. Вульф, в центре внимания которых находятся вопросы исторической памяти, а также труды Д.А. Аникина, М. Рольфа, А.В. Ломакина, в центре внимания которых находятся различные аспекты праздничных мероприятий в советский и постсоветский периоды. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как праздничной культурой, в целом, так и трансформацией в нашей стране, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «советское прошлое, казалось бы, канувшее со всеми его идеологическими постулатами тридцать три года назад, в публичных формах позиционирования городской власти и, в особенности, в проведении массовых действий, сохраняет свой механизм функционирования» (торжественные собрания, вручение аттестатов на главной площади города, митинги, День Победы). В тоже время автор обращает внимание на то, что «современные праздники, отражая постмодернистское и атомизированное состояние социума, прежде всего, носят региональный аспект, они коммерциализированы, для населения имеют потребительскую функцию, событие имеет повод, но не всегда смысл». В работе показано, что «инструментальный и креативный потенциал праздников используется местной властью для привлечения инвестиций, в

том числе федерального уровня».

Главным выводом статьи является то, что «изучение современного постсоветского праздничного мероприятия оправдано отсылкой к сложившимся устойчивым формам проведения данного ритуального действия в недавнем прошлом, в нём можно разглядеть истоки современных властных механизмов управления и специфику эмоционального менеджмента истории».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, снабжена таблицей, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках конструирования городского сообщества.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Политика и Общество».

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Константинов М.С., Поцелуев С.П., Пупыкин Р.А. Концепт «Русский мир» в идеологических установках южнороссийской студенческой молодёжи (по материалам социологических исследований 2015–2021 гг.) // Политика и Общество. 2024. № 4. С.126–147. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.72682 EDN: VQAQPX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72682

Концепт «Русский мир» в идеологических установках южнороссийской студенческой молодёжи (по материалам социологических исследований 2015–2021 гг.)

Константинов Михаил Сергеевич

ORCID: 0000-0003-2781-789X

кандидат политических наук

доцент, кафедра теоретической и прикладной политологии; Институт философии и социально-политических наук; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

✉ konstantinov@sfedu.ru

Поцелуев Сергей Петрович

доктор политических наук

профессор, кафедра теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

✉ spotselu@mail.ru

Пупыкин Роман Александрович

кандидат политических наук

зав. кафедрой; институт философии и социально-политических наук; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

✉ proman2006@mail.ru

[Статья из рубрики "ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2024.4.72682

EDN:

VQAQPX

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2024

Дата публикации:

14-12-2024

Аннотация: В статье на материале серии социологических исследований студенческого сознания Юга России (2015–2021 гг.), проведённых сотрудниками Южного федерального университета, анализируются динамические характеристики концепта «русский мир». Актуализация данного концепта в студенческом сознании произошла на фоне украинского кризиса 2014-го года и испытала определённую трансформацию с 2015-го по 2021-й год. Так, по данным ВЦИОМ за ноябрь 2014 года, 70 % респондентов только в ходе самого опроса впервые узнали о выражении «русский мир». Уже в 2015 г. авторским коллективом было зафиксировано достаточное знакомство студентов с указанным концептом. Однако в 2019 г. повторное исследование позволило выявить существенное уменьшение знаний студентов о содержании данного концепта. Произошли некоторые структурные изменения положения исследуемого концепта в студенческом сознании. Методологической основой исследования стала серия фокус-групп, а также анкетный опрос по репрезентативной выборке. В процессе анализа собранных средствами анкетного опроса данных применялись факторный, корреляционный и регрессионный виды статистического анализа. В результате установлена специфика деконтекстации концепта «русский мир» в студенческом сознании, а также изменение концептуальных рамок интерпретации указанного концепта. В частности, было установлено, что в 2015 г. деконтекстация концепта «русский мир» в структуре ценностей студенческого сознания происходила в правом идеологическом спектре (вплоть до праворадикальных трактовок), однако в 2019 г. указанный концепт чаще помещается в культурно-цивилизационный контекст в структуры студенческой идентичности. Выявлены также ключевые факторы, оказывающие влияние на процесс деконтекстации концепта «русский мир» (переменные цивилизационного выбора, идентичности и социальных ценностей). Общий вывод по результатам проведённого исследования: несмотря на то, что указанные переменные содержательно пересекаются с тремя представленными в медийном пространстве современной России смыслами концепта «русский мир» (имперско-цивилизационным, суперэтническим и православно-цивилизационным), происходящие в студенческом сознании сдвиги говорят о более глубоких изменениях – о всё большей укоренённости исследуемого концепта в структурах студенческой идентичности, а не только на поверхностном уровне идеологических установок.

Ключевые слова:

когнитивно-идеологическая матрица, идеология, идеологический концепт, идеологическая установка, русский мир, групповое сознание, ценностная динамика, студенческая молодёжь, анкетный опрос, Юг России

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности проект № FENW-2022-0027, тема: «Русский Донбасс: политические рубежи и культурные фронтиры»).

Вряд ли будет преувеличением сказать, что своим стремительным превращением в один из важных концептов российского публичного дискурса выражение «Русский мир» обязано украинскому кризису 2014 года и его драматичной эволюции в последующем. Когда в ноябре 2014 года ВЦИОМ провёл опрос^[1] с целью выяснить, какой смысл вкладывают россияне в понятие «Русский мир», оказалось, что 70 % респондентов только в ходе самого опроса впервые узнали о таком выражении. Характерно, однако, что при этом 75 % респондентов относили к «Русскому миру» территорию Донбасса (75 %), тогда как земли Центральной и Западной Украины, скорее, не воспринимали как части «Русского мира» (56 % были такого мнения).

Настоящая статья посвящена исследованию интерпретаций «Русского мира» студенческой молодёжью российского Юга. Данные для анализа были получены в ходе трёх серий социологического обследования студенческого сознания.

Материалы и методы

Серийное социологическое обследование студенческого сознания проводилось сотрудниками Южного федерального университета совместно с коллегами из Южного научного центра РАН. В качестве целевой группы в серии исследований было представлено студенчество Юга России, обучавшееся в вузах г. Ростова-на-Дону и Ростовской области с 2010 по 2021 гг. Анкетные опросы проводились весной 2015 г. (N=718, стандартное отклонение $\pm 3,7$ %) в пяти вузах Ростовской области (ЮФУ, РГУПС, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, ДонГАУ и ДГТУ); осенью 2019 г. (N=812, стандартное отклонение $\pm 3,4$ %) в четырёх вузах Ростовской области (ЮФУ, РГУПС, ЮРГПИ им. М.И. Платова, Институт водного транспорта им. Г.Я. Седова); весной 2021 г. (N=785, стандартное отклонение $\pm 3,5$ %) в четырёх вузах Ростовской области (ЮФУ, РГУПС, ЮРГПИ им. М.И. Платова, Институт водного транспорта им. Г.Я. Седова). Гендерный состав во всех трёх опросах удалось выдержать близким к отношению 50 % юношей на 50 % девушек.

На первом этапе изучения собранных массивов данных применялся факторный анализ. В качестве меры связи использовались коэффициенты корреляции; факторизация проводилась методом главных компонент, а вращение факторов – методом варимакс. Затем проводился более глубокий корреляционный анализ, по результатам которого применялся регрессионный анализ. Регрессионный анализ достаточно эффективен для раскрытия некоторого единства представлений респондентов о той или иной проблеме. При этом предполагалось, что положительное или отрицательное значение коэффициентов уравнения линейной регрессии позволяет делать предположения о влиянии друг на друга переменных. Анализ корреляций позволяет выявить зависимости между установками респондентов, а регрессионный анализ позволяет определить позицию переменных в структуре студенческого сознания и динамику идеологических концептов [подробнее см.: 7–9]. Результат регрессионного анализа может быть проиллюстрирован графами взаимовлияния переменных. Для отображения этого взаимовлияния использовались следующие условные обозначения:

– исходный момент (независимая переменная);

– центральный момент (переменная, зависящая от других переменных, но при этом определяющая последующие переменные);

– терминальный момент (переменная, полностью зависящая от других переменных);

Внутри значка указывается номер переменной, под которым она значится в таблице.

Результаты

В данных за 2015 г. сразу же выявился зонтичный для концепта «русский мир» биполярный фактор. Положительный его полюс был образован следующими переменными: лозунги «Россия только для русских!» (0,577), «Хватит кормить Кавказ!» (0,542), «Даёшь "русскую весну" в РФ!» (0,535), «За славянское братство!» (0,521), «Бей жидов – спасай Россию!» (0,486), «Русские своих не бросают!» (0,464), «Россия должна быть империей!» (0,454), «Место женщины – на кухне, а не в политике!» (0,407), «Нация – всё, индивид – ничто!» (0,334), «Долой олигархов!» (0,333), а также проблемы отношения к нерусской речи (0,380) и определения «русского мира» (0,256). Отрицательный полюс этого фактора образовали следующие переменные: «Какие ценности (традиции) для Вас наиболее значимы? (ценности русского мира)» (-0,366), «Как бы Вы охарактеризовали свои идейно-политические убеждения (национально-патриотические)» (-0,299), предпочтение информационным ресурсам «Газеты "Слово Русским", "Завтра", "Русский порядок", "Вести славян Юга России"» (-0,269). Любопытно, что концептуальное содержание «русского мира» в данном факторе оказалось отделено от его ценностного содержания и противопоставлено ему.

При факторном анализе данных за 2019 г. переменная концепта «русский мир» оказалась уже в группе второго биполярного фактора с достаточно высоким значением факторной нагрузки 0,766. Положительный полюс второго фактора образовали следующие переменные: лозунги «Россия только для русских!» (0,938), «Славяне всех стран, соединяйтесь!» (0,788), «Хватит кормить другие народы!» (0,773), «Право оно или нет, но это моё Отечество!» (0,724), «Все люди равны от природы!» (0,718), «Личная свобода и права человека неприкосновенны!» (0,686), «Сохраним природу для наших детей!» (0,630), «Верните наши пенсии» (0,569), представление о мировой войне (0,886), о перспективе втягивания России в региональную войну (0,644), а также опасение утраты национального суверенитета вследствие международной изоляции и технического отставания от передовых стран (0,654) как главные угрозы для России в ближайшие 10–15 лет, представление о патриоте России как о человеке, который «хочет видеть Россию демократической страной с господством либеральных ценностей» (0,802) и при этом «осуществляет идейную борьбу с влиянием иностранной культуры и либеральных ценностей» (0,595), отношение к законам, регулирующим сеть Интернет (0,631), доверие к Российским СМИ, включая Интернет (0,628), проблема цивилизационного выбора России (0,595). Отрицательный полюс составили социальная ценность «Лидерство, способность вести за собой других людей» (-0,433) и пол (-0,732). Здесь мы видим, с одной стороны, бóльшую консолидацию концептуального пространства понятия «русский мир».

В данных за 2021 г. исследуемая переменная также оказалась в биполярном факторе. Положительный его полюс, помимо переменной «русского мира», составили первый и второй ранги наиболее значимых ценностей («хорошая, дружная семья» (0,442) и «интересная работа» (0,417)), а также второй, пятый и шестой ранги чувства общности с другими людьми («люди, близкие мне по политическим взглядам» (0,324), «люди моей национальности» (0,403), «люди одного со мной вероисповедания» (0,411)). Отрицательный полюс данного фактора составляют пятый и шестой ранги социальных ценностей («мир во всём мире» (-0,447) и «экологическое благополучие» (-0,463)), а также восьмой и девятый ранги чувства общности с другими людьми («жители всей Земли» (-0,553) и «люди, близкие мне по культуре» (-0,442)). Здесь также любопытно, что концепт «русского мира» оказался в амбивалентном контексте. Но если в 2015 г.

речь шла о противопоставлении концептуального содержания ценностному (которые оказались на двух полюсах одного фактора), то данные за 2021 г. чётко разделили действие фактора на позитивную сторону семейных, национальных и религиозных ценностей, связанных с концептом «русский мир», а с другой – отрицательной – стороны, противопоставлены универсалистским ценностям и космополитической идентичности. При этом похоже, что сами факторы, связанные с концептом «русский мир» менялись с 2015-го по 2021-й годы как в содержательном, так и в ценностном аспектах. В 2015 г. большее значение имели идеологические факторы (особенно правой части политического спектра), но уже с 2019-го года начинается размывание этих факторов в пользу вопросов культурно-цивилизационного выбора и идентичности. Можно предположить также, что сам концепт «русского мира» занимал различное положение в структуре студенческого сознания в зависимости от политической конъюнктуры, а также социально-экономической повестки, представляя собой, по сути, один из «мигрирующих» идеологических концептов, выявленных нами в прошлых исследованиях [9].

Таким образом, предварительный факторный анализ показал, что ключевыми факторами выступают переменные, связанные с идеологическим спектром студенческого сознания, а также вопросами цивилизационного выбора, идентичности и социальных ценностей. Любопытно, что эти три ключевых аспекта во многом пересекаются с выделенными другими авторами тремя базовыми концептами русского мира: **имперско-цивилизационным**, **суперэтническим** и **православно-цивилизационным** [см., например: 13, 2, 1, 3, 6, 11].

Рисунок 1. Концептуализация «русского мира» в студенческом сознании (2015 г.)

Как видно из приведённых на Рис. 1 данных, почти треть опрошенных (31,5 %) затруднились идентифицироваться с каким-либо из предложенных вариантов определения «Русского мира»: имперско-цивилизационным, панславянским и православно-цивилизационным. Из этих вариантов, однако, наиболее популярным оказался первый, т. е. определение русского мира как «проекта возрождения

Российской империи, включающей в себя разные этносы, испытавшие влияние русской культуры» (29,7 %). Еще почти 16 % опрошенных идентифицировались с определением «Русского мира» как «проекта объединения славян в единое государство», и еще 13 % выбрали толкование «русского мира» как «великой миссии русского народа – объединение всех православных в единую цивилизацию».

В целом, концепт русского мира, даже если он определялся в великодержавно-имперских и мессианских терминах, тяготел в ответах наших респондентов к его цивилизационной трактовке. При этом анализ сопряжений данной переменной с другими переменными показал, что большинство респондентов, выбравших цивилизационную трактовку «русского мира», оценивали скорее отрицательно либо однозначно отрицательно распад СССР, и в подавляющем большинстве (85–93 %) целиком либо скорее положительно относились к присоединению Крыма к России.

В этом контексте особый интерес представляет анализ сопряжений между интерпретацией концепта «русский мир» и трактовкой цивилизационного выбора России (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Контингентность интерпретации «русского мира» с трактовкой цивилизационного выбора России (в процентах по столбцам; 2015 г.)

	Какое из приведённых ниже определений «русского мира» В считаете наиболее удачным?					
	1.	2.	3.	4.	5.	6
С каким из приведённых ниже суждений Вы бы согласились?	Это – проект объединения славян...	Это – проект возрождения Российско империи...	Это – проект геополитического противостояния США...	Это – великая миссия русского народа...	Другое	Затруд ответ
Россия всегда была имерией с ведущей ролью в ней русской нации, включающей великороссов, малороссов и белорусов	18,4	8,0	9,8	14,0	4,8	5,
Лучшее будущее для России – интеграция (экономическая, культурная, политическая) в европейскую цивилизацию	4,4	4,2	13,7	1,1	23,8	6,
Россия всегда была и должна оставаться многонациональной цивилизацией с	32,5	41,8	15,7	40,9	9,5	28

ведущей ролью православия и русской культуры						
Россия была, есть и будет великой евразийской державой со своими геополитическими интересами	15,8	16,0	19,6	18,3	28,6	15
Россия должна перестать искать свой «особый путь», а лучше подумать о том, как быстрее вступить в Евросоюз и НАТО	0,0	0,0	3,9	0,0	0,0	0,
После распада СССР Россия утратила роль мировой державы, но в настоящее время её себе возвращает	21,9	27,7	31,4	19,4	9,5	26
После распада СССР Россия превратилась в страну «третьего мира» и может претендовать только на роль регионального лидера	3,5	0,9	0,0	2,2	9,5	4,
Затрудняюсь ответить	3,5	1,4	5,9	4,3	14,3	11

Среди тех, кто в 2015 году трактовал русский мир как «проект возрождения Российской империи, включающей в себя разные этносы, испытавшие влияние русской культуры», самым популярным (41,8 %) оказался концепт России как «многонациональной цивилизации с ведущей ролью православия и русской культуры». Аналогичная картина у сторонников толкования русского мира с акцентом на православие (русский мир как «великая миссия русского народа – объединение всех православных в единую цивилизацию»): здесь тоже 40,9 % идентифицировались с концептом России как «многонациональной цивилизации с ведущей ролью православия и русской культуры». Любопытна также высокая степень идеологизированности респондентов, определившихся с пониманием концепта «русского мира»: в первых четырёх группах («объединение славян», «имперское возрождение», «геополитическое противостояние с США» и «великая миссия русского народа») крайне малое количество затруднившихся с ответом, что в целом не очень характерно для опрошенных нами студентов. Достаточно

высокой является также степень политизации в этих четырёх группах респондентов: 28,1 %, 31,9 %, 43,1 %, 24,7 % соответственно из них интересуются политикой постоянно, а ещё 48,2 %, 51,6 %, 33,3 %, 64,5 % – интересуются время от времени.

Для проверки этого наблюдения посмотрим на сопряжение идеологических самоидентификаций респондентов с их трактовкой «русского мира», а затем сравним с их отношением к ключевым идеологическим лозунгам (см. Таблицы 2 и 3).

Таблица 2. Контингентность интерпретации «русского мира» с идеологическими самоидентификациями (в процентах по столбцам; 2015 г.)

Как бы Вы охарактеризовали свои идейно-политические убеждения? (не более двух вариантов ответа)	Какое из приведённых ниже определений «русского мира» Вы считаете наиболее удачным?					
	1.	2.	3.	4.	5.	6
	Это – проект объединения славян...	Это – проект возрождения Российской империи...	Это – проект геополитического противостояния США...	Это – великая миссия русского народа...	Другое	Затрудн ответ
Консервативные	15,9	19,5	20,0	15,2	17,2	15
Либеральные	20,7	20,8	24,3	16,8	17,2	23
Большевистские	0,7	0,6	0,0	2,4	0,0	0,
Национально-патриотические	15,9	14,3	8,6	17,6	3,4	8,
Фашистские	0,0	1,0	4,3	0,0	0,0	0,
Национал-социалистические	3,4	3,2	5,7	3,2	0,0	1,
Коммунистические	6,9	6,2	5,7	6,4	6,9	3,
Социалистические	6,9	10,7	10,0	12,0	17,2	6,
Анархические	2,8	1,3	2,9	1,6	13,8	0,
Монархические	1,4	8,8	5,7	7,2	0,0	5,
Иное	4,1	1,6	1,4	0,8	13,8	2,
Затрудняюсь ответить	21,4	12,0	11,4	16,8	10,3	31

Из анализа приведённых в таблице 2 данных можно заключить, что все четыре рассмотренные группы, как правило, позиционируют себя в качестве консерваторов и/или либералов, а также национал-патриотов (но здесь несколько меньше самоидентификаций со стороны сторонников геополитического противостояния с США) и социалистов. Сравним эти самоидентификации с реальным идеологическим содержанием студенческого сознания.

Таблица 3. Контингентность интерпретации «русского мира» с положительными (сумма «полностью согласен» и «что-то в этом есть») оценками политических лозунгов (в процентах по столбцам; 2015 г.)

	Какое из приведённых ниже определений «русского мира» Вы считаете наиболее удачным?

Определите своё отношение к следующим лозунгам:	1.	2.	3.	4.	5.	6.
	Это – проект объединения славян...	Это – проект возрождения Российско империи...	Это – проект геополитического противостояния США...	Это – великая миссия русского народа...	Другое	Затруднительно ответить
Россия только для русских!	45,6	36,1	33,3	43,0	9,6	24,4
Фашизм не пройдёт!	81,6	82,1	78,4	84,9	85,7	76,1
Долой олигархов!	57,9	67,1	64,7	64,6	38,0	47,3
Личная свобода и права человека неприкосновенны!	93,0	90,1	90,2	91,4	90,4	85,9
Хватит кормить Кавказ!	36,9	35,2	43,2	40,9	23,8	27,9
Долой пятую колонну!	25,4	34,3	33,3	31,2	33,3	19,9
Нация – всё, индивид – ничто!	16,6	18,3	19,6	18,3	0,0	8,5
Русские своих не бросают!	90,4	87,3	78,5	89,3	66,7	69,9
Россия должна быть империей!	52,6	67,6	51,0	60,2	23,8	41,2
Бей жидов – спасай Россию!	25,4	19,3	19,6	30,1	9,5	10,6
Даёшь «русскую весну» в РФ!	19,3	21,6	19,6	23,7	4,8	10,2
Место женщины – на кухне, а не в политике	38,6	33,8	37,2	42,0	28,5	31,0
За славянское братство!	76,3	66,7	56,8	68,8	47,6	42,5
Все расы равноценны!	79,8	82,5	82,4	81,7	81,0	77,4

Мы видим, что в соответствии с данными, приведёнными в Таблице 3, к праворадикальным лозунгам «Россия только для русских!» и «Бей жидов – спасай Россию!» наибольшие симпатии испытывают сторонники этнической концепции «русского мира» («проект объединения славян») и православно-цивилизационной («миссия русского народа по объединению всех православных в единую цивилизацию»). В этих же двух группах наибольшее число сторонников шовинистического лозунга «Место женщины – на кухне, а не в политике!».

При этом если посмотреть на обратную зависимость, то можно увидеть, что из числа тех, кто полностью или частично согласен с лозунгами «Россия только для русских!» и «Хватит кормить Кавказ!» наибольшее число (60,3 % и 58,2 %, соответственно) выбрали

позицию «"Русский мир" – это проект возрождения Российской империи». На этой же позиции максимальное число сторонников фашистского лозунга «Нация – всё, индивид – ничто!» (67,1 %). Впрочем, данный лозунг также поддерживают сторонники этнической концепции «русского мира» (40,8 %). Вполне логично, что наибольшее количество сторонников лозунга «Россия должна быть империей!» выбирают имперский концепт «русского мира» (74,7 %), по сравнению с 30,9 % «этнической» концепции и 28,9 % «православно-цивилизационной». Любопытно распределились также симпатии сторонников лозунга «Даёшь "русскую весну" в РФ!»: наибольшее количество респондентов, выбравших эту позицию, одновременно склонны к интерпретации «русского мира» как проекта возрождения Российской империи (75,8 %), в то время как «этническая» концепция набрала только 35,3 %, а «православно-цивилизационная» – 33,3 %. Не менее интересно также, что и за «славянское братство» «имперцы» выступают с бóльшим энтузиазмом (67,8 %), чем «этническая» группа (40,1 %); правда, ещё большее количество испытывающих симпатию к лозунгу «За славянское братство!» одновременно высказывает предпочтения «православно-цивилизационной» концепции «русского мира».

Теперь посмотрим на проблему интерпретации «русского мира» с точки зрения идентичности студентов (см. Таблицу 4).

Таблица 4. Контингентность интерпретации «русского мира» с идентичностью (в процентах по столбцам; 2015 г.)

Какие ценности (традиции) для Вас наиболее значимы? (не более двух вариантов ответа)	Какое из приведённых ниже определений «русского мира» Вы считаете наиболее удачным?					
	1.	2.	3.	4.	5.	6.
	Это – проект объединения славян...	Это – проект возрождения Российской империи...	Это – проект геополитического противостояния США...	Это – великая миссия русского народа...	Другое	Затрудился ответить
Общечеловеческие ценности	31,9	33,8	39,8	34,7	37,8	33,1
Ценности русского мира	9,0	8,1	3,6	13,2	8,1	5,9
Традиции моего народа	12,4	11,9	6,0	9,0	10,8	11,1
Ценности моей религии	3,3	9,1	4,8	7,2	2,7	6,1
Традиции Донской земли	3,8	11,0	1,2	2,4	0,0	2,1
Традиции моей семьи (моего рода)	19,0	15,7	15,7	19,2	10,8	15,1
Ценности моих друзей и коллег	1,9	3,0	1,2	0,6	0,0	3,1
Мои личные ценности	17,6	13,5	25,3	11,4	27,0	15,1
Другое	0,0	0,8	1,2	0,0	2,7	0,1

	31,5	22,9	22,9	22,9	22,9	22,9
Затрудняюсь ответить	1,0	1,3	1,2	2,4	0,0	6,1

Результаты анализа данных из таблицы 3 обескураживают: студенты, тем или иным способом проинтерпретировавшие «русский мир», к ценностям самого этого мира достаточно равнодушны. Все четыре исследуемые группы в качестве приоритетных отметили общечеловеческие ценности, личные и семейные. Здесь мы можем пока зафиксировать, что в 2015 г. концепт «русского мира» в студенческом сознании тяготел скорее к ценностям правой части идеологического спектра, нередко балансируя на грани умеренного консерватизма, национального патриотизма и правого радикализма. То есть, в 2015 г. концепт «русского мира» имел весьма идеологизированное содержание, но не был укоренён в более глубинных ценностных структурах идентичности.

С 2015-го по 2019-й год произошёл сдвиг в студенческом сознании в сторону большего интереса к внутрироссийским проблемам [5, 10]. Это не могло не сказаться на студенческих представлениях о концепте «русский мир» (см. Рис. 2).

Рисунок 2. Динамика отношения к идее «русского мира» с 2019 по 2021 гг.

Из приведённых на Рис. 1 данных мы можем увидеть, что за исследованный период доля затруднившихся с ответом респондентов сократилась с 31,5 % в 2015 г. (см. Рис. 1) до 22,9 % в 2021 г. с параллельным ростом количества студентов, признавшихся в отсутствии интереса к данному феномену, в сосредоточенности на своём собственном мире.

Посмотрим теперь, изменились ли связи концепта «русский мир» с другими переменными. Начнём с анализа идеологических саморепрезентаций и лозунгов (см. Таблицы 5 и 6).

Таблица 5. Контингентность установки на поддержку «русского мира» с идеологическими

саморепрезентациями (в процентах по столбцам; 2019 г.)

Как бы Вы охарактеризовали свои идейно-политические убеждения?	Должна ли Россия на государственном уровне поддерживать «Российский мир» в какой форме?				
	1.	2.	3.	4.	5.
	Однозначно должна...	Должна поддерживать, но только не на государственном уровне, а в частном порядке...	Возможно должна, но в зависимости от ситуации...	«Русский мир» – это чреватое войной измышление русских националистов...	Я толком не знаю, что такое «Русский мир», мне больше нравится свой собственный мир во всем мире
Консервативные	17,7	13,6	7,5	5,8	2,8
Либеральные	21,0	15,2	30,2	22,3	26,9
(Национал)-большевистские	1,6	0,0	0,0	0,8	1,4
Национально-патриотические	6,5	0,0	4,7	0,8	2,8
Фашистские	1,6	3,0	0,0	0,8	0,0
Национал-социалистические	0,0	4,5	1,9	0,8	0,7
Коммунистические	8,9	1,5	7,5	24,0	9,0
Социал-демократические	4,0	13,6	12,3	11,6	12,4
Анархические	3,2	4,5	2,8	3,3	2,1
Монархические	3,2	7,6	2,8	0,8	1,4
Экологические	4,0	13,6	4,7	6,6	8,3
Феминистские	2,4	6,1	2,8	4,1	4,8
Другое	0,0	1,5	0,9	3,3	2,1
Затрудняюсь ответить	25,8	15,2	21,7	14,9	25,5

Выявленная на основе анализа данных таблицы 5 особенность идеологических самоидентификаций показывает весьма расплывчатые представления студентов о тех идеологических контекстах, в которых имеет социальное бытие концепт «русского мира»: мы видим, что зависимость отношения к данному концепту от идеологических саморепрезентаций весьма невысока. Большая часть студентов либо предпочла «затрудниться с ответом», либо позиционирует свои взгляды как либеральные (на этом фоне любопытно выглядит довольно высокая политическая грамотность «коммунистов»). Это, в частности, подтверждает сделанный нами в прошлых работах вывод о сдвиге идеологических предпочтений студентов в леволиберальную сторону. Попробуем посмотреть на эту проблему с содержательной точки зрения, проанализировав корреляции между различными установками на «русский мир» с позитивным отношением к политическим лозунгам (см. Таблицу 6).

Таблица 6. Контингентность установки на поддержку «русского мира» с положительным отношением (в сумме ответов «полностью согласен» и что-то в этом есть») к идеологическим лозунгам (в процентах по столбцам; 2019 г.)

Как бы Вы охарактеризовали свои идейно-политические убеждения?	Должна ли Россия на государственном уровне поддерживать «Российский мир» в какой форме?				
	1.	2.	3.	4.	5.
	Однозначно должна...	Должна поддерживать, но только не на государственном уровне, а в частном порядке...	Возможно должна, но в зависимости от ситуации...	«Русский мир» – это чреватое войной измышление русских националистов...	Я толком не знаю, что такое «Русский мир», мне больше нравится собственный мир во всем мире
Личная свобода и права человека неприкосновенны!	92,8	98,4	97,2	94,3	93,8
Yankee go home!	55,6	59,1	36,8	32,2	28,3
Все люди равны от природы!	83,0	87,9	83,0	75,2	82,1
Верните наши пенсии!	88,7	89,4	85,9	82,7	75,1
Иван, запахни душу!	55,6	54,5	46,2	29,7	29,0
За равенство полов!	66,1	78,8	68,8	77,7	64,1
«Перемен требуют наши сердца!..»	81,4	84,9	89,7	87,6	74,5
Все беды России – результат жидомасонского заговора!	52,5	57,6	33,0	21,5	27,6
Хватит кормить другие народы!	79,8	71,2	79,2	51,2	64,1
Свободу Интернету!	81,4	87,9	84,0	90,1	82,8
Сохраним природу для наших детей!	93,5	92,4	93,4	91,8	89,6
Россия только для русских!	47,6	39,4	29,3	10,8	15,9
Право оно или нет, но это моё Отечество!	73,4	54,5	51,9	21,5	37,9
Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний	31,8	66,7	45,3	59,5	35,9

приходит, буржуй!					
Славяне всех стран, соединяйтесь!	67,0	66,7	54,7	27,3	37,2
Чувства атеистов тоже можно оскорбить!	57,2	72,7	65,1	71,9	65,5

Анализ реальных идеологических предпочтений студентов также показывает любопытную вещь: из их представлений о «русском мире» исчезла идеологическая определённости, содержание данного концепта «размазано» по всем идеологическим установкам, в основном, либерального и леволиберального толка. То есть, независимо от того, какую установку государства к «русскому миру» выбирает студент, он признаётся в высокой для него ценности личной свободы и прав человека, идей равенства и т. д. Подобные aberrации, конечно, можно было бы объяснить реинтерпретацией концепта «русский мир» как «свои, родные», но из таблицы 8 видно, что понятие «свой» не имеет ни этнической, ни расовой подоплёки. Причём, такая «всеядность» характерна только для концепта «русский мир»: в отношении других ценностей и установок позиция студентов гораздо более определённая. Особенно любопытно соотношение концептов «Россия однозначно должна на государственном уровне поддерживать "Русский мир"» и «Хватит кормить другие народы»: выражающийся во втором концепте шовинизм благосостояния никак не соотносится с требованиями поддерживать «русский мир» на государственном уровне. Более или менее последовательную позицию, как это нередко бывает, занимают только те респонденты, которые критически оценивают концепт «русского мира» (позиции 5 и особенно 4 в столбцах таблицы), но и их установки недостаточно устойчивы. Таблицы сопряжений за 2021 год приводить не будем ради экономии места, однако как было показано выше, за полтора года – с осени 2019 г. по 2021 г. – произошедшие в сознании студентов сдвиги не касались проблематики «русского мира».

Характерные для 2015 г. правоконсервативные, этнонациональные и даже праворадикальные установки, «обрамлявшие» концепт «русского мира», практически полностью исчезли к 2019 г. С одной стороны, как показали наши групповые интервью и фокус-группы, студенты попросту гораздо меньше знают о «русском мире», их мало заботит в 2019 г. эта проблематика. Можно сказать даже больше: в процессе анкетированного опроса практически в каждой группе находился респондент, просивший пояснить, что такое «русский мир». В процессе проведения опроса 2015 г. таких вопросов не задавал никто. Но, с другой стороны, совсем исчезнуть из повестки концепт «русского мира» не мог: он периодически появлялся в СМИ и соцсетях, поэтому студенты так или иначе должны были с ним сталкиваться в медийном пространстве. Они могли вытеснить его на периферию своего сознания, но не полностью исключить. Поэтому обратимся к анализу корреляций между ценностями идентичности и представлений о сопричастности.

Таблица 7. Контингентность установки на поддержку «русского мира» с уровнем самоидентификации (выбрана позиция «в значительной степени») (в процентах по столбцам; 2019 г.)

	Должна ли Россия на государственном уровне поддерживать «Русский мир»?				
	инной форме?				
	1.	2.	3.	4.	5.
В какой степени	Однозначно	Должна	Возможно	«Русский мир» – я толком не	

В какой степени Вы ощущаете чувство общности с другими людьми? Для меня «мы» это – ...	однозначно должна...	должна поддерживать, но только не на государственном уровне, а в частном порядке...	возможно должна, но в зависимости от ситуации...	«русский мир» это чреватое войной измышление русских националистов...	и только не знаю, что такое «Русский мир», меня больше мой собственный мир волнует
Люди, разделяющие мои взгляды на жизнь	65,3	81,8	63,2	62,8	57,9
Люди, близкие мне по политическим взглядам	41,1	37,9	23,6	40,5	16,6
Жители моего города	34,7	25,8	18,9	21,5	13,8
Граждане России	42,7	25,8	24,5	19,8	17,9
Люди моей национальности	41,1	25,8	21,7	11,6	13,8
Люди одного со мной вероисповедания	40,3	25,8	13,2	10,7	13,1
Люди, говорящие на одном со мной языке	46,0	37,9	26,4	21,5	24,1
Жители всей Земли	38,7	43,9	21,7	36,4	31,0
Люди, близкие мне по культуре	48,4	40,9	39,6	38,8	36,6

Здесь (в таблице 7) мы видим гораздо более последовательную позицию респондентов по отношению к содержанию концепта «русский мир»: сторонники поддержки «русского мира» кроме традиционно высоких для студенчества связей с единомышленниками (с «людьми, разделяющими мои взгляды на жизнь»), с большей вероятностью выбирают такие потенциальные составляющие «русского мира», как национальность, язык, вероисповедание и культура. И наоборот: критически относящиеся к политике России в отношении «русского мира» гораздо более прохладно относятся к перечисленным ценностям, и с большим энтузиазмом выбирают политическую и космополитическую самоидентификацию. Из этого можно сделать предварительный вывод о том, что концепт «русского мира» из идеологического концепта мигрировал на гораздо более глубокий уровень идентичности, так, как это в своё время произошло с коммуникативной ценностью Интернета [см.: 4]. Но для проверки этой гипотезы обратимся к данным 2021 г. В отличие от анкеты 2019-го года, где респондентов просили отметить по каждому из самоидентификаций степень общности, в анкете 2021 г. студентам предлагалось ранжировать эти общности по степени убывания значимости. Такой способ позволяет получить гораздо более чёткое представление о специфике самоидентификации

респондента (см. Таблицу 8).

Таблица 8. Контингентность установки на поддержку «русского мира» с уровнем самоидентификации (в зависимости от ранга) (в процентах по столбцам; 2021 г.)

В какой степени Вы ощущаете чувство общности с другими людьми? Для меня «мы» это – ...	Должна ли Россия на государственном уровне поддерживать «Русский мир» в той или иной форме?					
	1.	2.	3.	4.	5.	6.
	Однозначно должна...	Должна поддерживать, но только не на государственном уровне, а в частном порядке...	Возможно должна, но в зависимости от ситуации...	Россия не должна официально поддерживать идею «русского мира»	«Русский мир» – это чреватое войной измышление русских националистов...	Я так не думаю, что «Русский мир» – это миф, болтовня, соблазнительная воля...
Люди, разделяющие мои взгляды на жизнь	56,3	60,0	64,2	67,9	55,6	6
Люди, близкие мне по политическим взглядам	27,7	36,0	30,3	46,4	22,6	2
Жители моего города	34,5	28,0	28,4	35,7	18,5	3
Граждане России	40,3	28,0	34,9	39,3	24,2	2
Люди моей национальности	37,0	40,0	26,6	46,4	17,7	2
Люди одного со мной вероисповедания	34,5	40,0	26,6	28,6	12,9	1
Люди, говорящие на одном со мной языке	40,3	42,0	33,9	35,7	20,2	2
Жители всей Земли	42,9	40,0	30,3	28,6	14,5	2
Люди, близкие мне по культуре	43,7	40,0	34,9	32,1	13,7	2

Например, критически настроенные респонденты (выбравшие позицию «"Русский мир" – это чреватое войной измышление русских националистов...») чаще ставили на более высокий ранг самоидентификацию с гражданами России, чем с людьми одной национальности; они даже вероисповедание сочли более важным фактором для самоидентификации, чем национальность (меньшие, по сравнению со всеми остальными

проценты говорят, прежде всего, о том, что иерархия идентичностей этих респондентов имеет другую последовательность; более сложная таблица могла бы отразить различия в структурах, но существенно осложнила бы восприятие текста; поэтому пришлось воспользоваться усреднёнными значениями). И наоборот: сторонники первой в столбцах таблицы позиции («Однозначно должна поддерживать...») политическую самоидентификацию ставили гораздо ниже, чем другие респонденты, предпочитая общегражданскую, языковую, религиозную и культурную. Если несколько переименовать название одного из очень известных политологам сборников трудов, то вполне можно сказать: «Идентичность имеет значение» [\[12\]](#). В данном контексте идентичность оказывается гораздо более действенной переменной для объяснения смыслового контекста концепта «русский мир». При наблюдаемом за последние годы идеологическом размывании данного контекста в студенческом сознании, всё более чёткие очертания получает протоидеологический, более глубокий уровень деконтекстации данного концепта. Проверить эту гипотезу можно при помощи регрессионного анализа.

В 2018 г. авторы уже проводили регрессионный анализ ценности «русского мира» в структуре идеологических установок студенческого сознания (на материалах опроса 2015 г.) [\[9, с. 160-171\]](#), выявив достаточно высокую прочность связей этих ценностей с идеологическими установками: t -критерий по отношению ко всем позициям оказался более требуемого значения t -критерия Стьюдента. Несмотря на некоторые колебания студенческих интерпретаций в сторону этнической и/или имперской проблематики, регрессионный анализ данных за 2015 г. показал существенную зависимость трактовки «русского мира» от идеологических установок и ценностей. Ничего подобного в 2019-2021 гг. выявить не удалось. Возможно, что как мы видели по результатам корреляционного анализа, студенческое сознание просто было более идеологизировано в 2015 г. (по причинам «посткрымского воодушевления»), чем в 2019 и 2021 гг., когда пик воодушевления уже прошёл.

Попробуем теми же методологическими средствами проверить нашу гипотезу о всё более углубляющемся в структуры студенческого сознания процессе деконтекстации концепта «русский мир» протоидеологическими концептами, связанными с идентичностью. Для этого построим регрессию для данных, представленных в таблицах 7 и 8. И хотя не все переменные продемонстрировали достаточно плотные связи, результат построения можно увидеть на рис. 3.

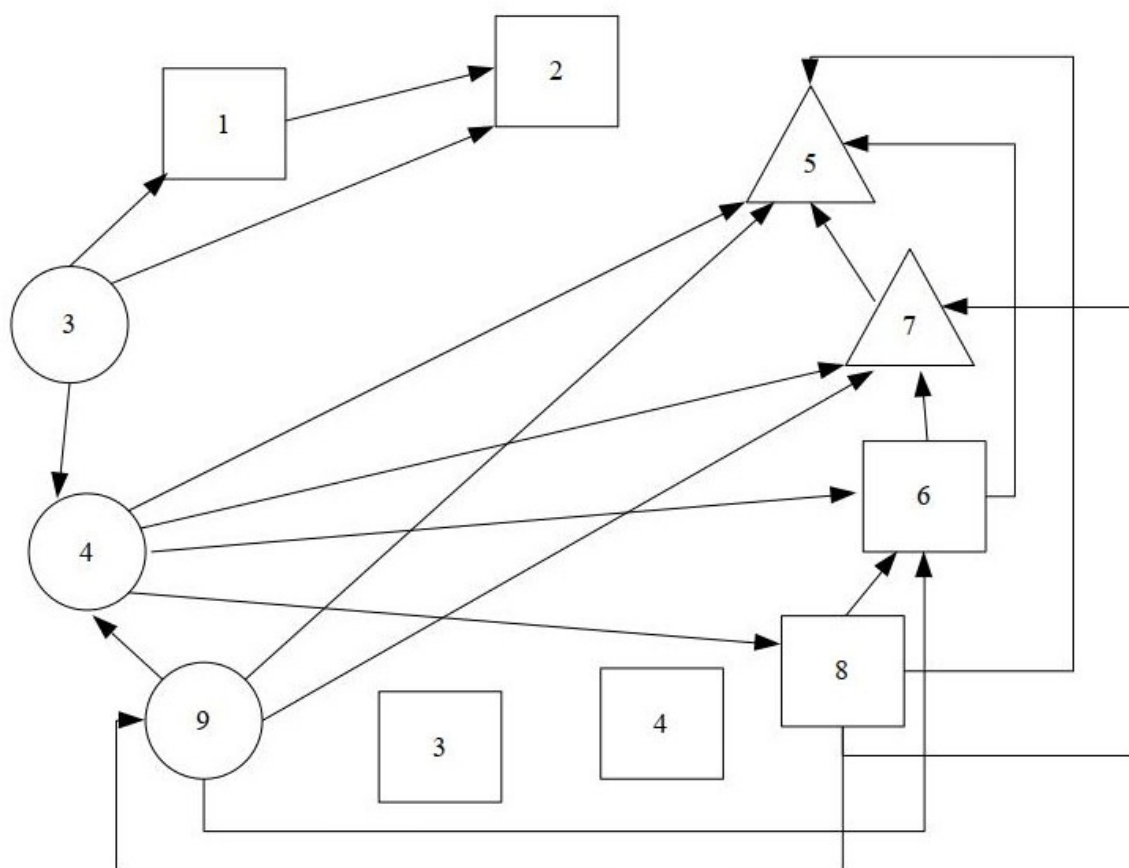

Рисунок 3. Граф взаимовлияний установок на поддержку «русского мира» с переменными общности (2021 г.)

1. Люди, разделяющие мои взгляды на жизнь (центральный)
2. Люди, близкие мне по политическим взглядам (центральный)
3. Жители моего города (исходный)
4. Граждане России (исходный)
5. Люди моей национальности (терминальный)
6. Люди одного со мной вероисповедания (центральный)
7. Люди, говорящие на одном со мной языке (терминальный)
8. Жители всей Земли (центральный)
9. Люди, близкие мне по культуре (исходный)

Из представленного на рис. 3 графа видно, что процесс связывания концепта «русский мир» с идентичностями ещё не завершился, не все переменные связаны между собой, однако уже на этом материале можно увидеть кристаллизацию двух исходных моментов: пока достаточно зыбкой локальной идентичности, связывающей отношения общности с единомышленниками (переменные 1 и 2) и гражданской идентичностью (переменная 4). Тем не менее, весь этот фрагмент пока «повешен в воздухе», не имеет укоренённых связей с другими переменными (вернее, эта связь нестабильна). Другой исходный момент сам зависит от космополитической идентичности («Люди всей Земли»), но сам при этом определяет три другие «почвеннические» идентичности: этнонациональную, языковую и религиозную. Причём, этнонациональная и языковая идентичности

оказываются терминальными, зависимыми от всех остальных переменных. На этом основании можно предположить, что в студенческом сознании завершается процесс деидеологизации концепта «русский мир» и деконтекстации этого концепта в более глубоких структурах идентичности, основанных не на идеологических предпосылках, а на культурном фундаменте.

Выводы

Проведённое исследование подтвердило выдвинутые по результатам первичного факторного анализа гипотезы о миграции концепта «русский мир» в студенческом сознании с 2015-го по 2021-й гг. Если в 2015 г. деконтекстация указанного концепта происходила в основном в идеологических контекстах, с сильным уклоном в правый спектр, то уже с 2019-го года в студенческом сознании происходит переосмысление концепта «русский мир» в пользу культурно-цивилизационных контекстов и идентичности. В результате ключевыми факторами, оказывающими влияние на деконтекстацию указанного концепта, становятся переменные цивилизационного выбора, идентичности и социальных ценностей. Несмотря на то, что указанные переменные содержательно пересекаются с тремя представленными в медийном пространстве современной России смыслами концепта «русский мир» (имперско-цивилизационным, суперэтническим и православно-цивилизационным), происходящие в студенческом сознании сдвиги говорят о более глубоких изменениях: о всё большей укоренённости исследуемого концепта в структурах студенческой идентичности, а не только на поверхностном уровне идеологических установок.

Библиография

1. Гранский А. Д. Русский Мир в поисках содержания // Россия в глобальной политике. 2017. № 4. С. 186–201.
2. Дробижева Л. М. Каким Русский мир видят россияне // Информационный портал фонда «Русский мир» [Электронный ресурс]. URL: <https://ruskiymir.ru/publications/193790/%20> (дата обращения: 10.11.2024).
3. Закатов А. Н. «Русский Мир», «Русский Миръ» и Всероссийское цивилизационное пространство // Ценности и смыслы. 2017. № 1 (47). С. 8–23.
4. Константинов М. С. Интернет как глубинная коммуникативная ценность в сознании студенческой молодёжи (по результатам анкетированных опросов 2015–2021 гг.) // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 10 (172). С. 18–24.
5. Константинов М. С., Пупыкин Р. А. Социально-политические установки и ожидания студенческой молодёжи Ростовской области (по материалам анкетированного опроса 2019 г.) // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2020. № 1. С. 193–202.
6. Кочеров С. Н. Русский мир: проблема определения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. С. 163–167.
7. Лукичёв П. Н. Пограничные идеологемы правого радикализма в студенческой среде Ростовской области (по материалам социологического исследования) // Обзор. НЦПТИ. 2018. № 1. С. 34–49.
8. Переяслова И. Г., Колбачев Е. Б., Переяслова О. Г. Статистика / И. Г. Переяслова, Е. Б. Колбачев, О. Г. Переяслова, Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 288 с.
9. Поцелуев С. П., Константинов М. С. Мигрирующие концепты правого радикализма в аттитюдах студенческой молодёжи Дона // Политическая наука. 2018. № 4. С. 146–178.
10. Поцелуев С. П., Константинов М. С., Лукичёв П. Н. От энтузиазма «Крымской весны» – к фрустрациям «русской зимы»? О когнитивных сдвигах в сознании студенческой молодёжи Юга России (по материалам серии социологических исследования 2015–2020

гг.) // Власть. 2020. № 2 (28). С. 190–198.

11. Тимофеев С. Е. Идеологема «русский мир» в современном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. № 1 (9). С. 186–199.

12. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу под ред. Л. Харрисон, С. Хантингтон, Москва: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.

13. Российское общество в контексте новых реалий (исследование) // Информационный портал фонда «Русский мир» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruskiymir.ru/publications/184509/> (дата обращения: 10.11.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена репрезентации концепта "Русский мир" в сознании студенческой молодежи на примере Ростова-на-Дону и Ростовской области. Автор описывает проведенное эмпирическое исследование, которое проводилось в несколько этапов в период с 2010 по 2021 гг. Сразу возникает вопрос, почему не анализировались события после начала Специальной Военной Операции, а также бросается в глаза полное отсутствие теоретико-методологической части исследования. Концепту "Русский мир" посвящено огромное количество отечественной и зарубежной научной литературы, данный термин активно употребляется в общественно-политическом дискурсе, особенно в контексте событий на Украине в течение последних 3 лет. Вместе с тем, автор не уделяет никакого внимания анализу доктринальных и политико-правовых источников, публичных выступлений первых лиц Российского государства, а также материалов в СМИ. В отрыве от данной теоретической и доктринальной источниковой базы трудно сделать вывод о том, что данное исследование опирается на релевантное для современного научного дискурса понимания доктрины Русского Мира. Идеологический спектр студенческих оценок также анализируется в отрыве от современных теоретических подходов к изучению политической морфологии и дискурса идентичности. Вместе с тем, данное исследование представляет определенный интерес с научной точки зрения, но без контекста и теоретико-аналитической рамки оно не представляется актуальным для читательской аудитории журнала "Политика и общества". Рекомендуются "пересобрать" статью с точки зрения использования отдельных эмпирических материалов на примере Российского Юга и сопоставления идеологических сдвигов с актуальными политическими событиями сквозь призму современных социологических исследований и замеров. В целом статья написана на хорошем научном языке, однако список литературы представлен довольно бедным количеством источников, и не вполне ясно, как проводилась валидация результатов исследования. Более того, визуализация статьи не проработана, таблицы отражаются некорректно и не видны целиком, их слишком много, что затрудняет восприятие материала читателем. Рекомендуется ввести более емкий подход к изложению исследовательских данных.

Также в статье наблюдаются отдельные элементы публицистического стиля, которые желательно было бы исключить: "Вряд ли будет преувеличением сказать, что своим стремительным превращением в один из важных концептов российского публичного дискурса выражение «Русский мир» обязано украинскому кризису 2014 года и его драматичной эволюции в последующем". Статья не может быть рекомендована к публикации в данном виде, более того, представляется обоснованным подать статью для

публикации в журнале «Социодинамика». Автору следует переработать структуру в соответствии со всеми требованиями научных изданий Nota Bene. Также рекомендуется использовать концепты символической политики, разрабатываемые не только в русле антропологического и культурного подходов (С.П. Поцелуев), но и с точки зрения дискурс-анализа и анализа доктринальных источников (О.Ю. Малинова). Эмпирическое исследование должно быть актуализировано на материалах последних лет, то есть начиная с 2022-го года.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию интерпретаций «Русского мира» студенческой молодёжью российского Юга.

Методология исследования базируется на анализе данных, полученных в ходе трёх серий социологического обследования студенческого сознания, проведенных сотрудниками Южного федерального университета совместно и Южного научного центра РАН, статистической обработке результатов опросов, а также обобщении сведений из современных научных публикаций.

Актуальность работы авторы связывают со стремительным превращением выражения «Русский мир» в один из важных концептов российского публичного дискурса после украинского кризиса 2014 г. и его эволюцией в последующем.

Научная новизна работы, по мнению рецензента состоит в выводах о том, что в студенческом сознании завершается процесс деидеологизации концепта «русский мир» и деконтекстации этого концепта в более глубоких структурах идентичности, основанных не на идеологических предпосылках, а на культурном фундаменте.

В тексте статьи структурно выделены следующие разделы: Материал и методы, Результаты, Выводы и библиография.

Исследование построено на результатах опросов студентов Юга России, обучавшееся в вузах г. Ростова-на-Дону и Ростовской области с 2010 по 2021 гг., анкетирования проводились весной 2015 г., осенью 2019 г. и весной 2021 г. Авторы проводят статистическую обработку социологических опросов и сравнение их результатов за разные годы с позиций трех базовых концептов русского мира: имперско-цивилизационного, суперэтнического и православно-цивилизационного. Изложение материала сопровождается представлением информации в виде таблиц и диаграмм. Отмечено, что с 2015-го по 2019-й год произошёл сдвиг в студенческом сознании в сторону большего интереса к внутрироссийским проблемам, характерные для 2015 г. правоконсервативные, этнонациональные и даже праворадикальные установки, «обрамлявшие» концепт «русского мира», практически полностью исчезли к 2019 г. С 2019 г. в студенческом сознании происходит переосмысление концепта «русский мир» в пользу культурно-цивилизационных контекстов и идентичности. В результате ключевыми факторами, оказывающими влияние на деконтекстацию указанного концепта, становятся переменные цивилизационного выбора, идентичности и социальных ценностей.

Библиографический список включает 13 источников – научные публикации российских авторов по рассматриваемой теме на русском языке. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из резервов улучшения статьи следует отметить, что не все рисунки и таблицы отражаются в полном объеме, в связи с чем сложно оценить их нюансы. Кроме этого

почему-то начальная вводная часть публикации не озаглавлена как «Введение».

Тема статьи актуальна, материал отражает результаты проведенного авторами исследования, содержит элементы приращения научного знания, соответствует тематике журнала «Политика и Общество», может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию после некоторой доработки в соответствии с высказанными пожеланиями.

Англоязычные метаданные

New University Course "History of Religions in Russia": Not Only a General Educational Discipline, But Also an Element of Cultural, Educational and Scientific Diplomacy" (Analyzing First Results of Teaching the Course in English to Foreign Students)

Stenko Aleksandr Ivanovich

Assistant; Department of History of Philosophy; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ stenko-ai@rudn.ru

Stenko Irina Aleksandrovna

Assistant; Department of Foreign Languages; Higher School of Management; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

111550, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ irinastenkosocial@mail.ru

Abstract. This article represents an attempt to make an unprecedented comprehensive analysis of the first experience of teaching the academic English-language course "History of Religions in Russia" to foreign students of Russian higher education institutions. The object of the proposed research is the educational and methodological complex for the above mentioned discipline, which is currently being tested at the RUDN University named after Patrice Lumumba, with the participation of the first year bachelor's degree students of English-language educational programs - both of humanitarian and technical profiles. The major purpose of the study is to generalize and systematize the methodical, methodological, organizational, technical and other relevant features of the process of introduction of this subject into the curriculum. The study uses general and special scientific methods: generalization and classification, deduction and induction, analysis of administrative, regulatory and other documents. The main novelty of the research lies in the implementation of a previously unconduted analysis of the empirical results of teaching a new general education course launched for foreign students only in the fall of 2024. The practical significance of the article is comprised of providing other Russian universities and institutes planning to begin teaching the researched discipline with the opportunity to use the materials developed by RUDN University, which among higher education institutions in Russia has actually become a pioneer in teaching English-language course of "History of Religions in Russia" to foreigners. It will also be instrumental in giving new impetus to the measures taken by Russian high-schools in order to expand the export of national education abroad.

Keywords: Russian mentality, adaptation of the conceptual framework, educational diplomacy, teaching foreign students, scientific diplomacy, new education course development, interreligious dialogue, interfaith dialogue, religious education, History of Religions in Russia

References (transliterated)

1. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii, press-reliz ot

- 07.03.2024 [elektronnyi resurs] // minobrnauki.gov.ru 2024. – Rezhim dostupa: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/80086/> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
2. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii, press-reliz ot 16.10.2023 [elektronnyi resurs] // minobrnauki.gov.ru 2023. – Rezhim dostupa: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/74331/> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
 3. Rabochaya programma distsipliny «Istoriya religii Rossii» Agrarno-tekhnologicheskogo instituta RUDN im. P. Lumumby [elektronnyi resurs] // rudn.ru 2024. – Rezhim dostupa: https://www.rudn.ru/sveden/files/riw/Progr_35.03.10_SLABd00r-l000-4.00_Istoriya_religii_Rossii_2024.pdf/ (data obrashcheniya: 12.10.2024).
 4. Informatsionnaya broshyura RUDN im. P. Lumumby [elektronnyi resurs] // rudn.ru 2024. – Rezhim dostupa: <https://www.rudn.ru/storage/media/page/dba3d06a-3fd1-4efa-a2b9-7b7c91fbb1cb/p1r36POVzwIgOdWUJByqnZnOz4nPdBbDgX87bOFX.pdf/> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
 5. Azarov, A. A. Bol'shoi anglo-russkii slovar' religioznoi leksiki. – M.: Flinta: Nauka, 2004. – 807s.
 6. Rezul'taty poiska ponyatiya "all-Russian civic identity" v poiskovoi sisteme «Gugl» [elektronnyi resurs] // google.ru 2024. – Rezhim dostupa: <https://www.google.ru/search?q=All-Russian+Civic+Identity> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
 7. Pokrovskaya, E. V. Anglo-russkii slovar'. Politika – vlast' – obshchestvo. – M. : AST, 2010. – 736 s.
 8. Kononenko, B. I. Bol'shoi tolkovyi slovar' po kul'turologii. – M.: Veche, AST, 2003. – 511 s.
 9. Sox, James L. From Primitive to Indigenous: The Academic Study of Indigenous Religions. Aldershot: Ashgate, 2007.
 10. Mchedlova, M.M. Tezisy vystupleniya na nauchno-metodicheskom seminare «Towards the Tutorial on Basics of Russian Statehood», RUDN im.P.Lumumby. – 26.01.2024.
 11. Avetisyan, A. A. Rol' yazyka v realizatsii kul'turnoi diplomatii i mezhkul'turnoi kommunikatsii // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. – 2023. – №. 8. – S. 46-48.

The development of the Japanese welfare state and assessment of it's performance

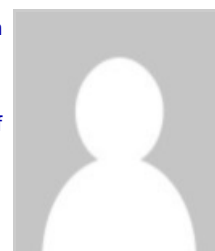
Podolskiy Vadim Andreevich

PhD in Politics

Researcher; Department of History of Political Philosophy; Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

109240, Russia, Moscow, Gonchamaya str., 12 p. 1

✉ deomniscibili@yandex.ru

Abstract. The article studies the development and performance of the Japanese welfare state to analyse the successes and failures of Japanese decisions in the field of social policy. The study covers emergence and change of pension and health insurance programs, social support measures, demographic programs and the long-term care insurance. The education system in Japan is assessed. The administrative architecture of the welfare state is studied. Political bargaining over the rules of the welfare state is considered, from the creation of the system

to its optimisation because of the population aging and the slowdown of the economy. The study compares effectiveness of social programs in Japan and in other countries. The culture-specific features of the Japanese social policy are assessed to explain the limits for possible implementation of the Japanese decisions in other countries. The effectiveness of social programs is studied on the basis of quantitative indicators reflecting their functioning, such as the level of health of the population and health care costs, incomes of elderly citizens, student achievements in comparison with other countries. The welfare state in Japan followed the example of Germany. Social policy in Japan does not fall behind the European systems. The health care system in Japan is one of the best in the world. Insurance mechanisms work effectively, the share of direct payments is small and lower than the average among developed countries. The education system also shows good results. The pension system lags behind in terms of the expected level of income replacement, and also faces problems due to the aging population. The welfare state in Japan effectively supports citizens, but faces serious pressure from economic and demographic factors, which leads to tightening of rules to maintain the sustainability of the system.

Keywords: demography, family benefits, healthcare, pensions, social assistance, social insurance, welfare state, education, social policy, Japan

References (transliterated)

1. Igarasi N. Stareyushchee obshchestvo Rossii i Yaponii // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo. № 1 2024. S. 42-45.
2. Karelova L.B. Printsipy buddiiskoi i konfutsianskoi etiki v formirovanii kontseptsii korporativnoi sotsial'noi otvetstvennosti v sovremennoi Yaponii // Ezhegodnik Yaponiya. 2013. № 42. S. 89-100.
3. Kobets P.N., Il'in I.V. Problemy vliyaniya demograficheskogo krizisa v Yaponii na ekonomicheskuyu bezopasnost' strany // Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. 2019. № 3. S. 130-137.
4. Konstitutsiya Yaponii: perevod na russkii yazyk. Tokio: Nauchno-issledovatel'skii institut Evrazii pri Obshchestve «Yaponiya – strany Evrazii», 1995. 48 s.
5. Lebedeva I.P. O bednosti i neravenstve v Yaponii // Ezhegodnik Yaponiya. 2021. T. 50. S. 32-60.
6. Lebedeva I.P. Padenie rozhdaemosti v Yaponii // Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2024. № 2. S. 73-85.
7. Lebedeva I.P. Sotsial'no-ekonomicheskoe izmerenie stareniya naseleniya Yaponii // Yaponskie issledovaniya. 2023. № 4. C. 94-116.
8. Lebedeva I.P. Sistema sotsial'nogo obespecheniya Yaponii: dostizheniya i problemy // Yaponskie issledovaniya. 2016. № 4. S. 23-35.
9. Lebedeva I.P. Yaponiya: osobennosti sotsial'noi stratifikatsii // Yaponskie issledovaniya. 2022. № 1. S. 115-136.
10. Lebedeva I.P. Yaponiya: sotsial'naya mobil'nost' i sotsial'nye bar'ery // Ezhegodnik Yaponiya. 2022. T. 51. S. 61-96.
11. Naumova I.Yu., Panteleeva M.V. Sotsial'naya politika v sfere sotsiokul'turnoi vovlechnosti pozhilykh grazhdan Yaponii // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2022. № 2. S. 32-38.
12. Abrahamson P. The American welfare state system. With special reference to asset- and means-tested social assistance programs // The Routledge International Handbook

- to Welfare State Systems / Ed. by C. Aspalter. Abingdon: Routledge, 2017. P. 87-105.
13. Adachi Y. The Economics of Tax and Social Security in Japan. Singapore: Springer, 2018. 264 p.
 14. Aspalter C. The Brazilian welfare state system. With special reference to the outcomes and performance of the welfare state system // The Routledge International Handbook to Welfare State Systems / Ed. by C. Aspalter. Abingdon: Routledge, 2017. P. 155-177.
 15. Dostal J.M., Naskoshi G.E. The Indonesian welfare state system. With special reference to social security extension in the development context // The Routledge International Handbook to Welfare State Systems / Ed. by C. Aspalter. Abingdon: Routledge, 2017. P. 365-383.
 16. Employees' Pension Insurance Act No. 115 of May 19, 1954 // Sait perevoda yaponskikh zakonov Ministerstva Yustitsii Yaponii. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3554/en> (data obrashcheniya 4.12.2024)
 17. Esping-Andersen G. Hybrid or unique? The Japanese welfare state between Europe and America // Journal of European social policy. 1997. Vol. 7. No. 3. P. 179-189.
 18. GBD 2021 Risk Factors Collaborators. Global burden and strength of evidence for 88 risk factors in 204 countries and 811 subnational locations, 1990-2021: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2021 // The Lancet. 2024. Vol. 403. May 18. P. 2162-2203.
 19. Harada Y. Beyond de-globalization in Japan // Capitalism and the World Economy: The Light and Shadow of Globalization. / Ed. by T. Hirai. Abingdon: Routledge, 2013. P. 165-184.
 20. Ikegami N., Goursat M.P., Chestnov R., Leopold N., Lohse C., Morrison C. Japan // Extending social health protection: Accelerating progress towards Universal Health Coverage in Asia and the Pacific. Bangkok: International Labour Organization, 2021. P. 190-203.
 21. Japanese Civil Code. Part IV Relatives. Chapter I General Provisions. Article 730 // Sait perevoda yaponskikh zakonov Ministerstva Yustitsii Yaponii. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/2058/en> (data obrashcheniya 4.12.2024)
 22. Jones C. The pacific challenge: Confucian welfare states // New Perspectives on the Welfare State in Europe. Ed. by C. Jones. London: Routledge, 1993. P. 198-217.
 23. Kasza G.J. One world of welfare. Japan in comparative perspective. Ithaca: Cornell university press, 2006. 209 p.
 24. Kitayama T. The Welfare State in Japan // Public administration in Japan. Ed. by K. Agata, H. Inatsugu, H. Shiroyama. Cham: Palgrave Macmillan. 2024. P. 133-148.
 25. Lee H. Retirement Income Security in Japan: An Overview of the Public and Private Pension System // International Comparison of Pension Systems. An Investigation from Consumers' Viewpoint / Ed. by H. Lee, G. Nicolini, M. Cho. Singapore: Springer, 2022. 523 p.
 26. Loewe M. Social protection schemes in the Middle East and North Africa: not fair, not efficient, not effective // Social Policy in the Middle East and North Africa / Ed. by Jawad R., Jones N., Messkoub M. Cheltenham: Edward Elgar, 2019. P. 35-60.
 27. Martinez G. The Mexican welfare state system. With special reference to conditional cash transfer systems // The Routledge International Handbook to Welfare State Systems / Ed. by C. Aspalter. Abingdon: Routledge, 2017. P. 122-137.
 28. Matsuda S. Characteristics and Problems of the Countermeasures Against Low Fertility

- in Japan: Reasons that Fertility Is not Increasing // Low Fertility in Japan, South Korea, and Singapore: Population Policies and Their Effectiveness / Ed. by S. Matsuda. Singapore: Springer, 2020. P. 1-14.
29. Milly D.J. Poverty, Equality, and Growth. The Politics of Economic Need in Postwar Japan. Cambridge: Harvard university press, 1999. 413 p.
 30. Neary I. The State and politics in Japan. Cambridge: Polity Press, 2019. 320 p.
 31. OECD Economic Surveys: Japan 2024. Paris: OECD Publishing, 2024. 126 p.
 32. OECD Education at a Glance 2024. Paris: OECD Publishing, 2024. 498 p.
 33. OECD Health at a Glance 2005. Paris: OECD Publishing, 2005. 175 p.
 34. OECD Health at a Glance 2023. Paris: OECD Publishing, 2023. 234 p.
 35. OECD Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators. Paris: OECD Publishing, 2019. 224 p.
 36. OECD Pensions at a Glance 2023. Paris: OECD Publishing, 2023. 236 p.
 37. OECD Revenue Statistics. Health taxes in OECD countries 1965-2023. Paris: OECD publishing, 2024. 353 p.
 38. OECD Reviews of Health Care Quality. Japan 2015: Raising Standards. Paris: OECD Publishing, 2015. 211 p.
 39. OECD Taxing wages 2024. Paris: OECD Publishing, 2024. 679 p.
 40. Osawa M. Social Security in Contemporary Japan. New York: Taylor and Francis, 2013. 240 p.
 41. PISA 2018 Results. In 6 Vols. Vol. 1: What Students Know and Can Do. Paris: OECD Publishing, 2019. 354 p.
 42. Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 198th Session of the Diet January 28, 2019 // Sait prem'er-ministra Yaponii. URL: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/statement/201801/_00003.html (data obrashcheniya 4.12.2024)
 43. Rahman A., Pingali P. The Future of India's Social Safety Nets. Focus, Form, and Scope. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. 463 p.
 44. Retirement in Japan and South Korea The past, the present and the future of mandatory retirement / Ed. by M.Higo and T.R. Klassen. Abingdon: Routledge, 2015. 208 p.
 45. Social Security in Japan. Tokyo: National Institute of Population and Social Security Research, 2014. 71 p.
 46. Takayama N. Pension Reform in Japan // KDI international conference on Population Aging in Korea, Seoul, 17-18 March 2005. 33 p.
 47. Takegawa S. Between Western Europe and East Asia: development of social policy in Japan // Handbook on East Asian social policy. Ed. by M. Izuhara. Cheltenham: Edgar Elgar, 2013. P. 41-64.
 48. The History of Japan's Educational Development. Tokyo: Institute for International Cooperation, 2004. 307 p.
 49. Thompson M.R. Authoritarian Modernism in East Asia. New York: Palgrave Macmillan, 2019. 130 p.
 50. Uzuki Y. Public Financial Assistance for Formal Education in Japan. Tokyo: National Institute for Educational Policy Research, 2014. 14 p.
 51. Valli V. Growth and crisis in the Japanese economy // Working paper. 2012. No. 07. Torino: Torino University, 2012. 28 p.

52. Wilensky H.L., Lebeaux C.N. Industrial Society and Social Welfare. New York: The Free Press, 1965. 397 p.
53. World Population Data Sheet. Washington: Population Research Bureau, 2024. 24 p.
54. Yamagishi T. Health Insurance Politics of Japan in the 1940s and the 1950s: The Japan Medical Association and Policy Development // Journal of International and Advanced Japanese Studies. 2017. Vol. 9. P. 193-204.
55. Yoruk E. The Politics of the Welfare State in Turkey. How Social Movements and Elite Competition Created a Welfare State. Ann Arbor: University of Michigan press, 2022. 238 p.
56. Yuda M. A Survey on Policy Experiences in the Japanese Public Healthcare Systems: Effects of Patient Cost Sharing on Healthcare Utilization and Health // Public Policy Review. 2023. Vol.19. No.4. Tokyo: Ministry of Finance, Policy Research Institute. 33 p.

Hajj in the System of state-Islamic Relations in Russia: History and Modernity

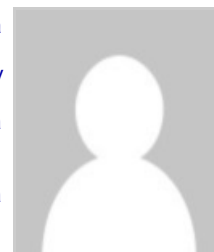
Khabibullina Zilya Rashitovna

PhD in History

Senior Researcher; Department of Religious Studies; R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research – a separate structural unit of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

6 Karl Marx Street, Ufa, 450072, Russia

✉ zilyahabibi@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of Hajj as an important element of state-Islamic relations in Russia. The historical aspects of Hajj, its influence on the formation of Islamic identity and interaction with state institutions are considered. The paper also explores current trends and challenges in preparation for and during the Hajj, including issues of financial aspects, as well as legal and social barriers. The focus is on the relationship between religious practices and public policy, as well as the role of Hajj in strengthening social cohesion among Muslim communities. The article analyzes examples of successful interaction between Islamic organizations and government agencies, as well as cases of conflicts and misunderstandings that may arise during the implementation of the Hajj. The article uses an integrated approach combining historical, politological and anthropological analysis. The research is based on the analysis of historical documents, statistical data, interviews with representatives of Islamic organizations. The scientific novelty of the work lies in the systematization of knowledge about the Hajj as an important element in the system of state-Islamic relations in Russia. The unique aspects of preparation for Hajj and its implementation, which had not previously been sufficiently investigated in the context of Russian reality, are revealed. The article emphasizes that Hajj not only performs religious functions, but also becomes a factor of social cohesion among Muslim communities. The findings of the study indicate that the Hajj can serve as a bridge for intercultural dialogue and understanding in a multinational country, contributing to strengthening ties between different ethnic and religious groups. It is also noted that successful cooperation between Islamic organizations and government agencies can significantly improve conditions for pilgrims, however, there are many challenges, including financial and legal barriers, which require attention from both Muslim communities and government agencies.

Keywords: Hajj, Saudi Arabia, Society, Muslims, Cross-border nature, Muslim-state relations, Pilgrimage, Islam, State, Religious practices

References (transliterated)

1. Akhunov A. M. Khadz u tatar: ot proshlogo – k nastoyashchemu // Rossiiskii islam v transformatsionnykh protsessakh sovremennosti: novye vyzovy i tendentsii razvitiya v XXI veke / Pod red. Z. R. Khabibullinai. Ufa: Dialog, 2017. S. 16–25.
2. Neflyasheva N. A. Iz Rossii v Mekku: khadz kak opyt sotsiokul'turnogo pogranich'ya // Pax Islamica. 2008. № 1. S. 161–170.
3. Tasmagambetova A. S. Istoriya konfessii Kazakhstana v kontse XVIII – nachale XX vv. (po materialam islama i pravoslaviya). Ural'sk: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr ZKGU im. M.Utemisova, 2012. 368 s.
4. Dashkovskii P. K., Shershneva E. A. Khadz kak element prostranstvennoi mobil'nosti musul'manskogo naseleniya Sibiri v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. // Zhurnal frontirnykh issledovaniy. 2023. № 3. S. 90–110.
5. Khabibullina Z. R. Ot Urala do Khidzhaza: puteshestviya musul'man k svyatyniam islama // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2016. 2 (51). S. 105–112.
6. Khabibullina Z. Perceptions of the Hajj / ed. by G. Simons, M. Shterin and E. Shiraev. Boulder, Colo: Lynne Rienner Publishers, 2023. P. 69–82.
7. Khadz musul'manskikh narodov Rossii: istoriya i sovremennost': khrestomatiya / Avtor-sostavitel' Z. R. Khabibullina. Ufa: Izd-vo BGPU, 2018. 170 s.
8. Kein A. Rossiiskii khadz: imperiya i palomничество v Mekku. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 401 s.
9. Silant'ev R. A. Musul'manskaya diplomatiya v Rossii: istoriya i sovremennost'. M.: IPK MGLU «Rema», 2010. 486 s.
10. Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan (TsIA RB). F. R-4732. Op. 1. D. 17. L. 11.
11. TsIA RB. F. 4732. Op. 1. D. 24. L. 7.

On the role of the prosecutor in protecting the labor rights of minors

Usov Aleksei Yur'evich

PhD in Law

Associate Professor; Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the consideration of civil and Arbitration cases; Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

664035, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Shevtsova str., 1

✉ alexus_555@mail.ru

Nesterova Natal'ya Aleksandrovna

Associate Professor; Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the consideration of civil and Arbitration cases; Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

664035, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Shevtsova str., 1

✉ nesterova.n.a@inbox.ru

Abstract. The subject of the research is the prosecutor's protection of the labor rights of minors. The authors of the article investigate not only the features of prosecutorial

supervision over the observance of labor rights of citizens under the age of 18, but also analyze other types of prosecutorial activities in this area. The paper pays attention to the specifics and legal grounds for the participation of prosecutors in the consideration of labor disputes by the courts. Proposals have been formulated on the specifics of the implementation of legal education by prosecutors among employers, as well as underage workers. In order to distinguish between the subject of prosecutorial supervision and the competence of state control bodies in the studied area, the issues that are subject to verification by the prosecutor are reflected, and the limits of prosecutorial activity are outlined. In the course of the study, the authors applied the method of statistical analysis of data on the number of violations of the labor rights of minors identified by prosecutors. Comparing this information with data on the number of claims filed by prosecutors allowed us to establish that the number of cases of prosecutors send to courts is relatively small. The scientific novelty of the research lies in the systematization of knowledge about the role of the prosecutor in protecting the labor rights of minors. The paper also formulated separate proposals for improving this type of prosecutorial activity. In particular, a legal justification has been developed for the prosecutor's right to bring the cases to court in order to protect the labor rights of a minor employee, even in cases where the minor himself does not want to file a written application with the prosecutor's office, but the violation of his labor rights is significant. In addition, the research contains proposals to tighten administrative responsibility for violations of the labor rights of minors.

Keywords: minor worker, labor rights, law, supervisory support, authorities, prosecutorial science, prosecutorial activity, prosecutor supervision, prosecutor, prosecutor's office

References (transliterated)

1. Mirzaev M.A., Akhmedov R.A. Rol' prokuratury v zashchite trudovykh prav grazhdan // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. Tom 33. Vypusk 2. S. 127-133.
2. Metodologiya i metodika nauchnogo issledovaniya / I. L. Chestnov. Sankt-Peterburg. 2018.
3. Teoreticheskie osnovy i prikladnye problemy uchastiya prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh / ruk. avt. koll. A.Yu. Vinokurov. M., 2017.
4. Deyatel'nost' prokuratury po pravovomu prosveshcheniyu i pravovomu informirovaniyu v sfere zashchity prav nesovershennoletnikh: nauchno-prakticheskoe posobie / ruk. avt. kollektiva D.I. Erezhipaliev. M., 2023.
5. Yarvoi A.V. Zashchita prokurorom zhilishchnykh prav detei-invalidov // Iskusstvo pravovedeniya. The Art of Law. 2024. № 3 (11). S. 75-82.
6. Nemzороva R.Yu. Prioritety prokurorskoй deyatel'nosti: prakticheskii i teoreticheskii aspekty: diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2015. S. 191.
7. Volnitskaya O.I. Nadzor za ispolneniem zakonov o zashchite trudovykh prav nesovershennoletnikh // Zakonnost'. 2013. №3. S. 13-15.
8. Statisticheskie dannye po forme ON, svodnyi otchet po Rossiiskoi Federatsii za 2023 g. : sait. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (data obrashcheniya: 05.12.2024).
9. V Rossii v 2023 godu trudoustroili pochni 500 tys. nesovershennoletnikh : sait. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18995469> (data obrashcheniya: 05.12.2024)
10. Krivoruchko N.V. Nadzor za soblyudeniem zakonodatel'stva o postinternatnom soprovozhdenii lits iz chisla detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei // Zakonnost'. 2015. № 12. S. 8-12.

11. Deyatel'nost' prokurora po zashchite prav nesovershennoletnikh / pod obshch. red. R.V. Zhubrina. M., 2024.
12. Zashchita prokurorom v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve prava nesovershennoletnikh na okhranu zdorov'ya: posobie / M.V. Mamatov, E.V. Kremneva, I.A. Maslov, I.S. Simonova. M., 2021.
13. Profilaktika agressii i destruktivnogo povedeniya molodezhi: analiz mirovogo opyta / pod red. akad. A.A. Reana. SPb., 2021.

Problems of realization of the right to pension provision for certain categories of citizens in conditions of international political instability

Rukoleev Vitalii Aleksandrovich

Assistant; Department of Constitutional and International Law; Ural State University of Economics

45 Narodnaya Volya str., room 750, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, 620144, Russia

✉ v.a.rukoleev@bk.ru

Zadorina Mariia Andreevna

PhD in Law

Associate Professor; Department of Constitutional and International Law; Ural State University of Economics

45 Narodnaya Volya str., room 750, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, 620144, Russia

✉ zadorina@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of realization of the right to pension provision by certain categories of citizens of the Russian Federation who are entitled to an early old-age insurance pension, whose work was carried out on the territories of the states that are part of the USSR. The topic is relevant due to the fact that pension legislation is dynamically developing. Modern geopolitical conditions, when citizens of the former Soviet republics acquire citizenship of the Russian Federation due to various circumstances, give the chosen topic great relevance. The study pays special attention to the impact of the current international political situation on the realization of the right to pension provision by such citizens. The subject of the study is the norms of the legislation of the Russian Federation on pension provision, judicial practice, as well as the works of domestic legal scholars on this issue. The methodological basis of the research was made up of general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, generalization), as well as special legal (formal legal) methods of scientific cognition. Based on the analysis of judicial practice, problems have been identified in the realization of the right to an early old-age insurance pension by citizens of the Russian Federation whose work was carried out in the territories of the states that were part of the USSR: difficulties in confirming the existence of a special work experience associated with the adverse effects of various factors due to the reorganization or liquidation of the employer organization; absence (loss) of documents on work experience; ignoring by organizations and authorities of the states of the former Soviet republics requests for information on the provision of information on the duration, nature and working conditions of persons living in Russia, in the territories of the former Soviet Union. It has been established that employees of pension authorities make mistakes in the application (interpretation) of the norms of pension legislation, evade the obligation to request documents necessary for the appointment of a pension from authorities and organizations, shifting this burden on citizens

themselves and forcing them to defend their rights and legitimate interests in court. Based on the results of the study, the authors proposed measures aimed at optimizing the procedure for exercising the right to an early retirement insurance pension, taking into account modern geopolitical conditions.

Keywords: early insurance pension, pension authority, work experience, citizens, work, pension provision, retirement age, pension legislation, insurance experience, special experience

References (transliterated)

1. Glotova, I. I. Pensionnoe obespechenie i ego problemy v Rossiiskoi Federatsii / I. I. Glotova, A. E. Berezhnaya // *Ekonomika i paradigma novogo vremeni*. – 2023. – № 2. – S. 42–46.
2. Nikolaev, A. S. Problemy dokazyvaniya v sporakh o naznachenii dosrochnoi pensii po starosti / A. S. Nikolaev // *Ural'skii zhurnal pravovykh issledovaniy*. – 2023. – № 1. – S. 49–53. – DOI: 10.34076/2658_512X_2023_1_49
3. Cherepanov, V. A. O pravovoi vozmozhnosti povysheniya pensionnogo vozrasta: analiz reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii / V. A. Cherepanov // *Zhurnal rossiiskogo prava*. – 2020. – № 5. – S. 50–58. – DOI: 10.12737/jrl.2020.054
4. Doroshenko, E. N. Konstitutsionnye standarty dostoinoi zhizni i svobodnogo razvitiya cheloveka pri provedenii pensionnoi reformy / E. N. Doroshenko // *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. – 2018. – № 12 (97). – S. 39–54.
5. Podoplelova, O. G. Gendernye stereotipy v konstitutsionnom prave Rossii: lovushka «osobogo otnosheniya»? / O. G. Podoplelova // *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. – 2018. – № 3 (124). – S. 73–91. – DOI: 10.21128/1812-7126-2018-3-73-91
6. Voronin, Yu. V. Pensionnyi vozrast: pravovaya priroda i znachenie v sisteme pensionnogo obespecheniya / Yu. V. Voronin. – M.: NORMA, 2024. – 84 s.
7. Napso M. B. Aktual'nye problemy realizatsii konstitutsionnogo prava grazhdan Rossiiskoi Federatsii na pensionnoe obespechenie v kontekste reformirovaniya pensionnoi sistemy Rossii / M. B. Napso // *Sovremennoe pravo*. – 2019. – № 2. – S. 38–49. – DOI: 10.25799/NI.2019.21.75.005
8. Timonina, I. V. Etapy reformirovaniya pensionnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii / I. V. Timonina // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. – 2022. – № 11 (215). – S. 115–118. – DOI: 10.47643/1815-1337_2022_11_115
9. Fedorova, M. Yu. Temporal'nye normy v pensionnom zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii / M. Yu. Fedorova // *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. – 2023. – № 4 (151). – S. 119–132. – DOI: 10.34076/20713797_2023_4_119
10. Istomina, E. A. Pravo sotsial'nogo obespecheniya: otvety na vyzovy vremeni / E. A. Istomina // *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. – 2023. – № 4 (151). – S. 133–142. – DOI: 10.34076/20713797_2023_4_133
11. Kozlov, N. B. O razvitii nakopitel'nogo komponenta pensionnoi sistemy Rossii (chast' I) / N. B. Kozlov // *Sotsial'noe i pensionnoe pravo*. – 2021. – № 3. – S. 31–37. – DOI: 10.18572/2070-2167-2021-3-31-37
12. Kozlov, N. B. O razvitii nakopitel'nogo komponenta pensionnoi sistemy Rossii (chast' II) / N. B. Kozlov // *Sotsial'noe i pensionnoe pravo*. – 2021. – № 4. – S. 39–43. – DOI: 10.18572/2070-2167-2021-4-39-43
13. Prudnikov, A. S. Sostoyanie i perspektivy razvitiya zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii v sfere realizatsii prava grazhdan na pensionnoe obespechenie / A. S.

- Prudnikov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya. – 2022. – № 2. – S. 51–57. – DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-51-57
14. Gabai, P. G. Dosrochnoe pensionnoe obespechenie meditsinskikh rabotnikov i spetsial'naya otsenka uslovii truda / P. G. Gabai, R. Yu. Karapetyan // Sotsial'noe i pensionnoe pravo. – 2020. – № 4. – S. 28–34.
 15. Novikova, Yu. A. Voprosy dopolnitel'nogo sotsial'nogo obespecheniya rabotnikov ugol'noi promyshlennosti / Yu. A. Novikova, E. V. Milkina, N. K. Ragimova, N. V. Ivanova, N. E. Kovalenko // Ugol'. – 2022. – № 1 (1150). – S. 11–14. – DOI: 10.18796/0041-5790-2022-1-11-14
 16. Kozlova, O. E. Problemy pravovogo regulirovaniya otnoshenii po predostavleniyu dosrochnoi strakhovoi pensii pedagogam / O. E. Kozlova // Voprosy rossiiskoi yustitsii. – 2022. – № 21. – S. 348–355.
 17. Azarova, E. G. Dosrochnoe pensionnoe obespechenie zastrakhovannykh lits s semeinymi obyazannostyami / E. G. Azarova // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2020. – № 11. – S. 97–112. – DOI: 10.12737/jrl.2020.135
 18. Samsonova, V. O. Pensionnoe obespechenie semei, vospityvayushchikh rebenka-invalida: rossiiskii i zarubezhnyi opyt pravovogo regulirovaniya / V. O. Samsonova // Sotsial'noe i pensionnoe pravo. – 2017. – № 3. – S. 39–43.
 19. Kopalkina E. G. Realizatsiya mer gosudarstvennoi podderzhki rossiiskikh predpensionerov v sfere truda i zanyatosti / E. G. Kopalkina // Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo». – 2024. – T. 12, № 1. – S. 68–78. – DOI: 10.21685/2307-9525-2024-12-1-8
 20. Oleinik, N. N. Obespechenie pensionnykh prav grazhdan v kontekste formirovaniya sotsial'nogo gosudarstva / N. N. Oleinik, V. K. Letunovskii // NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – 2012. – № 2. – S. 131–134.
 21. Sudebnaya praktika i razvitie zakonodatel'stva o trude i sotsial'nom obespechenii: nauchno-prakticheskoe posobie / N. V. Antonova, S. V. Kamenskaya, T. Yu. Korshunova [i dr.]; otv. red. T. Yu. Korshunova. – M.: KONTRAKT, 2024. – 248 s.

Representation of historical and cultural heritage in the Academic Museum as a factor in preserving and strengthening intercultural dialogue at the regional level (based on the materials of the Museum of Archeology and Ethnography of the IES UFRC RAS)

Kamaletdinov Dalmir Azgarovich

PhD in History

Researcher; R. G. Kuz'nev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

6 Karl Marx str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450077, Russia

✉ dalmirkamaletdinov@gmail.com

Abstract. The presentation of material and spiritual culture in the museum's humanitarian exposition is an effective tool for the formation and preservation of historical memory about the daily life of the population at different stages of human evolution. The images conveyed through individual exhibits make it possible to draw people's attention to the lost traditions of the past. The subject of the research is the representation of historical and cultural heritage

in the Museum of Archeology and Ethnography of the IES UFRC RAS, which is one of the important factors in preserving and strengthening intercultural dialogue in the Republic of Bashkortostan. The article provides a brief description of the museum space, as well as highlights that the objects and collections housed in the exhibition halls emphasize the common cultural ties between the different peoples (Turkic, East Slavic and Finno-Ugric) of the multiethnic region. General scientific methods (analysis, synthesis, abstraction, comparison, generalization) and special historical methods (historical-comparative, principle of historicism, systematic approach) were used in the preparation of the work. The conducted research has shown that the museum representation of the collected and systematized scientific funds (archaeological and ethnographic collections) acts as a resource for the formation of ideological attitudes of the inhabitants of the republic. Intercultural dialogue is achieved by overcoming stereotypes, expanding ideas about the early stages of the history of the Southern Urals and the and Pre-Ural, and sharing objective knowledge about the indigenous people and migrants of the region. Folk traditions and customs reflected in ethnic culture not only emphasize the specifics of the cultural landscape of the territorial space, but also manifest themselves as factors in establishing interethnic understanding in regional society. The prospects for further scientific development of the stated topic may be related to the study of the place and role of the academic museum: in intercultural communication using digital technologies; in the development of identity of the population; in the formation of historical consciousness of the inhabitants of the republic and the Ural-Volga region.

Keywords: interethnic harmony, intercultural dialogue, ethnicity, population, Republic of Bashkortostan, exposition, academic museum, culture, historical and cultural heritage, Representation

References (transliterated)

1. Altukhova S. A. Sovremennyyi muzei kak prostranstvo mul'tikul'turnoi kommunikatsii: obzor keisov Rossii i Velikobritanii // Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie. 2020. T. 2 № 3. S. 103–111. DOI: 10.33693/2658-4654/-2020-2-3-103-111
2. Boldyreva E. V. Traditsii sovetskikh khudozhestvennykh muzeev: rol' v formirovanii natsional'noi identichnosti // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2022. № 61. S. 58–65. DOI: 10.31773/2078-1768-2022-61-58-66
3. Vozheva L. B., Vozhev I. V. Regional'naya identichnost' v muzeinom prostranstve: svyaz' pokolenii // Kul'turologicheskie chteniya – 2018. Mezhkul'turnyi plyuralizm v polikul'turnom i poliyazychnom mire: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ekaterinburg, 14-15 marta 2018 g.). Ekaterinburg: UrFU, 2018. S. 88–91.
4. Gevorgyan L. P. Rol' kul'turno-obrazovatel'noi deyatel'nosti etnograficheskikh muzeev v formirovanii natsional'noi identichnosti // Artikel't. 2014. № 4 (16). S. 65–74.
5. Grin'ko I. A. «Muzeinye granitsy» i formirovanie novykh identichnostei // Samarskii nauchnyi vestnik. 2016. № 4 (17). S. 149–153.
6. Damdinov A. V., Dugarova T. Ts. Vospitatel'nyi potentsial shkol'nykh muzeev kak faktor formirovaniya grazhdanskoi identichnosti uchashchikhsya // Prepodavanie istorii v shkole. 2021. № 9. S. 52–55. DOI: 10.51653/0132-0696_2021_9_52
7. Demetradze M. R., Shorokhova S. P. Problemy i perspektivy natsional'no-kul'turnoi politiki gosudarstv postsovetskogo prostranstva // Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsii. 2022. T. 13. № 4 (37). S. 19–25.
8. Derbenev Yu. S. Predlozheniya Muzeya druzhby narodov po realizatsii «Strategii

- gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii» // Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. 2016. № 9 (99). S. 25–27.
9. Kamaletdinov D. A. Ob"ekty kul'turnogo naslediya Respubliki Bashkortostan i opyt ikh reprezentatsii v Muzee arkheologii i etnografii IEI UFITS RAN // Istoricheskii byulleten'. 2022. T. 5. № 5. S. 163–167.
10. Kamaletdinov D. A. Nauchno-fondovaya rabota v akademicheskome muzee kak faktor sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya Respubliki Bashkortostan (na primere Muzeya arkheologii i etnografii Instituta etnologicheskikh issledovaniy im. R. G. Kuzeeva UFITS RAN) // Dnevnik nauki. 2023. № 12 (84). DOI: 10.51691/2541-8327_2023_12_40. URL: <http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2023/12/history/Kamaletdinov.pdf>
11. Kitsenko O. S., Komissarova E. V. Muzei kak prostranstvo mezhkul'turnoi kommunikatsii (na primere Muzeya istorii Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta) // Muzei. Pamyatnik. Nasledie. 2017. № 2. S. 49–58.
12. Kruglova D. E. Muzei Kuzbassa kak resurs formirovaniya regional'noi identichnosti // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2021. № 57. S. 66–72. DOI: 10.31773/2078-1768-2021-57-66-72
13. Lisenkova A. A. Transformatsiya sotsiokul'turnoi identichnosti v tsifrovom prostranstve: monografiya / A. A. Lisenkova. Perm': PGIK, 2021. 286 s.
14. Lokosov V. V. Sotsiologiya radikal'nykh izmenenii: transformatsiya rossiiskogo obshchestva v 1987–2020 godakh: monografiya. M.: FNISTS RAN, 2022. 552 s.
15. Mastenitsa E. N. Mezhpokolennaya kommunikatsiya v muzee kak faktor sokhraneniya i translyatsii kul'turnogo naslediya // Uchenye zapiski (Altaiskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv). 2020. № 2 (24). S. 35–40. DOI: 10.32340/2414-9101-2020-2-35-40
16. Muzei arkheologii i etnografii: katalog muzeinoi ekspozitsii Tsentra etnologicheskikh issledovaniy Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN / otv. red. A. B. Yunusova. Ufa: TsEI UNTs RAN, 2007. 220 s.
17. Mukhametzyanova-Duggal R. M., Kamaletdinov D. A. Muzei arkheologii i etnografii IEI UFITS RAN: sozдание i razvitiye // Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN. 2021. № 3. S. 103–112. DOI: 10.31040/2222-8349-2021-0-3-103-112
18. Petrov I. G. Muzei arkheologii i etnografii Tsentra etnologicheskikh issledovaniy Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN (istoricheskii ocherk) // Etnograficheskoe obozrenie. 2003. № 2. S. 136–150.
19. Popov E. A. Tsivilizatsiya i kul'tura: «tsentratsiya» tsennostei // Sotsiodinamika. 2023. № 1. S. 41–51. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.1.39568 EDN: FEXJAP URL: https://e-notabene.ru/pr/article_39568.html
20. Popova O. V., Grishin N. V. Instrumenty gosudarstvennoi politiki identichnosti v sovremennom mire // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2024. T. 26. № 2. S. 325–340. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-325-340
21. Ryndin A. V., Sadovoi A. N., Belozerova M. V., Karpun N. N. Ob"ekty istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediya goroda Sochi v sisteme mezhetnicheskikh kommunikatsii: Sad-muzei «Derevo Druzhby» // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2019. № 49. S. 106–118. DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-106-118
22. Safonov A. L. Dualizm kul'tury (filosofskii analiz prichin sosushchestvovaniya etnicheskoi i natsional'noi kul'tury v obshchestve) // Vestnik Moskovskogo

- gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2019. № 3. S. 65–72. DOI: 10.18384/2310-7227-2019-3-65-72
23. Skripkina L. I. Rol' muzeev v formirovanii regional'noi sotsiokul'turnoi politiki // Uchenye zapiski (Altaiskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv). 2017. № 4 (14). S. 49–55.
24. Smirnov A. V. Sovremennyyi muzei: kommunikatsiya ili kommemoratsiya // Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury. 2016. № 3 (24). S. 17–24.
25. Soboleva E. S., Epshtein M. Z. Rol' rossiiskikh muzeev v formirovanii natsional'noi identichnosti // Studia Culturae. 2004. № 7. S. 246–249.
26. Ukaz Prezidenta RF ot 24.12.2014 g. № 808 (red. ot 25.01.2023) «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi kul'turnoi politiki» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. № 5. 30.01.2023. St. 777.
27. Usichenko E. R. Pushkinskaya biblioteka-muzei kak tsentr mezhkul'turnoi kommunikatsii // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2020. № 2 (16). S. 168–171.
28. Ekspozitsionnaya deyatel'nost' muzeev v kontekste realizatsii «Strategii gosudarstvennoi kul'turnoi politiki na period do 2030 goda»: monografiya / Pod nauch. red. T. P. Polyakova. M.: Institut Naslediya, 2021. 438 s.

The Temporality of the Official Discourse of the Russian government (2012-2022): grammatical vs semantic dimension

Nikolaev Ilya Viktorovich

Senior Lecturer; Department of Foreign History and International Relations; Southern Federal University

344082, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Pushkinskaya str., 140, office 213

✉ nikolaev_polit@mail.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of temporality of political discourse, which is understood as a specific configuration of grammatical and semantic markers of referring to the past, present and future. The object of the study is the official political discourse of the Russian government in the period 2012-2022. The subject of the study is the patterns of the use of time markers in the official discourse of state power. The empirical basis of the research is the messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly, as well as solemn speeches dedicated to the celebration of Victory Day, National Unity Day and New Year. Special attention is paid in the article to the connection of the temporal characteristics of discourse with the historical policy of state power. The research methodology is based on an interdisciplinary synthesis of linguistic and semiotic approaches. The measurement of temporality in the discourse of power is carried out at three levels: grammatical (the ratio of the tense forms of verbs), lexical (symbolic words referring to the past and future), semantic (semantic content of images of the past and future). Variations of quantitative and qualitative content analysis are applied at each level. The main conclusions of the study include the following provisions. Firstly, the official discourse of the Russian government in the period 2012-2022 is timeless and fixated on reproducing the present. Secondly, the key tool for this reproduction should be considered stretching the time continuum of the present from the recent past as a measurable actual result of government activities to the near future, known from already formed work and budgeting plans. Thirdly,

despite the dominance of references to the future at the grammatical level, the past is semantically more significant and structured. Fourthly, the main reference historical period for the discourse of power is the post-war Soviet period, which corresponds to the current public demand. The novelty of the research lies in the application of an approach to the phenomenon of temporality, which allows us to take into account not only the manifestations of historical politics, but also to identify its correspondence to temporal orientation at the grammatical and lexical level. The study differentiates the natural orientation in time from the mythologized study of the past, placing it in a continuum of understanding the development of society by the Russian government.

Keywords: symbolic politics, historical politics, The word marker, the temporal form of the verb, The symbol word, the president, official discourse, temporality, the past, future

References (transliterated)

1. Kiselev K.V. Diskurs proshlogo v elektoral'noi politicheskoi ritorike: k postanovke problemy // Simvolicheskaya politika: Sb. nauch. tr. Vypusk 1. / Otv. red. Malinova O.Yu. – M.: INION RAN, 2012. – S. 175–181.
2. Burd'e P. O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka. – Rezhim dostupa: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html> (Data obrashcheniya: 20.09.2024).
3. Uaitkhed A.N. Simvolizm, ego smysl i vozdeistvie. – Tomsk: Izdatel'stvo «Vodolei», 1999. – 64 s.
4. Sinkevich D.A. Kategoriya temporal'nosti v lingvofilosofskom osveshchenii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 7 (188). Filologiya. Iskuststvovedenie. Vyp. 41. – S. 148–152.
5. Petrukhina E.V. Kognitivnye modeli vremeni v russkoi grammatike. – Rezhim dostupa: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:187942297> (Data obrashcheniya: 20.09.2024).
6. Deik T. van, Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. Per. s angl. – M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM », 2013. – 344 s.
7. Deik T. van, Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. Per. s angl. – M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM », 2013. – 344 s.
8. Assmann J. Communicative and cultural memory // Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook / Eds. A. Erll and A. Nünning. – Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2010. – P. 109–118.
9. Zavershinskii K.F. Simvolicheskaya politika kak sotsial'noe konstruirovaniye temporal'nykh struktur sotsial'noi pamyati // Simvolicheskaya politika: Sb. nauch. tr. Vypusk 2. / Red. kol.: Malinova O.Yu., gl. red., i dr. – M., INION RAN, 2014. – S. 80–92.
10. Assman A. Transformatsii novogo rezhima vremeni. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4-pr.html> (Data obrashcheniya: 10.09.2024.)
11. Arutyunova N.D. Vremya: modeli i metafory // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya / Otv. red. N.D. Arutyunova, T.E. Yanko. – M.: Izdatel'stvo «Indrik», 1997. – 352 s. – S. 51–61.
12. Miller A.I. Istoricheskaya politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI veka // Istoricheskaya politika v XXI veke / Pod red. A. Millera, M. Lipman. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – S. 7–32.
13. Potseluev S.P. Simvolicheskaya politika: konstellyatsiya ponyatii dlya podkhoda k probleme // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 1999. – № 5. – S. 62–75.

14. Makarenko V.P. Russkaya vlast' i byurokraticheskoe gosudarstvo: Chast' 1. – Rostov-na-Donu: Izd-vo Mart, 2013. – 649 s. – S. 154.
15. Chernyavskaya V.E., Molodychenko E.N. Istoriya v politike: metodologiya i metodika diskursivnogo analiza // Yazyk. Tekst. Diskurs. Nauchnyi al'manakh. Ch. 1. Vyp. 12. – Stavropol': Izdatel'stvo SKFU, 2014. – S. 43–64.
16. Chernyavskaya V.E., Molodychenko E.N. Istoriya v politike: metodologiya i metodika diskursivnogo analiza // Yazyk. Tekst. Diskurs. Nauchnyi al'manakh. Ch. 1. Vyp. 12. – Stavropol': Izdatel'stvo SKFU, 2014. – S. 43–64.
17. Putin V.V. Poslanie prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu RF ot 15.01.2020 g. // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
18. Putin V.V. Poslanie prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu RF ot 15.01.2020 g. // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
19. Putin V.V. Poslanie prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu RF ot 12.12.2012 g. // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
20. Putin V.V. Poslanie prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu RF ot 15.01.2020 g. // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
21. Vystuplenie V.V. Putina na prieme po sluchayu Dnya narodnogo edinstva ot 04.11.2012 // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/16752> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
22. Vystuplenie V.V. Putina na prieme po sluchayu Dnya narodnogo edinstva ot 04.11.2016 // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53212> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
23. Vystuplenie V.V. Putina na prieme po sluchayu Dnya narodnogo edinstva ot 04.11.2017 // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56002> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
24. Vystuplenie V.V. Putina na prieme po sluchayu Dnya narodnogo edinstva ot 04.11.2019 // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/61963> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
25. Vystuplenie V.V. Putina na Parade Pobedy na Krasnoi ploschadi ot 09.05.2019 // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60490> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
26. Vystuplenie V.V. Putina na Parade Pobedy na Krasnoi ploschadi ot 09.05.2019 // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60490> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
27. Putin V.V. Poslanie prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu RF ot 15.01.2020 g. // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
28. Vystuplenie V.V. Putina na Parade Pobedy na Krasnoi ploschadi ot 09.05.2019 //

- Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa:
<http://www.kremlin.ru/events/president/news/60490> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
29. Vystuplenie V.V. Putina na Parade Pobedy na Krasnoi ploschadi ot 09.05.2020 // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa:
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/63560> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
 30. Iet SSSR: zabyt' nel'z'ya vernut'sya? Elektronnyi resurs. – Rezhim dostupa:
<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja?ysclid=lpjbwhb4dh526979803> (Data obrashcheniya: 29.08.2024).
 31. Shapinskaya E.N. Simvolika retrotopii v (post)sovremennoi massovoi kul'ture: novaya zhizn' sovet'skogo mifa // Vestnik kul'turologii. – 2023. – № 2 (105). – S. 245–258.
 32. Putin V.V. Poslanie prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu RF ot 01.03.2018 g. // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa:
<http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
 33. Putin V.V. Poslanie prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu RF ot 20.02.2019 g. // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa:
<http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
 34. Putin V.V. Poslanie prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu RF ot 15.01.2020 g. // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa:
<http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
 35. Putin V.V. Poslanie prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu RF ot 01.03.2018 g. // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa:
<http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
 36. Putin V.V. Poslanie prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu RF ot 01.03.2018 g. // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa:
<http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
 37. Malinova O.Yu. Proshloe kak resurs simvolicheskoi politiki: analiz tematicheskogo repertuara pamyatnykh rechei prezidentov RF (2000–2013 gg.) // Idei i tsennosti v politike. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2015 / gl. red. A.I. Solov'ev. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. – 366 s. – S. 20–41.
 38. Sinel'nikova L.N. Semantika i stilistika yazykovykh korrelyatsii diskursa vlasti // Diskursy vlasti: kollektivnaya monografiya / N.A. Merkur'eva, A.V. Ovchinnikov, A.G. Pastukhov (otv. red.) – Orel: OOO «Gorizont», 2015. – 378 s. – S. 239–259.
 39. Putin V.V. Poslanie prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu RF ot 12.12.2012 g. // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. – Rezhim dostupa:
<http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (Data obrashcheniya: 03.06.2024).
 40. Fairclough N. Analyzing discourse: Textual analysis for social research. London, 2003.
 41. Pakhalyuk K.A. Diskursivnye osnovaniya interpretatsii istorii v kontekste sovremennoi vnutrennei i vneshnei politiki Rossii: dissertatsiya ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.01 / Mesto zashchity: FGAOU VO «Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (universitet) Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii». – Moskva, 2020. – 321 s.

Non-institutional politics and social movements as its actors

Doctor of Politics

Professor, Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University)

125993, Russia, g. Moscow, shosse Volokolamskoe, 4, of. GUK, komn.516

✉ rybackov@rambler.ru

Abstract. The subject of the study is non-institutional politics and its role in modern socio-political processes in the context of social movements. The thesis is substantiated that protest is a common element of the reasons for the growing importance of non-institutional politics, which brings together and even includes non-institutional politics in traditional politics. It represents the central analytical category around which the theoretical justification of the above position is based – currently, non-institutional politics has become part of the so-called traditional politics. The arguments in favor of this thesis can be divided into two main directions: the first, systemic, concerns the transformations that have influenced institutionalized politics in democratic systems over the past half century, the second, participatory, refers to the multifaceted development of social movements. Both involve a wide range of factors that interact in the development of non-institutional politics and, consequently, increase its rank and legitimacy. The tasks set required an appropriate theoretical and methodological basis for the study, which was compiled by the political science concepts of civil society, the theory of democracy (polyarchy). The paradigms of social movement research were taken into account: the paradigm of collective behavior, the theory of collective action (resource mobilization), the paradigm of new social movements. A systematic approach and methods of comparative historical analysis of social and political phenomena were used. The main subject of protest, challenge and formation of non-institutionalized politics are new social movements. Social movements are represented by an informal network of organizations and people united by collective identity, common values and aimed at expanding the boundaries of existing non-institutional politics and transforming socio-political design in the form of protest activities. The activity of these movements indicates that in modern post-industrial society, power is becoming fragmented. Classical political models based on class struggle within the framework of traditional political institutions are gradually being replaced by new forms of governance and communication, including non-institutionalized politics, the politics of democratic pluralism. New social movements are opposed to the traditional methods of decision-making by the bureaucracy, are organized on decentralized, networked principles and act as a factor in an increasingly deep dispersion of power in modern society.

Keywords: social movements, protest, political system, state, non-institutionalized, democracy, globalization, civil activism, actors, collective action

References (transliterated)

1. Lapina N.Yu. Sotsial'nyi protest v global'nom mire // Aktual'nye problemy Evropy. 2023. № 3 (119). S. 7-25.
2. Agababov A.R., Levochkin R.A. Neinstitutsional'nye formy politicheskogo uchastiya musul'manskoi molodezhi v sovremennoi Shotlandii. Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2021. (8). C. 117-127.
3. Tilly Ch. (2006). Regimes and Repertoires. Chicago–London: Chicago University Press. 240 p.
4. Dalton R. J. (1988) Citizen Politics in Western Democracies: Public Opinion and

- Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany, and France. Chatham House Publishers. 270 p.
5. McAdam, D., Tarrow, S., Tilly, Ch. (2001). Dynamics of Contentions. New York: Cambridge University Press. 411 p. URL: [file:///C:/Users/Acer/Downloads/2_Forys_Teoria%20Polityki-7-2023_%20\(6\).pdf](file:///C:/Users/Acer/Downloads/2_Forys_Teoria%20Polityki-7-2023_%20(6).pdf) (data obrashcheniya: 25.06.2024).
 6. Slavina A. (2021). Unpacking Non-institutional Engagement: Collective, Communicative and Individualised Activism. *Acta Sociologica*, 64(1), p. 86–102.
 7. Sokolov A.V., Palagicheva A.V. Mobilizatsiya i demobilizatsiya v setevom politicheskom proteste // *Politicheskaya nauka*. 2020. No 3. S. 266–297.
 8. Rose J.D. (1982). Outbreaks: The Sociology of Collective Behavior. New York: The Free Press. 288 r.
 9. Offe C. (1985). «New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics». W: *Social Research*, Vol. 52, No. 4: Social Movements. Greenwich Village: The New School, r. 817–868
 10. Il'icheva L.E., Parshina E.V. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo kak sub'ekty sotsial'nogo partnerstva // *Vlast'*. 2024, № 2. S. 145-159.
 11. Pavlova T.V. Sotsial'nye dvizheniya kak faktor transformatsii institutsional'noi sredy: problemy teorii. Pavlova T. V. Sotsial'nye dvizheniya kak faktor transformatsii institutsional'noi sredy: problemy teorii. – *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2008. № 5. S. 113-124. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Pavlova_5_08.pdf (data obrashcheniya: 30.06.2024).
 12. Khenkin S. M. Massovye dvizheniya novogo tipa v Ispanii: sotsial'nyi kharakter i politicheskaya rol' // *Aktual'nye problemy Evropy*. 2023. №3(119). S. 117-133.
 13. Rozanvallon P. Kontrdemokratiya: politika v epokhu nedoveriya. *Zhurnal «Neprikosnovennyi zapas»*, № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/4/kontrdemokratiya-politika-v-epokhu-nedoveriya.html> (data obrashcheniya: 30.06.2024).
 14. Inglehart, R. (1997). Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press. 464 p.
 15. Pugachev V.P. Globalistskii totalitarizm – trend razvitiya tsifrovogo obshchestva // *Svobodnaya mysl'*. 2021. №4 (1688). S. 5-18.
 16. Dal', R.A. Poliarkhiya: uchastie i oppozitsiya / per. s angl. S. Denikinoi, V. Baranova; Gos. un-t – Vysshaya shkola ekonomiki. M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2010. 288 s.
 17. Abramova S.B. Tsifrovaya partisipatsiya: kontseptualizatsiya ponyatiya v zarubezhnoi praktike grazhdanskoi aktivnosti // *Tsifrovaya sotsiologiya*. 2022. T. 5, № 4. S. 4-14.
 18. Kopaliani V.Z. Ideologiya sovremennykh sotsial'nykh dvizhenii vo Frantsii // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2022. № 12. S. 111–116.
 19. Trenin-Strausov P. D. Stop-kran zaklinilo. Rossii ne nuzhny ni demokratiya, ni parlament // *IA Regnum*. 10 oktyabrya 2023 g. URL: <https://regnum.ru/opinion/3838390> (data obrashcheniya: 19.08.2024)
 20. Lapina N.Yu. Obshchestvo utrachennykh illyuzii // *Aktual'nye problemy Evropy*. 2021. № 3 (111). S. 85-11.

The synchrony of Soviet public holidays and modern "urban rituals" (using the example of Ulan-Ude)

Abstract. The subject of the study is the mechanisms of synchrony of Soviet public holidays and modern "urban rituals". The object of the study is the mass forms of traditional and created urban holidays. One of the forms is Ulan-Ude City Day, the tradition of which is relatively new. This holiday has "traces" of a bygone era: demonstrations dedicated to May 1st and November 7th, the anniversary of the republic's entry into Russia, the anniversary of the formation of Buryatia. In addition to this holiday, urban rituals that have a clearly Soviet aftertaste include: elections, school lines, sports events-competitions, parades, the opening of monuments, etc. Special attention is paid to the process of formation and broadcasting of "urban rituals" in comparison with Soviet analogues based on visual sources (documentaries, photographs). Research method: discourse analysis, visual analysis of film sources of the Irkutsk Regional Film Fund, materials of regional media and photo documents of the websites of the Republic of Buryatia. The conceptual apparatus of K. Wolfe of the performativity of ritual action is applied in relation to modern political processes. The main conclusions are to identify the genesis of urban practices, the constitution of the urban community, which cannot be reduced only to the performative aspects of the ritual action of a city holiday. The study of the modern post-Soviet festive event is justified by reference to the established stable forms of conducting this ritual action in the recent past, it is possible to discern the origins of modern power management mechanisms and the specifics of the emotional management of history. The interest in the post-Soviet transit of urban rituals in Ulan-Ude is not only theoretical, but also consists in defining the phenomenon of urban mass celebration. Various performative practices in the form of celebrations held in Ulan-Ude, with a political or ethnic bias, found their embodiment, bringing the event designers and the urban community to the stage. The design of the City Day event, its preparation and implementation show its attractiveness to government, commercial structures, and, ultimately, to various segments of the urban population.

Keywords: synchrony, Soviet holidays, documentary films, emotional history management, city day, performative ritual action, visual discourse, an inventive tradition, urban holiday space, Late Soviet culture

References (transliterated)

1. Malinova O.Yu., Miller A.I., Pakhalyuk K.A. Regional'nyi aspekt politiki pamyati v Rossii // *Novoe proshloe / The New Past*. 2022. № 2. S. 112–136. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-112-136
2. Anikin D. A. Strategii transformatsii politiki pamyati v sovremennoi Rossii: regional'nyi aspekt // *Logos et Praxis*. 2012. № 3. S. 126–131.
3. Tul'chinskii G. L. Narratsiya v simvolicheskoi politike: Urovni i diakhroniya // *Simvolicheskaya politika*. 2016. № 4. S. 65–83.
4. Nazukina M. V., Startseva A. S. Megaproekty kak instrument politiki identichnosti v regionakh Rossii (na primere universiad v Kazani i Krasnoyarske) // *Ars Administrandi*. 2023. T. 15. № 1. S. 84–102.
5. Rusakova O. F., Gribovod E. G., Moiseenko Ya. Yu. Diskurs politiki pamyati: issledovaniya simvolicheskikh aspektov // *Diskurs-Pi*. 2022. T. 19. № 2. S. 154–171.

6. Vul'f K. K genezisu sotsial'nogo. Mimezis, performativnost', ritual. SPb.: Intersotsis, 2009. 164 s.
7. Petrov N. V. Ne tol'ko istoricheskaya pamyat': spory o proshlom, nastoyashchem i budushchem // Fol'klor i antropologiya goroda. 2024. T. 6. № 1-2. S. 7-12.
8. Baranova E. V., Orlova V. D. «Gulyai smelo»: sovetskie prazdniki i ritualy. Zhiznennye strategii kaliningradtsev // Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik kak istoriko-kul'turnyi fenomen: natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo. 2022. S. 289-295.
9. Barysheva E. V. Publika i zriteli sovetskikh prazdnikov 1920–1930-kh gg // Istoriya i arkhivy. 2023. № 3. S. 56-70.
10. Razlogov K. E., Kochelyaeva N. A. Novye pamyatnye daty i prazdniki kak sposob konstruirovaniya novoi identichnosti na sovetskom ekrane // Sovetskoe kino kak esteticheskii i sotsiokul'turnyi fenomen v mezhdunarodnom kontekste. 2022. S. 29-40.
11. Astakhova I. S. Massovye prazdniki v povsednevnoi zhizni naseleniya gorodskikh poselenii arkticheskoi Yakutii 1950–1980-e gg.(na materialakh Verkhoyanskogo raiona Respubliki Sakha (Yakutiya)) // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2023. № 12. S. 285-291.
12. Paniotova T. S., Romanenko M. A. Navyk voobrazhat' budushchee: utopicheskoe izmerenie sovetskikh revolyutsionnykh prazdnestv // Quaestio Rossica. 2022. T. 10. № 2. 2022. S. 577-592.
13. Krasil'nikova E. I., Naumov S. S. Prazdnovanie trekhstletnikh yubileev sibirskikh gorodov kak otrazhenie gosudarstvennoi i regional'noi politiki pamyati (1904–2016 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2023. № 82. S. 81-88.
14. Rolf M. Soviet mass festivals, 1917–1991. University of Pittsburgh Pre, 2013.
15. Illeritskaya N. V. Mify i ritualy romanticheskogo perioda sovetskoi istorii: o monografii E.V. Baryshevoi «"V veselom grokhote, v ogn'yakh i zvonakh": sovetskii prazdnik v sotsial'nom konstruirovanii novogo obshchestva» // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. № 4-2. S. 303-310.
16. Lomakin A. V. «Konstruiruya prazdnik»: leningradskie vlasti i organizatsiya prazdnichnykh meropriyatii (1956–1957 gg.) // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 2 (47). S. 100-105.
17. Sablin K. S., Valieva O. V. Kreativnye industrii v sovremennoi ekonomike: opredelenie, podkhody k izmereniyu // Voprosy teoreticheskoi ekonomiki. 2024. T. 24. № 3. С. 31-49.
18. Kolesnik M. A. et al. The Art of Decorating Mass Soviet Holidays (1918–1923) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2023. T.16. No 11. Pp. 1918-1935.
19. Khobsbaum E. Izobretenie traditsii. Per. s angl. Panarina S. // Vestnik Evrazii. 2000. Vyp. 8-11. S. 48-62.
20. Baiburin A., Piir A. When we were happy: remembering soviet holidays // Petrified Utopia: Happiness Soviet Style. 2009. Pp. 161-185.
21. Sadomskaya N., Dragadze T. Soviet Anthropology and Contemporary Rituals [with Discussion] // Cahiers du Monde russe et sovietique. 1990. Pp. 245-255.
22. Gofman I. Ritual vzaimodeistviya. Ocherki povedeniya litsom k litsu. M.: Smysl, 2009. 319 s.
23. Dashibalova I. N. Predstavleniya etnicheskikh grupp Buryatii o sotsial'noi nestabil'nosti // Vestnik MIRBIS. 2020. № 1 (21). S. 134-143. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.17
24. Shushkova N. V., Leibovich O. L., Kabatskov A. N. Bol'shoi gorod v postsovetskom

prostranstve //Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya. – 2004. – Т. 13. – № 1. – С. 91-105.

25. Şveţ A. Staging the Transnistrian identity within the heritage of Soviet holidays // History and Anthropology. 2013. Т. 24. No 1. Pp. 98-116.
26. Zelče V. The Transformation of 'Holiday' in Post-Soviet Space: Celebrating Soviet Victory Day in Latvia // Europe-Asia Studies. 2018. Т. 70. No 3. Pp. 388-420.
27. Kelly C., Sirotinina S. 'I didn't understand, but it was funny': Late Soviet festivals and their impact on children 1 // Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism. Routledge, 2012. Pp. 103-129.

The concept of the "Russian world" in the ideological attitudes of southern Russian student youth (based on sociological research materials from 2015–2021)

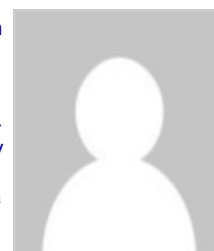
Konstantinov Mikhail Sergeevich

PhD in Politics

Associate Professor; Department of Theoretical and Applied Political Science; Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences; Southern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-On-Don, Rostov region, 344006, Russia

✉ konstantinov@sfedu.ru

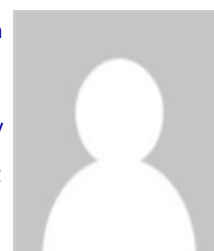
Potseluev Sergei Petrovich

Doctor of Politics

Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Southern Federal University

344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya Street 105/42

✉ spotselu@mail.ru

Pupikin Roman Aleksandrovich

PhD in Politics

Head of the Department; Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences; Southern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-On-Don, Rostov region, 344006, Russia

✉ proman2006@mail.ru

Abstract. The article analyzes the dynamic characteristics of the concept of the "Russian world" based on a series of sociological studies of student consciousness in the South of Russia (2015–2021) conducted by the staff of the Southern Federal University. The actualization of this concept in student consciousness occurred against the backdrop of the Ukrainian crisis of 2014 and underwent a certain transformation from 2015 to 2021. The methodological basis of the study was a series of focus groups and a questionnaire survey. In the process of analyzing the data collected by means of the questionnaire survey, factor, correlation and regression types of statistical analysis were used. As a result, the specifics of the decontestation of the concept of the "Russian world" in student consciousness were established, as well as a change in the conceptual framework for interpreting this concept. In particular, it was found that in 2015, the decontestation of the concept of the "Russian world" in the structure of values of student consciousness occurred in the right ideological spectrum (up to right-wing radical interpretations), but in 2019, this concept is more often placed in the cultural and civilizational context in the structures of student identity. Key factors influencing the process of decontestation of the concept of the "Russian world" were also identified. The

general conclusion based on the results of the study is that despite the fact that these variables substantively intersect with the three meanings of the concept of the "Russian world" presented in the media space of modern Russia (imperial-civilizational, super-ethnic and Orthodox-civilizational), the shifts occurring in student consciousness indicate deeper changes - about the increasing rootedness of the concept under study in the structures of student identity, and not just at the superficial level of ideological attitudes.

Keywords: student youth, value dynamics, group consciousness, Russian world, ideological concept, ideological attitude, ideology, cognitive-ideological matrix, questionnaire survey, South of Russia

References (transliterated)

1. Granskii A. D. Russkii Mir v poiskakh sodержaniya // Rossiya v global'noi politike. 2017. № 4. С. 186–201.
2. Drobizheva L. M. Kakim Russkii mir vidyat rossiiane // Informatsionnyi portal fonda «Russkii mir» [Elektronnyi resurs]. URL: [https://russkiymir.ru/publications/193790/%20\(data obrashcheniya: 10.11.2024\)](https://russkiymir.ru/publications/193790/%20(data%20obrashcheniya:10.11.2024)).
3. Zakatov A. N. «Russkii Mir», «Russkii Mir''» i Vserossiiskoe tsivilizatsionnoe prostranstvo // Tsennosti i smysly. 2017. № 1 (47). С. 8–23.
4. Konstantinov M. S. Internet kak glubinnaya kommunikativnaya tsennost' v soznanii studencheskoi molodezhi (po rezul'tatam anketirovannykh oprosov 2015–2021 gg.) // Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. 2022. № 10 (172). С. 18–24.
5. Konstantinov M. S., Pupykin R. A. Sotsial'no-politicheskie ustanovki i ozhidaniya studencheskoi molodezhi Rostovskoi oblasti (po materialam anketirovannogo oprosa 2019 g.) // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2020. № 1. С. 193–202.
6. Kocherov S. N. Russkii mir: problema opredeleniya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2014. С. 163–167.
7. Lukichev P. N. Pogranichnye ideologemy pravogo radikalizma v studencheskoi srede Rostovskoi oblasti (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) // Obzor. NTsPTI. 2018. № 1. С. 34–49.
8. Pereyaslova I. G., Kolbachev E. B., Pereyaslova O. G. Statistika / I. G. Pereyaslova, E. B. Kolbachev, O. G. Pereyaslova, Rostov-na-Donu: Feniks, 2003. 288 с.
9. Potseluev S. P., Konstantinov M. S. Migriruyushchie kontsepty pravogo radikalizma v attityudakh studencheskoi molodezhi Dona // Politicheskaya nauka. 2018. № 4. С. 146–178.
10. Potseluev S. P., Konstantinov M. S., Lukichev P. N. Ot entuziazma «Krymskoi vesny» – k frustratsiyam «russkoi zimy»? O kognitivnykh sdvigakh v soznanii studencheskoi molodezhi Yuga Rossii (po materialam serii sotsiologicheskikh issledovaniya 2015–2020 gg.) // Vlast'. 2020. № 2 (28). С. 190–198.
11. Timofeev S. E. Ideologema «russkii mir» v sovremennom politicheskom diskurse // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018. № 1 (9). С. 186–199.
12. Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu pod red. L. Kharrison, S. Khantington, Moskva: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2002. 320 с.
13. Rossiiskoe obshchestvo v kontekste novykh realii (issledovanie) // Informatsionnyi portal fonda «Russkii mir» [Elektronnyi resurs]. URL:

<https://www.russkiymir.ru/publications/184509/> (data obrashcheniya: 10.11.2024)